

**НЕСКУЧНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Венок

для незнакомки

Дорогой нашему сердцу полуостров Крым в руках контрабандистов и наркомафии! Но не дремлют и спецслужбы Украины...

А в самом центре кошмарных событий с участием крупных дельцов наркобизнеса, как всегда, сибирская писательница, автор популярных детективов Лидия Сергеевна Косичкина. Что ждет ее на этот раз? Что потрясет ее воображение? Для начала ее перепутают с интересной брюнеткой в желтом парео...

Юлия Соколовская
Венок для незнакомки

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не ожидала увидеть этим летом Крым... Мне никогда не снились жаркие страны. Не чудился прибор из раковины рапана в серванте. Не было видений смуглолицых туземцев, белоснежных официантов и романтических объятий с небритым мачо на фоне тростниковых хижин и полированного «бентли». И не потому, что я лишена фантазии. А потому, что пережила. Кончилось. Вместе с юностью и обидой неразделенной любви. Сами попробуйте родить дочь, расстаться с мужем да вдобавок обзавестись кабальными договорами с двумя издательствами, которые почему-то считают вас не человеком, а машиной по производству печатно-выгодной продукции.

А машинкой по пересчитыванию денег меня никто считать не хочет.

В связи с последним я и подняла восстание, закончившееся величайшей депрессией. Правда, она носила весьма странный характер — я самозабвенно носилась по загородным трассам на недавно купленном «опель-кадете» и активно себя жалела. Ей-богу, лучше бы я жалела себя на диване, слушая наставления мамы, как нужно зарабатывать деньги. Куда привычнее. Этот зрелый «юнкер», ровесник перестройки, обошелся мне в семьдесят процентов последнего гонорара. Но и после этого продолжал доить, как искушенный альфонс. Я пережила, что под комбинацией букв «у. е.», сопровождающей цифры на ценнике, подразумевались не привычные американские доллары, а до неприличия взлетевшие евро. Из Европы гнали, объяснили мне, у них — не доллары. Ладно, согласилась я, Старый Свет нам милее. Я пережила, что машина отчаянно разболтана, что на ней повсюду пятна ржавчины (куда смотрели мои глаза?). Я пережила предложение мамы: «Дочь, давай продадим ее на запчасти дяде Вите из автомастерской за углом? Хоть полсуммы вернем...» Даже сарказм симпатичного паренька из ПТО: «Вы напрасно, мадам, приобрели это железо; мы можем, конечно, подтянуть ходовую, но за тормоза ручайтесь сами. Или меняйте всю систему. А где вы, собственно, это купили? Ах на Литейщиков... Уболтали, говорите?.. Ну-ну, мадам, от всей души вам сочувствую». Даже этот плевок я пережила, хотя именно после этого произошел сброс пара.

Что за ярость на меня нашла? Я носилась по Академовской трассе, словно по игрушечному спидвею, нарочно привлекая внимание к своей никчемной персоне! Пелена обиды застила мне глаза. Обиды за финансовые дыры, за собственную глупость, за пролетающую мимо носа жизнь! Могла бы и не заметить мирно спящий у обочины асфальтоукладчик. Но заметила — в последний момент. Машина пошла юзом, не слушаясь руля, — столкновение неизбежно! Последний вздох... Я сделала «полный влево», зажмурила глаза, готовясь принять удар судьбы пусть не с достоинством, но без визга... И проехала, наверное, в миллиметре от гигантского стального катка! Приоткрыв один глаз, обнаружила, что стою на обочине. Сзади — каток, мимо тащится сирый отечественный гроб с восхищенным водилой, а прямо у капота — штанга рекламного плаката: «Ждите пивного переворота!» Во как зловеще. И все. (Ей-богу, для человека, знакомого с понятием «мюнхенский пивной путч», — вполне ностальгическая фраза.)

Унять безумную дрожь я даже не пыталась. Тряслась как лист. Пялилась на этот дурацкий плакат и ощущала, что схожу с ума. Вероятно, в этот момент и возникла из пучин подсознания мысль, что недурно бы в жизни поменять... хоть что-то. Пусть временно...

— Поменяешь тут... — прошептала я и завела заглохший двигатель. Поменять на

данный момент я могла только воспринять реальность. Влекомая этим неясным намерением, я отъехала от щита, сдала влево и потащила, постреливая мотором, по обочине. Съехала у развлекательного комплекса «Тихие зори». Здесь имелась платная автостоянка, лазерная дискотека, казино и другие веселые предприятия по отъему денег. В одном из них я и присела, совершенно не помня ряда моментов: почему? зачем? загнала ли машину на стоянку?..

— Вы какое вино предпочитаете в это время дня? — осведомился молодой, но фасонистый официант.

— Чего? — буркнула я.

— Есть херес де ля Фронтера, есть «Алеатико», есть «Ламбруско» — прямо для вас из Италии...

— Вы что, издеваетесь?

— Понял, сообразим, — не растерялся юноша и тихо растворился.

Закусывать бесцветный «недоконьяк» пришлось лепешками жареного сыра, по замыслу не отклеивающимися от тарелки. Со стороны я представляла, должно быть, уморительное зрелище: жалкая разведенка с похоронным лицом, активно воюющая с собой и накрытым столом...

— Ну ты, мать, и надубасилась, — заметила Бронька, возникнув предо мной.

Очевидно, я замерла, не дожевав.

— А сыр во рту держала... — поставила диагноз Бронька, отодвигая от меня графинчик с коньяком. — Челюсть задвинь. Чего ты ее выставила, как полку из шкафа?.. О господи!.. Слушай, перестань на меня пялиться! Да, это я, твой любимый доктор. Ты сама звонила полчаса назад, сказала, что находишься на грани кровоупуска и если не наложишь на себя руки, то напьешься. Поздравляю, Лидок, ты напилась...

Кому еще поплакаться, как не лучшей подруге? Очень стыдно за свое поведение, но нет у меня иного способа вызвать к себе жалость. Я выплеснула на нее все свои беды. Как из ведра. Не замечая присутствующих в заведении людей, я лила крокодиловы слезы, рыдая о безвременно почившем «кадете», с которым меня развели, как с мужем, о подонке Бересте, сгинувшем во мраке вечной командировки, о бестолковой Варюше, разбившей коленку... О том, что меня не понимает мама, о жизни, уходящей или уже ушедшей... О том, что до конца дней своих я обречена на прозябание в радиусе метра от письменного стола. И это в лучшем случае, поскольку закупорка мозгов может наступить в любой день, а никакими иными способами зарабатывать деньги, кроме марания бумаги, я не владею...

— Подожди, не грузи, давай по списку, — перебила Бронька, принимая на грудь не ей причитающееся спиртное. — Ты явно заработалась, Лидуна. Во-первых, успокойся насчет Варюши. И не слушай маму, нельзя идти к хирургу. У хирурга одно на уме — что-нибудь отрезать. Или мы с тобой никогда не разбивали коленки? Зарастет... Береста забудь: эта тварь доведет тебя до могилы, неужели ты не поняла, что он навсегда осквернен штампом?.. Вопрос с мамой даже обсуждать не хочу — радуйся, что, в отличие от некоторых, она у тебя есть. Машину мы пристроим: я поговорю с Рудиком — он держит авторынок на барахолке и в околпачивании клиентов не имеет себе равных. Потеряешь баксов триста, но это лучше, чем потерять голову, даже такую, как твоя... А что касается пролетающей жизни... — тут Бронька помедлила и сделала знак официанту: рассчитай, мол. — Об этом мы поговорим завтра — на твою свежую голову и мое беззлобное настроение. Вставай же, пьянчужка, будем добираться до дому. А твой драндулет я завтра откантую к Рудику...

Круг у горла сжимался, и какие-то потертости в районе шеи я уже, вероятно, чувствовала, поскольку вела себя неадекватно. Понимаю, что Бронька в случившемся не виновата. Ею двигали исключительно бескорыстные побуждения. Но привели они к очередному нервному срыву, поэтому особой благодарности я к ней не испытываю.

Даже в тот день, когда она буквально на горбу дотащила меня до своего «кефира» и грамотно заболтала маму, я не нашла в себе слов признательности...

Она позвонила на следующий день — поинтересоваться, каковы мои планы.

— Умереть... — бесхитростно поведала я.

— Прекрасно! — обрадовалась Бронька. — Я хочу сделать тебе сюрприз. Не умирай, я скоро приеду.

Она нарисовалась через полтора часа — в эффектном клетчатом костюме и квадратных очках — ну вылитый Мефистофель, забредший на огонек к Фаусту. Я как раз бродила по пустой, презрительно молчащей квартире и пыталась навести порядок. Вытрясла половики с балкона, вскопала грядки в цветах, отмыла, отшкрябала, отчистила все, что другим не под силу, починила кран, проштудировала Варюшины календарики и любовные записки. К моменту прихода Хатынской я так и не успокоилась и в трудовом раже все искала, к чему бы еще приложить свои старания.

— Потолок подмети, — подсказала Бронька. — Для пущего, так сказать, идиотизма. И перестань маячить, в конце концов, голова от тебя кругом... Хочу обрадовать тебя, Лидок. — Она извлекла из сумочки продолговатый конвертик и бросила на диван. — Как тебе нравится слово «таврический»? Лично я — обожаю.

— Ну да, — согласилась, — красивое слово. Связанно с Петербургом.

— Гм... — неопределенно отозвалась Бронька. — Это тебе авиабилеты — до Симферополя и обратно. Пятого августа — вылет, тридцатого — прилет. Номер в санаторной гостинице на окраине Жемчужного забронирован. Я понимаю: тебя не переделаешь, Лидок. Но давай попробуем, а? Ты не забыла, в какой части света находится Симферополь?

Я молчала.

Хатынская вздохнула:

— Ты сколько лет не ездила отдыхать?

Я молчала.

— Эй, алё, дозвон... — Ее выдержке позавидовал бы многотерпеливый Будда. — Лидок, ты где? Давай повторим. Это, — она ткнула ноготком в конверт, — авиабилеты в Крым и обратно, а это — твой паспорт. Я предчувствовала бурную реакцию, поэтому выудила его у тебя из сумочки, пока грузила твои кости в машину. Деньги за билеты отдавать не надо. Повторяю для людей с ослабленным слухом: не надо. Во-первых, это не деньги, во-вторых, не мои деньги, в-третьих, могу познакомить тебя со своим новым спонсором. У него отель на Обьгэсе, два ресторана в центре и бордель напротив бывшей партшколы... Знаешь, подруга, я тоже еду в Крым, но, пожалуй, попозже — через недельку, как дела расковыряю. На море встретимся. Угадай с трех раз: кто оплачивает мою поездку?

— Ну я, право, не знаю, — пробормотала я.

— Ага, — обрадовалась Бронька. — Замечаю в глазах проблески разума. Ты смышленная, Лидок, понимаешь, что развеяться необходимо. Сроки сроками, а здоровье не купишь. В общем, улетай, голубка, не дело киснуть в Сибири.

Я пыталась взбрыкнуть — мол, куда мне, на склоне лет, от мамы, от дочери, но только

для проформы. Бронька быстро погасила очаги сопротивления.

— Ты относишься к так называемым неглупым женщинам, Лидок. Ты — на грани. А я не хочу ходить в дурдом и менять тебе подгузники. Вероятно, и мама с Варюшей не хотят. Море лечит, не утруждай себя спором. И опять же — санаторий под боком, полный набор антистрессовой терапии. Яхты, горы, экскурсии... Не забудь добраться до Мраморной пещеры — это зрелище оставляет рубцы на всю жизнь. Здоровые, заметь, рубцы. Балаклава, Гурзуф, Тарханкут — ты была в молодости в этом раю, Лидуня, кому я рассказываю? И секса немного, обязательно — не забудь, не повредит... — Бронька хитро подмигнула. — С прекрасным туземцем под голубыми небесами... Нельзя сводить к минимуму отношения полов, заруби на носу.

Я молчала.

— И в заключение выпуска — о погоде, — заявила она уже с порога. — Над Черноморским побережьем Тавриды на август месяц обещают безоблачное небо. Возможны кратковременные осадки, бури, смерчи, ураганы, но в целом бессистемно и не везде. Так что удачи тебе, голубка. И не вздумай «залететь».

Выражение «безоблачное небо» оставило в душе неприятный осадок. Правда, ненадолго. Оставшись одна, я подошла к книжной полке — пересчитать уцелевшую от тяжелых расходов наличность. Вот уже год я хранила ее в книжонке безвестной английской графоманки Джоанны Харрис «Пером и потом». (Раньше в роли сейфа выступали «Шальные деньги» Роллинза и «Легкая нажива» Джона Макдональда, но я убедила себя, что мой труд достоин уважения.) На сегодняшний день оставалось ровно восемь однообразных, но безусловно симпатичных стодолларовых бумажек. Наверное, не так плохо, если учесть, что свою лепту в домашнее хозяйство на август я уже внесла. Интересно, подумала я, а сколько стоит в наши дни полный курс антистрессовой терапии?

Вот так я и попала в Крым. Знать бы, куда еду, ни за что не увернулась бы от того асфальтоукладчика!..

Глаза первая

Неприятности начались с первых же шагов по заграничной, но такой родной украинской земле. Сотовую «трубку», дабы избежать маминого контроля, я оставила дома. Это оказалось очень симптоматично. Кроме «трубки», я оставила половину вещей, необходимых отдыхающей женщине, в том числе расческу! (Причесывалась перед уходом и спокойно положила на полку.) Не ахти какая потеря, но ни в самолете, ни на аэродромном поле этого добра не продавали, поэтому я чувствовала себя не очень комфортно — особенно когда покидала лайнер. «Эвакуировали» новоприбывших через боковые ворота. Аэропорт перекрыли. Подтянутый службист в форме объявил пассажирам на ужасном суржике, что на полуостров для неформального общения с президентом Украины прибывает глава российского государства, в связи с чем украинская сторона приносит туристам глубокие извинения и пожелания. Народ, понятно, возбудился.

— И здесь достанут, — живо откликнулся пухлый гражданин, сопровождаемый часто моргающей гражданкой.

— А мне это нравится, — возразил представительный мужчина со спортивной сумкой. — Чувствуешь дыхание дома. Словно и не уезжал никуда.

— Хотите чувствовать дыхание дома, так и оставались бы там, — ворчливо заявил невыразительный субъект. — Не для того мы тратим уйму сбережений, чтобы нам навязчиво напоминали о родине.

Он был, безусловно, прав. Особенно про «уйму сбережений». Да и не только. Последний визит «расейского главы» в родной город по характеристикам был сравним с небольшим пугчем. Никогда не забуду, как доведенные до отчаяния автомобилисты съезжали с перекрытых улиц, растекаясь, как тараканы, по аллеям и дворам, чтобы при выезде на параллельные дороги быть заново развернутыми неумолимыми гаишниками.

— Очень странно, — заметил вдумчивого вида бородач, очевидно не впервые попадающий в аналогичный переплет. — Обычно перекрывают Севастопольскую дорогу — там у Кучмы аэропорт, вблизи Николаевки. Первый раз вижу, чтобы обложили Симферополь. Поменяли пункт доставки?

— С толку сбивают, — отозвался все тот же ворчливый субъект, — неудобства создают. Террористу с базуккой теперь придется метаться между Николаевкой и Симферополем, выбирая место для барьера. Откуда он знает, где тот сядет?

С переговорного пункта мне удалось связаться с домом. Оператор за окошечком взирала на лохматую приезжую с явным неодобрением — дескать, на международные переговоры деньги у дамочки есть, а на расческу нет.

— Все забыла, ничего не взяла? — иронично осведомилась мама. — Я удивляюсь, как ты голову не оставила в прихожей на крючке.

— Все в порядке, мама, — привлекая на свою сторону сестру таланта, доложила я. — Как Варюша?

— Твоя дочь бродит по двору с песнями и плясками, — сухо отчиталась мама. — С такими же малолетними преступниками, к одному из которых она явно тяготеет.

— А коленка?

— Жизнь покажет, костыли пока не покупали... — Мама помедлила и сменила тему: —

Надеюсь, дочь, ты никого не принесешь в клюве? Учти, на юге очень вольные нравы, не успеешь оглянуться, а уже...

Ну да, беременеют от поцелуя в затылок... Черта с два им всем. Уж что-что, а оглянуться я успею.

Поблагодарив маму за неустанную заботу о потомстве, я пожелала ей успешного вывоза помидоров с дачи и поклялась, что прикинусь порядочной. На чем и прервала дорогу во всех смыслах связь.

Разбитные таксисты кучковались за рядами зевающего оцепления на дальнем краю площади. Популярная «демпинговая» система здесь не работала: все от мала до велика твердили заунывно «двэсти гривней» и упорно отказывались называть другие цифры.

— А шо вы хотите, барышня, — ухмылялся вихрастый вымогатель с конопушками. — Сто кэмэ туда, сто оттуда — бак бензина. Почитай, сэмыдесят гривней. А нам шо остается? А вернешься — так последний рейс на вечер из Ровны. А там хохлы, народ прижимистый, они удавятся, а поедут на автобусе. Как в бочку набьются. Хрен клиента получишь... Слышь, барышня, ты завязывай вытрепываться — поехали, а? Полтора часа, и ты у моря...

Я бы так и сделала. Мысль о тряске в душном автобусе вызвала вполне обоснованный протест. Но тут за спиной игриво бибикнуло. Я оглянулась и увидела приткнувшийся к бордюру старенький «бьюик», подающий звуковые и световые сигналы. За рулем восседал оригинальный тип — ну вылитый Паганель. Даже в сидячем положении — настоящая жердина, метра под два. Очки, панاما с пером, соломенные патлы до плеч, а в зубах — обмылок верченой сигары.

— Ви в Жемчбюжное, мисс? — тщательно выговаривая русские слова, осведомился Паганель. — Садьитесь, пожа-алуйста, нам по пути, я тоже еду в Жемчбюжное.

Я оценила на слух его далеко не безупречную речь. Особых нареканий она не вызвала. Акцент не казался слишком наигранным — возможно, человек и в самом деле иностранец.

— Не бойтесь, садьитесь, — приободрил Паганель, видя мою нерешительность. — Я не возьму с вас дьенег... — Он расплылся в белозубой улыбке.

— Коз-зли-ина... — сплюнул в сердцах вихрастый.

«Дьенег» он с меня действительно не взял. Этот без усталости болтающий субъект оказался стопроцентным янки. Какой-то декоратор-оформитель из Милуоки, занимающийся в Жемчужном перепланировкой городского парка. В Симферопольский аэропорт отвозил коллегу, которого перевели на объект в Киеве. Правда, замашки у янки оказались нашенские: болтал о всякой чепухе, представился Лориком (вроде как Лоуренс), а потом вдруг остановился в приятной тени под пирамидальными тополями и полез познавать меня на ощупь. Ух как романтично...

— О-о, у вас такое прекрасное имя — Ли-и-ида... Давайте знакомиться, — мечтательно протянул этот ловелас и попытался просунуть ладошку между моих коленок.

«Хорошо начинаем отдых», — тоскливо подумала я. Но в принципе мы — заветам Береста верны. В те минуты, когда от любви уже начинались колики, он вспоминал, что мир кишит мерзавцами, и пытался обсудить со мной подробности. Я до боли сжала коленки и обеими руками вывернула буржуину локоть. На «полвторого». Говорят, мы бяки?..

— Уай? — взвизгнул Лорик, выдергивая ладонь.

Стало быть, спрашивает: почему? На бронзовой от загара физиономии проступила почти детская обида. Я даже усовестилась. Зачем сразу руки распустила? А вдруг он не хотел ничего такого? А я взяла да испортила ему день?..

— Простите, — сказала я шепотом.

Этот басурман приободрился и повторил попытку. На сей раз он поворотился ко мне лицом, растопырил лапищи и полез просто в наглуую. Даже чересчур. Я, конечно, понимаю, что у них в Америке половина нации зачата на заднем сиденье «шевроле», они иначе не умеют, но я-то здесь при чем?.. Я ударила кулачком в солнечное сплетение — Берест показывал на макете, где оно находится. Этот гость заморский в недоумении отшатнулся и принялся глотать воздух.

— Простите... — смиренно повторила я.

— Но уай?? — вновь возопил Лорик.

Господи ты мой, неужели он настолько тупой, что не понимает элементарных вещей? Не успел человек доехать до места, не успел расслабиться, принять душ, расческу приобрести...

— Давайте о чем-нибудь другой поговорим, — миролюбиво предложила я. Жалко их в глубине души — этих дремучих янки с голодными глазами. Пресловутый харрасмент, когда последняя секретарша может привлечь босса за невинное подмигивание, доконал мужскую половину Америки. Они рвутся в экзотические страны, где сроду не слышали о таком бранном слове.

— О другом? — удивился Лорик. — О другом мы уже поговорили.

Святая простота. Проболтал шестьдесят километров, ускоренно отработав начальную стадию «съема», и, не получив причитающегося, смертельно обиделся. Не привык. Но я достойно выпуталась из этой ситуации. Начала активно работать языком (прошу понять меня правильно). Описывать моральное состояние населения России и сопредельных стран я не решилась — Лорик ее прекрасно изучил, иначе не лез бы. Я просто объяснила ему, что остались еще женщины, не подверженные всеобщему растлению. В частности, одна из них сидит перед ним — ну бывает, не повезло.

Горе-янки усиленно морщил лоб, тщась понять, а потом его прорвало, как плотину! И пресловутый харрасмент, когда любую женщину в офисе обходишь за километр; и фригидная Лайза — законная супруга, искренне не понимающая, чего он хочет по ночам; и не очень выгодный, но приятный для души контракт с Жемчужной мафией, завершающийся через две недели, что неуклонно означает возвращение в страну звездно-полосатого кошмара; и несносное либидо, которым наградил его Создатель непонятно за какие заслуги...

В общем, мы подружились. Настолько, что без дополнительных притязаний Лорик довез меня до Жемчужного, где и распрощался, посетовав напоследок, что «такие пушистые, выразительные, вполнеба глаза — и пропадают...» «Не пропадут», — самоуверенно заверила я и покинула машину. Но обиду Лорик все-таки затаил — высадил меня не у санатория «Савелов ключ», куда я собиралась, а совсем наоборот — на западной окраине Жемчужного, где кривые улочки, пляшущие по холмам, сходились в шоссейную дорогу на Балаклаву. «Частников» было пруд пруди — но цены! При таком невысоком уровне жизни! У меня не находилось слов. Торговаться — напрасно, эти лихачи могли часами стоять без движения, но везти на гривну дешевле жадность не давала...

Я не стала спорить, умоталась за первый день. Вези меня, извозчик... Через полчаса, по предъявлении бумаг и пыльной, слегка поблекшей улыбки, администратор санатория Маргарита Львовна Запрудная уже объясняла мне, как пройти до бунгало. Проблем не возникло — «койко-место» действительно было мне забронировано. А еще спустя четверть

часа манерная девица по имени Габриэлла («Можно Габри, это упрощает понимание...») выдавала ключи и ценные инструкции по пользованию санузелом.

Бунгало оказалось не очень опрятным сереньким домиком на бугре, но то, что открылось из окна моего номера, заставило забыть все неурядицы. У меня перехватило дух, защемило в груди. Густо-синяя гладь, испещренная звездочками заходящего солнца, — я сто лет не видела этого умиротворяющего зрелища!..

Местечко именовалось Тихой бухтой. Райский уголок, замкнутый на севере грядой гор с исполинской Ай-Чу в форме загнутой длани. На востоке — Форос, на западе — Балаклава. Формально еще не ЮБК, но климат очень похожий. На пологих взгорьях Ай-Чу амфитеатром раскинулись виноградники. На ступенчатых горных террасах в западной части бухты — городок Жемчужное, средоточие всех приморских удовольствий. Сущая Мекка для туристов. Кривые улочки, заросшие магнолиями и грецкими орехами; дома всех мастей и калибров — от старых трогательных мазанок до основательных особняков «новых украинцев». Три улицы параллельно морю — Береговая, Народная, Черкасова — да масса переулков, связующих любую точку города с морем. «Общественные увеселения» — на Народной. Казино, гостиницы, рестораны, обязательные «дома свиданий». На Черкасова — парки, аттракционы, лабиринты строений из ракушечника, увитые плющом и винными лозами. Береговая — самая живописная. Здесь растут кипарисы, и этим все сказано. Скалистые ступени сползают в море. Островки зелени окольцовывают хибары и коттеджи из белого инкерманского камня, венчая пляж и разноцветье флотилии яхт-клуба. Береговая выводит к оздоровительным заведениям. Самое крайнее на востоке. — «Савелов ключ»: четыре комплекса с внушительным садом и тенистыми аллеями белой акации. Бунгало — в стороне, еще восточнее. Оно само по себе. Фанерное строение, напоминающее салун времен Дикого Запада. Самый стык санаторной цивилизации и природы. Заросли шиповника — дикой розы. Здесь рукой подать до пляжа: десять метров к обрыву по вертлявой каменистой тропе, узкая лестница с хлипкими перилами, ручей в скале — и ты почти на месте. Тридцать метров песчано-галечной глади. Восточнее бунгало начинается экзотика. Отдыхающие туда забредают, но нечасто. Песчаный пляж переходит в каменистый, морское дно завалено булыжником. «Экстремалить» — в принципе можно. Но получать ленивое удовольствие, отдыхая от трудов физических, — как-то сомнительно. Впрочем, кому как.

Посреди бухты возвышается фаллическое изваяние, как бы расколотое надвое мощным топором. Скала Обмана — местная достопримечательность и символ. Под ней обрыв, а пляж здесь просто отсутствует — море томно гладит камни, громоздящиеся под обрывом. За скалой — палаточный городок турбазы «Прибой»; полоса намытого пляжа, облюбованная нудистами, а еще дальше на восток — кромешная первозданность. Нагромождения валунов, скалы, испещренные гротами. Узкие бухты, тихие омуты... Над обрывом трасса в сторону Фороса. А за густым кустарником и виноградными плантациями — отроги Ай-Чу, синюющие в голубой выси. Оторванные от земли сплошной дымкой, нависают над местечком, будто стражники, стерегущие красоту...

— Двадцать гривен в сутки, — плакатно улыбнулась милашка Габри, выдавая ключи. — Можно оплатить сразу: от десяти суток скидка пять процентов. Можно ежедневно — первый корпус, от фикуса налево, касса, с двух до пяти. Но на скидку тогда не рассчитывайте. Есть столовая; комплексный обед — девять гривен. Бизнес-ланч —

двенадцать. Туалет и душ — в номере. В общем, сориентируетесь.

Чем отличается комплексный обед от бизнес-ланча, приветливая работница не пояснила (мне кажется, это разные названия одного и того же «перекуса» на скорую руку). Неясно было также, какое отношение бизнес-ланч имеет к санаторию. В бунгало же мне больше всего понравилась терраса, смотрящая на запад. С нее открывался живописный вид на цивилизованную часть бухты. Остальное могли бы и отремонтировать. Номер, забронированный Хатынской, оказался обыкновенной комнатой с разводами на потолке. Имелась также кровать, телевизор «Кварц» и облупленное окошко с линялыми занавесками. На первом этаже таких номеров было четыре. Обстановка в доме проще некуда — широкий коридор с входной дверью на восток, четыре коврика под «номерами», терраса. Скрипучая лестница на второй этаж, где еще две комнаты и навесной балкон, подпираемый цементными колоннами. Взойти на этот балкон я бы не решилась. Сильное подозрение, что эти испещренные трещинами подпорки отливали одновременно с античными столбами Херсонеса (правда, тамошний прораб был трезв). И не у меня одной возникало, вероятно, такое подозрение — ни разу не замечала, чтобы на балконе появлялись люди.

Но все это мелочи. Я уже сообщала, что бытовые неурядицы отступили и скукожились, едва за шторками я разглядела Кара-Дениз — Черное море! Я влюбилась в него по уши — раз и навсегда. Не восторженной девичьей, как когда-то, а зрелой любовью. Я забыла обо всем постороннем. Я почувствовала, как щемит сердце и горчит в груди. Как прокуренные легкие наполняются морским бризом, а в натруженных мозгах освобождаются забытые жизненным мусором ячейки. Как пьянящий восторг будоражит меня — от стертых пяток до нечесаных вихров, а на поверхность сознания бурно всплывает обида: где же ты была, дуреха, все эти долгие годы?..

Вероятно, это и была реакция на море, которого я не видела четырнадцать лет.

Очень плохо отпечатались в памяти первые дни моего пребывания в раю. Не превратись цветущий Эдем в ад, я бы запомнила их отчетливее. Но так уж водится — лучшее пролетает, оставляя привкус горечи да неясное волнение. А плохое разрастается до необъятного... В этот месяц солнце баловало — тридцать на улице, двадцать пять в воде. Я активно вела пассивный образ жизни. Тупо плющила на пляже, подставляя светилу разные части своего тела (мы теперь до зубов вооружены: первый день используем крем с максимальной защитой — сорок, затем ослабляем — до пятнадцати, а там и вовсе — два и не очень обильно). Я купалась в пересоленном море, сдержанно отвечая на приветствия проплывающих мимо мужчин. Наслаждалась шелковистой прохладой воды. Я ныряла с маской, выскивала между камнями вертлявых лилово-оранжевых крабиков, а когда находила, пускала восторженные пузыри. С любопытством наблюдала за раками-отшельниками (они смешно прятали тельца в раковины и носили их на себе). Я с визгом уворачивалась от медуз, чьи скользкие тельца так и норовили пристать к моему. И опять загорала, полностью отключаясь от реалий и уничтожая в мозгах остатки приобретенного мусора. Поедала креветки, продаваемые местными жителями, давилась виноградом...

Я намеренно не контактировала с окружающими, создавая образ неприступной и надменной сибирячки. Время терпит. Часы активного солнца я проводила в номере вдвоем с телевизором, постигая азы великого и могучего украинского языка. Иногда ходила в столовую, хотя больше предпочитала питаться «на месте», довольствуясь сытными пляжными чебуреками (их здесь смешно называли «чевареками»). И опять валялась на

песке, вдыхая аромат морских испарений. Вертелась со спины на живот, дрейфовала по ленивым волнам, отшивала многочисленных кавалеров...

С последними проблемы были просто чудовищные. Почему-то многие представители мужской половины отдыхающих были склонны видеть во мне скрытую нимфоманку. С гремучей энергией. И африканским темпераментом. Это, конечно, льстило, но не доходить же до пароксизма! Возможно, я избрала не тот имидж и потому не могу отделаться от повышенного спроса...

— Удивительные глаза, — заявил проходящий мимо супермен с пышными усами. — Где я мог их видеть? Послушайте, леди, вы не против пропустить стаканчик-другой в заведении «Шуры-Муры»? Мы могли бы прогуляться вечерком. Меня зовут Виктор... А куда вы так внимательно смотрите?

— На усы, — пояснила я. — Они у вас неподражаемы. Я представила на мгновение, как вы размножаетесь усами, будто «виктория» на даче... Смешно стало.

Он вмиг обиделся, развернулся и ушел, поигрывая обнаженным торсом.

Другой при виде меня тут же стал снимать брюки, и стало понятно — почему: плавки не могли скрыть прожорливую анатомическую подробность.

— О-го-го... — сказал дрожащими устами. — Такие женщины на дороге не валяются.

Именно тем я и занималась. Приоткрыла из вежливости второй глаз, после чего захлопнула оба.

— Коньяк, горилка, бьянко? — привычно перечислил этот несмышленный оболтус. — Или начнем с малого? Вы какое пиво предпочитаете? «Оболонь»? «Петрович»? «Славутич»?

Он явно спешил с инвестициями. Я повторно приоткрыла глаз, давая понять, что делаю ему великое одолжение. Оперлась на локоток.

— Мальчик, — почти ласково сказала я, — каждому овощу — своя фрукта. И наоборот. Ты не мой овощ, ты еще зеленый. И не станешь им никогда, даже если дозреешь, поскольку у нас с тобой патологическая несовместимость.

И захлопнула со стуком глаза. Больше я его голоса не слышала.

— Вам знакома стихия страсти? — доколупался третий, с не менее претенциозными причиндалами и глубокими познаниями в области российской телерекламы. Не будь у него траурной полоски под ногтями, я бы охотно посмотрела ему в глаза.

— За много лет женщины испробовали все, — согласилась я. — Но их радость была бы неполной без любимых мужей, периодически отлучающихся в туалет.

Он оказался сплошным болваном. Ни один предмет в радиусе метра не указывал на наличие какого бы то ни было мужа. Но его как ветром сдуло, что и позволило мне в сотый раз погрузиться в чинное спокойствие.

На третий или четвертый день этот образ жизни стал приедаться. Время текло своим чередом — я познала толк в мелких радостях, уверовала в свою исключительность и вообще ощутила себя заметно иным человеком. Я включилась в жизнь, размеренно текущую рядом. Впоследствии, окидывая мысленным взором незначительные события тех дней и свое в них участие, я частенько спрашивала себя: а могла ли я избежать великого кошмара? И с глубоким прискорбием сама себе отвечала: увы, не могла. Я вплелась в историю случайно, стихийно. А если персонажи драмы и крутились изначально у меня под носом, то это было всего лишь совпадение...

Итак, я включилась в эту солнечную, ленивую жизнь. Я познакомилась с обитателями бунгало, которых ранее старалась избегать. На момент моего вселения в сереньком домике

проживали трое. Все наверху. Радикальная блондинка Лариса Куценко (типичная простоватая хохлушка с ядреным пергидролевым окрасом) и семья полтавчан Костюковичей — «неразлучников» лет пятидесяти. Исключительно милейшие создания. Костюковичи днями ворковали в своем номере. Высунувшись из окна, я отчетливо могла слышать их сюсюканье. Иногда выходили на пляж. Он трогательно заводил ее в море, обмывал спинку, а затем усаживал на плюшевый коврик и расправлял над благоверной зонтик. Обедали по часам, поднимались и ложились в одно время, с разговорами не лезли, хотя и улыбались чрезвычайно ласково.

Не соседи — мечта. Воспитательница детсада из Винницкой области Лариса Куценко заботилась только о собственном здоровье. Вернее, о похудании. Похоже, девочку основательно замкнуло. Ее нельзя было назвать толстушкой. У нее были пухлые щеки, наивно-доверчивые глазки, фигура — как у всех нормальных людей. Ну подумаешь, немного жира в животе да слегка подсевшие окорочка. Ничего страшного. На мой сторонний взгляд, это ее не портило, на свете предостаточно мужчин, способных оценить раздобревшие женские телеса. Но мода на бесполое «гладильные доски», похоже, добралась и до далекой украинской провинции. Я общалась с ней раз или два, но мне уже хватило. У этой девушки имелось редкое качество — она внимала любым советам, даже самым чудовищным, пытаясь что-то изменить в своей внешности («Які можуть знадобитися!»). Кроме прочего, она была потрясающе наивной. По-русски не разговаривала (хотя прекрасно его понимала), а по-украински выражала только щенячий восторг, из которого я с трудом различала лишь слова «Крим», «чарівливо», «корисно» и с некоторым сомнением «привабливі для відпочинку» (то бишь «кайфово» в плане отдыха).

Не помню точно числа, то ли одиннадцатого, то ли двенадцатого, в бунгало появились еще две дамы. Обстоятельств их вселения я не помню. Мы познакомились уже на пляже.

— Хороша хаврошечка... — услышала я суждение одного из местных суперменов. Открыв глаз, с удивлением обнаружила, что данная оценка относится не ко мне, а к стройной брюнетке, спускающейся от бунгало. Она действительно была в соку — величава, высока и в купальнике, обожаемом всеми мужчинами мира (за неимением термина его называют символическим). Я не часто бываю в столице нашей родины, не могу судить вполне компетентно о тамошних обитательницах, но явно порочные наклонности в ее поведении просмотреть было невозможно.

— Здравствуйте, — подошла она ко мне и стала располагаться рядом. — Держите оборону?

— Держу, — согласилась я. — Вас прислали на подмогу?

Девушка прыснула:

— Вроде того. Милейшая хохлушка в бунгало, ее зовут Лариса — если я правильно запомнила, — сказала, что вы из России. Мы с вами соседки — я поселилась на первом этаже. Вы не из Москвы?

— Из Сибири... — Мой ответ должен был прозвучать масштабно. Но напрасно я пыжилась: девушка страшно удивилась — она, как оказалось, вообще не представляла, что в Сибири живут люди.

— Никогда не видела сибирячек! — восхищенно призналась она. — А скажите, это правда, что вы постоянно едите пельмени? Я слышала, на Урале это самое популярное блюдо... Хотя, впрочем, — девушка задумчиво покорябала ровный носик, — по вашей фигуре не скажешь, что вы поглощаете пельмени килограммами.

Вот именно. Величайшее заблуждение о белых медведях, беспрепятственно гуляющих по улицам сибирских городов, давно кануло в Лёту. И говорить так стало банальностью. Но возникают новые, не менее дикие заблуждения.

Я охотно объяснила несведущей москвичке, чем Урал отличается от Сибири, Южная Сибирь от прочей, и сколько народу там проживает. А заодно поведала, какую именно текилу я предпочитаю, чем доподлинное португальское порто из долины Дуэро отличается от крымского, какие «мерседесы» выпускают в Сибири, сколько европейских бутиков приходится на жителя Энска и какие новые блюда появились в итальянских ресторанах. Когда начала замечать, что брюнетке становится обидно за свой город, охотно сменила тему...

Оказалось, что ее зовут Ритой Лесницкой, она не замужем, вернее, был один муж... Но это несущественно. Трудится она топ-менеджером в скромной московской фирме и самозабвенно любит Крым. Хотя и патриотка в душе. Но не понимает людей, предпочитающих отдыху на изумительном полуострове сомнительные Сочи с прочими геленджиками. На ее взгляд, эти вещи просто несопоставимы...

В разгар нашего занятого времяпрепровождения к компании присоединилась еще одна нестарая особа. Она спустилась от бунгало, поискала кого-то глазами и, помахивая увесистой пляжной сумкой, направилась к нам.

— Я Соня Зырянова, — представилась она приветливо. — Прибыла полчаса назад.

У нее был идеальный бюст. Настолько идеальный, что возникли сомнения в его подлинности. Лично мне безразлично, но некоторые мужчины сильно огорчаются, когда на пике торжества обнаруживают, что им подсунули туфту. Говорят, сейчас выпускают бюстгальтеры, заполненные силиконовым гелем, и дамы самостоятельно, будто скульпторы, могут ваять собственные формы.

— Какие обаятельные люди живут в этом сереньком домике, — видя наше недоумение, объяснила Соня. — Они представились Костюковичами из Полтавы. Ну просто душки. Настолько тщательно объясняли ваши приметы и где вас можно найти, что я почти уснула. Вам не показалось, что они... скрытые садо-мазохисты?

— Флагелланты, по-научному, — подхватила Рита, — или «флажки», по-бытовому. Вы знаете, я тоже обратила внимание. У меня на даче в Игумнове есть соседи — такие предупредительные старички. Ну просто пылинки сдувают друг с друга. И что вы думаете? В одну прекрасную ночь обнаружилось, что они самозабвенно лупятся плетками! Не сдержались — эмоции наружу, и весь поселок теперь в курсе их интимных радостей...

Новоприбывшей Соне было лет тридцать. Она обладала незаурядной, как уже подмечено, фигурой, симпатичной мордашкой, зелеными смеющимися глазками и беспардонным купальником телесного цвета.

— Вы не из Москвы? — не теряя надежды повстречаться с землячкой, поинтересовалась Рита. А с какой завистью она смотрела на купальник соседки!

— Чтобы!.. — рассмеялась Соня. — Я потомственная пермячка.

— А это где? — удивилась Рита.

— На Урале, — подсказала я. — Где едят пельмени, а половина населения занята их лепкой.

— Ой, вы знаете, я обожаю пельмени, — обрадовалась Соня. — Могу их есть даже ночью, только разбудите... После колеса и секса это, наверное, самое достойное изобретение человечества...

Мы с Ритой дружно засмеялись. Видно, с этой минуты наши отношения и стали доверительными. Мы не сделались закадычными подругами — ни к чему это, не для того женщины едут на юг, чтобы искать себе друзей, но при встрече неизменно улыбались и не отказывали друг другу в мелких услугах. Подчас совместно проводили время, обмениваясь взглядами на жизнь и мнением об окружающих. Иначе говоря, сплетничали.

С ними я и вляпалась в первую дурацкую историю. По счастью, абсолютно безвредную. Происшедшее далее накрыло эту глупость с головой, сделав ее лишь невинным предисловием к истинным ужасам. Однако в тот день она меня страшно испугала.

— Я не понимаю, — возмущенно заявила Рита, — вы что, ночью спать собираетесь? Извините, это извращение. Мы не за тем пилили десять тысяч верст, чтобы игнорировать ночную жизнь. Даю вам десять минут на размышление. Учтите, кто не с нами, тот жалкий червь.

Дав волю здравому размышлению, я тоже признала, что человечество делится на три категории: в одних живет дьявол, в других Бог, а в третьих — исключительно глисты. Примкнуть к последним мы всегда успеем, а пока молодые, надо «танцевать». Специалистка по фармакологии, Соня тоже долго не упрямылась. Наличие мужа она не отрицала, но настаивала при этом на двух нюансах: во-первых, муж далеко; а во-вторых... — долгое презрительное фырканье. «Какой это муж? Это не муж, а так... бумажник».

— Верно мыслишь, больная, — подытожила Рита. — Не убойся мужа своего. Да никто и не предлагает в первую же ночь заниматься слиянием инь и ян. Мы просто гуляем...

Ухохочешься. Никто из нас не бывал ранее в Жемчужном. Мы тыкались, как слепые котята, из заведения в заведение, с трудом представляя их специфику. Напрасно мы выпили для разгона по двести пятьдесят martinis. «Поднятие тонуса» лишь усугубило нашу дезориентацию...

Наступал вечер — на юге темнеет удручающе быстро, — а пас носило по всей Народной с амплитудой маятника. Заведение «Шуры-Муры», где мы, собственно, и оприходовали martinis, я еще помню внятно, особенно красавчика бармена за стойкой. Он смотрел на кого-то из нас и пролил коктейль. Далее — поземка... На этом вечер можно было и закончить, тихо отсоединиться от компании и вернуться аллеями в бунгало. Но дурь взяла верх. Меня закружило по кабакам, как легкомысленную от природы женщину. Я помню свой щенячий восторг от горящих неонами реклам, кипарисовых аллеек, звона посуды и разгоряченных лиц. Я помню лазерную дискотеку, безумие света, перекрестье огней на беснующейся толпе. «Кислотных» мальчиков, бьющихся в экстазе; малолетних отроковиц в платишках из целлофана... Высокий бокал с трехслойным содержимым, заботливо врученный Соней: «Пей, Лидуна, я лучший в мире знаток микстур, это должно тебя отрезвить...»

После такого «отрезвления» я готова была плыть наперегонки до турецкой границы!.. Как меня вытаскивали из дискотеки, я не помню. Вечер набирал обороты, соблазны манили, жасминовые ароматы то трезвили, то сводили с ума, служа катализатором алкоголя в крови. Нас опять болтало по разным притонам. Следующим этапом падения стало заведение, обслуживающее представителей секс-меньшинств. Причем всех скопом — и голубых, и розовых...

«К-какое романтическое название... «Г-голубая волна...» — заявила Рита, не замечая очевидной направленности дансинга. Мы тоже как-то это проворонили. Вперед, дикая дивизия! В заведении было шумно, и музыка звучала все та же: пещерная попса для ног.

Правда, мальчишки кучковались слева, девочки справа, но разве это повод призадуматься? Может, они еще не познакомились?..

На волне веселья нас занесло в мужскую толпу — как буденновцев с шашками в белое войско. Те сумели сгруппироваться и вышвырнули нас из толпы с возмущенными криками. Слишком поздно сообразили — когда девичья толпа накрыла Соню с Ритой, а меня стиснула в запястьях и закужила в чудовищном вальсе какая-то пышнотелая мадам.

— Я не знаю вас, лапочка... — зашептала она в ухо с пылким жаром. — Вы, наверное, новенькая?.. Очень правильно, что вы сюда зашли. У вас такие выразительные, огромные глаза... Давайте познакомимся: меня зовут Матильда — это значит обретшая силу в боях, а настоящее имя — Жанна Луиза Кордебордель, я художница в галерее «Аделаида...». Здесь наверху очень уютные комнаты с атласным бельем, давайте я вам покажу. Ах, какая у вас нежная кожа...

Мы драпали из «Голубой волны», как Наполеон из России. А потом заразительно хохотали, рассевшись по лавочкам в ночном скверике. Удивительно, но и это нас не образумило. Приключения продолжались! Нас понесло далее — ведь еще полгорода не исследовано! Через квартал оказались в новом заведении — здесь все было нормально, мужчины, женщины, бильярд, дым столбом, правда, название какое-то странное: «Шинок». Не самое подходящее имечко для приморского кабака. Ужасная ошибка раскрылась после того, как девчата чинно заняли свободный столик, а я занять не успела — от стойки отклеился крепьш в жилетке на голое тело и потащил меня танцевать:

— Пишлы, дивчина...

Не люблю парней с квадратными шеями и тугими затылками. А особенно с предметами культа на волосатой груди. Меня хватило на два оборота, пока этот индюк не вознамерился залезть мне под майку. Даже пьяная, я такое стерпеть не могла. Попыталась вырваться. Но он держал меня, как вновь обретенную собственность, и принялся мять, ощупывать.

— Нэ протывся, детка, нэ протывся...

От него разило каким-то жутким коктейлем из чеснока и горилки.

— Отцепись, идиот! — взвизгнула я.

— Оба-на! — возрадовался шкаф. — Шо я бачу! Кацапка, у натуре!.. — Сжал меня до боли в плечах и захрипел в лицо вполне по-русски: — Ты ошиблась, детка... Это бар для хохлов, а тебе надо напротив — в «Джокер» для москалей... Ошиблась? Вот и терпи, коза... Да не ссы, мы хлопцы горячие, тебе понравится, будешь потом своим рассказывать...

Сталкиваться с великодержавным шовинизмом такого рода мне пока не доводилось. В исконно расейском Крыму!.. Понимая, что слова уйдут в чесночный жир, я решила на «экшн». Алкоголь бурлил и требовал подвигов! Я шарахнула каблуком по стопе этого горе-националиста! Он не ожидал, понятное дело. Выпустил мои плечи и с трубным ревом запрыгал по паркету. Ощущение, надо думать, не из приятных — подобно тому как гвоздем протыкают ногу! Я развернулась и, стараясь не поддаваться панике, засеменила к выходу. Рита с Соней наблюдали за мной с открытыми ртами. Одна пыталась нахмуриться, другая — улыбнуться. У обеих ничего не вышло.

— Девочки, на выход! — бросила я. — Ошиблись адресом.

Пострадавший продолжал пребывать в шоке — прыгал на одной ноге, сотрясая хлипкий паркет. Такого надругательства над соотечественником публика вынести не могла.

— Бей москалей! — истерично взвизгнула какая-то девка.

Я успела проследить движение — разъяренная фурия в майке и залатанных джинсах,

костлявая, как колхозная корова, схватила кий с бильярдного стола. Я опрокинула стул, пустив его по полу в направлении девицы, и опрометью бросилась на крыльцо. Успела выскочить первой. По громкому стуку костей поняла, что фурия не пролетела мимо стула. Соню выбросило следом за мной. Я не успела отпрыгнуть, и мы чуть не покатались по крыльцу. Рите повезло меньше: единомышленница фурии вцепилась ей в волосы. Ей-богу, напрасно она это сделала. Мы долго запрягаем, но ездим быстро. Рассвирепевшая Рита ухитрилась погладить обидчицу ногтями. Та заорала. Мы побежали прочь. Эти вопли преследовали нас целый квартал — вероятно, Рита изрядно расцарапала ей лицо. Мы свернули в темный переулок, выпали на Береговую и только там отдышались. Естественно, о продолжении вечера речь уже не шла. Мы вполне познакомились с ночной жизнью, заработали по стрессу и испытали горький вкус похмелья. И все, что называется, в одном флаконе. К бунгалю то шли, то бежали, поминутно озираясь, хотя никто за нами не гнался. У танцплощадки санатория смешались с толпой, исполняющей «белый» танец, и уже поодиночке добирались до спасительного бунгало. Я упала в сон, забыв принять душ и не выкурив традиционную сигарету у распахнутой занавески. Ничего себе отдых!

Глава вторая

— Нам необходимо пройти антистрессовую терапию, — объявила на следующий день Соня. — Заявляю как специалист. Заодно с приличными людьми пообщаемся.

Надо — значит надо. Нервно похихикивая, мы отправились на консультацию в главный санаторный корпус.

Этого следовало ожидать. Напряженный график работы, критический возраст, промышленная гарь и родонозные плато, на которых архитекторы возводят крупные города! Как мы можем жить, не пройдя курс лечения именно в этой санатории? Как мудро, что мы обратились именно к ним! Первоклассные врачи, последние достижения техники (в крайнем случае — предпоследние)! И всего каких-то триста гривен с носа, семидневный курс — и можно смело ехать на родину, окунуться в трудовые будни...

Меня хватило на один день. Не такая уж я оказалась «гурманка». Легче всего воспринялась ароматическая ванна, куда меня уложили учтиво, но как-то механически, словно в гроб. Усыпали лепестками розы и на полчаса оставили наедине с психоделическими композициями в стиле «после третьей не закусываем...».

Медосмотр дался труднее, особенно эпизоды с участием мужчин в белых халатах. Экзотический массаж мне тоже не понравился — от обещанного шиаци в нем были только щекотливые поглаживания, чередуемые зверскими нажимами и протестами мнущейся плоти. А когда меня стали прессовать двенадцатью килограммами липкой теплой грязи, я совсем затосковала. «Не волнуйтесь, больная, — приговаривал добрый доктор. — Это грязь целебная, ее привозят из Сак, там всемирно известное озеро с уникальными грязями и рапой. Только наш санаторий имеет договор по прямым поставкам, а в остальных местах — бессовестная подделка, из Портового везут... Закройте глаза, больная. Я оставлю вас на полчаса. И не принимайте, пожалуйста. Не навозом вас обкладывают...»

Словом, заработала очередной стресс.

С этого дня я ограничила общение с новыми знакомыми. Как и прежде, проводила время в гордом одиночестве. Занималась «гелиотерапией», благо солнца не убывало, купалась, мазалась кремом. Незаметно мое тело побронзовело, обрело насыщенный цветметовский глянец, и ежевечерние стояния у зеркала уже не вызвали тихой ярости. Но неприятности продолжали сыпаться. Раз уж начались — не остановишь. Пока мелкие, незначительные, но чувство неясной тревоги уже появилось. Недаром разрушительный ураган начинается с легкого ветерка. Медуза то в ногу вцепится, то подплывет тихой сапой, пока я барахтаюсь далеко от берега, и начнет виться вокруг меня кругами, будто чуя во мне законную добычу. То хулиганы мелкие пристанут — и чего им надо на санаторном пляже? Будто в городе песка не хватает...

А однажды даже ограбили! Предупреждали меня бывалые люди — не зевай на пляже. Охотников за чужими дензнаками здесь не меньше, чем охотников за чужими женами. Я вылезла на берег Афродитой из пены и обнаружила на простынке развороченный пакет. Из сумочки выгребли всю дневную норму. Благо норма у меня умеренная — гривен сто в сутки. И ту я с утра хорошо подчистила. А все равно противно. И обидно. Разобрав содержимое пакета, я уселась на тряпку и принялась размышлять. Непохожи мои постоянные соседи на жалких воришек! Половину местных отдыхающих я уже знала — нормальные люди, не сказать, что бедные. Правда, был какой-то мужичонка в трусах и рубашке. Невзрачный такой

типчик лет пятидесяти. Без вещей и штанов под мышкой (так и пришел без штанов). Бродил неприкаянно в раздутой рубашке, потом уселся неподалеку от меня, обнял колени. Задумчиво пляснул в море. Я подумала, что поэт. Встретил мой взгляд, улыбнулся тепло, дружески. Затем поднялся, вроде как собрался уходить. Я тоже встала, чтобы погрузиться в теплое море...

Злость меня обуяла — на весь остаток дня. Я из принципа не вставала с тряпки, игнорируя жарящее солнце. Как будто нарочно наказала себя за головотяпство. Я вертелась, словно грешница на сковороде, подставляя бока палящим лучам. Поклонники осточертели! Нескончаемый поток — как в Мавзолей! Неужели это так трудно: задрать глаза в небо и обойти стороной разнеженное тело?.. Откуда их столько?

Все какие-то бесталанные, скользкие, по большей части — развязные, по меньшей — старые. Вероятно, при деньгах. Мне совершенно неинтересно, что большинству из них вполне по карману откупить мое бунгало вместе с санаторием, я отшивала их одним «добрым» словом (максимум — тремя), а если это не срабатывало, то снимала с глаз огромные «хамелеоны» и просто смотрела претенденту в глаза. После такой демонстрации претендент, как правило, уходил и уже не возвращался.

Я думала. У меня была масса тем для обдумывания, целую неделю отказывала себе в этом удовольствии. Освобожденные ячейки в памяти заполнялись прежним «мусором»: расписание на жизнь, мама с Варей, Берест, сгинувший в безвременье. Понимание того, что и на юге не все так гладко и тепло...

Словом, голова моя была загружена, и не сказать, что я скучала. И все же одному умельцу удалось меня отвлечь. Он оказался неплохим парнем, я, по правде, успела от таких отвыкнуть. Не исключено, что им тоже двигала похоть, но напоказ он ее не выставлял. (Огромное спасибо...) Я лежала носом в тряпку, думая о том, что надо бы вернуться домой пораньше — помочь маме увезти помидоры с дачи, Варюшу приготовить к походам за новыми двойками... И тут совсем рядом зашуршал песок, и я мурашками на коже ощутила прибытие нового клоуна.

— Нижайше прошу прощения, мадам, понимаю — вы безумно заняты, однако не откажите в любезности. Мне нужно добраться до пансионата «Золотые зори». Понимаете, меня сбросили неподалеку, объяснили, что он примерно на этой широте...

Я вздохнула. Хотя, если быть объективной, его голос не вызывал рвотной реакции. Молодой, но приятный.

— Уйди от солнца, парень, не прозрачный, — сказала я в тряпку. — И вообще, уйди, здесь не справочная служба. Ходят, бродят всякие...

— Извините, мадам... — Голос звучал спокойно и насмешливо. Уверенно заскрипел песок. Озадаченная, я подняла голову. Он уходил вдоль береговой полосы, и морская пена лениво омывала его загорелые пятки. У него были стройные, загорелые ноги. И сам он был подтянут, мускулист. Рюкзак за спиной, должно быть, весил не меньше меня, но нес он его так, словно тот был набит попкорном. Из одежды на парне только шорты да малиновая косынка, завязанная пионерским галстуком.

— Эй, алё! — позвала я. — Парень, ты кто — последний бойскаут?

Он остановился, обозначив неплохую улыбку.

— Только, ради бога, не останавливайся, — опомнилась я. — Как топал, так и топай. Но желательно в другую сторону. Или смотри сам. Все здравницы в черте города, на берегу. Есть там, я слышала, какой-то пансионат для попрошаек, тебе не туда?

Он рассмеялся.

— Спасибо, мадам, вы так добры... — С гордо поднятой головой потопал дальше — к турбазе.

Клоун, да и только. Ну, может быть, чуть поприличнее всей этой похотливой банды...

Спустя пару часов он топал обратно. Уже без рюкзака, а со спортивной сумкой-бананом через плечо. Я как раз вылеживалась на боку, потому и узрела его за полверсты. Он рос, ширился, набухал, окрашивался, пока не предстал во всей красе. Ничего себе плейбойчик. Каштанововолосый, физия открытая, чуть со смешинкой. А по конституции — ну вылитый Гермес работы Праксителя.

— У вас великолепная фигура, мадам, — похвалил он мои очертания. — Меня зовут Алик Лысенко. Я из Белой Калитвы — есть такой нарядный городок в Ростовской области. Может, слышали?

— Проходи, проходи... — сказала я прежним тоном. — У меня муж и семеро по лавкам.

— А волосы ваши — просто восточная сказка! — Он слегка замедлил ход. — Вы знаете, что таких мягких натуральных брюнеток, как вы, среди представительниц северо-европейских народностей остались считанные единицы?

— Я крашенная, — заскромничала я.

— Э нет, — он протестующе покачал головой, — Алика Лысенко вы не проведете. Если я еще могу допустить семерых по лавкам, то вот это, — он ласково посмотрел на мои лохмы, — есть самый натуральный, не испорченный химией продукт. Щедрая природа. Неиссякаемый родник вдохновения. Простите, — он улыбнулся, — ну просто очень привлекательно. — И не спеша побрел по своим делам.

Я приподнялась на локте, заинтригованная.

— Эй, притормози-ка, парень. Ты первый на этом пляже, кто говорит более-менее внятные слова.

Он вернулся и до заката заговаривал мне зубы. Никакой пансионат «Золотые зори» Алик не искал. Ляпнул первое, что пришло в голову. Он двигался из Жемчужного на турбазу, по уши загруженный баночным пивом. У начальника базы, почтенного Кириллюка Максима Евграфовича, намечался юбилей — круглая дата, тридцать девять лет, решили сделать человеку приятное. В палаточном городке обитают не только упертые трезвенники, откровенно заявил этот смешливый парень.

Даже больше — как раз упертые трезвенники там обычно не задерживаются. И это прекрасно — меньше лицемерия в общении. Удивительная душевная компания собралась на «кочевом стане»: то по кручам Ай-Чу шастает, то по цивильным барам. В частности, позавчера Алик побывал на Чатыр-Даге и до сих пор находится под впечатлением, очень сожалеет, что там не побывала я.

— Неповторимый вид, Лидия Сергеевна. Просто голова кружится, нереально... А если забраться на высшую точку Чатыр-Дага Эклизи-Бурун — Церковный мыс в переводе... не помню с какого, — то можно увидеть даже Бахчисарай с Симферополем, представляете? Это какая же даль под ногами...

Вдохновленный увиденным, он с выражением процитировал мне сонет Адама Мицкевича, побывавшего в тех местах и бродившего по карстовым воронкам:

Склоняюсь с трепетом к стопам твоей твердыни,

*Великий Чатыр-Даг, могучий хан Яйлы...
До туч вознесся ты в лазурные пустыни...*

Я слушала его с благосклонным вниманием и даже ни разу не зевнула. Он умел повествовать. На землю давно опустился вечер. Закатилось солнышко за Болгарию, а мы сидели на пустынном пляже и наблюдали за ленивыми волнами, нехотя набегающими на берег.

Есть такая коварная волна «тягун», — инструктировал меня Алик. — Старайтесь даже в легкую качку находиться поближе к берегу. Если, не дай бог, попадете в волну, то любой гребок вперед будет оборачиваться тремя гребками назад. Здесь главное не паниковать и не делать суетливых движений...

— Запомню, — кивнула я.

— А то существует крайне неприятная штука — так называемое апвелинговое течение... Нас недавно угораздило — мы далеко заплыли... Хорошо, катамаран прогулочный проплывал, успели прицепиться. Это, знаете, когда ветер в открытом море сдувает теплый слой воды и приносит к берегу холодные глубинные потоки. Они не просто холодные — они арктически ледяные; ноги сводит моментально. Не успеешь уплыть от течения — пиши пропало, скрутит...

Он как-то неуклюже придвинулся ко мне. Неужто замерз? Портить впечатление от удачно проведенного вечера мне не хотелось. Я поднялась, давая понять, что пора.

— Извини, Алик, уже поздно, я пойду, ладно?

Он шутливо развел руками:

— Конечно, Лидия Сергеевна, спасибо, что посидели со мной. Вы не против, если я еще когда-нибудь случайно пройду мимо?

Я рассмеялась. Паренек был недурен собой. Остроумен, довольно воспитан, с потаенной грустинкой в глазах. К сожалению, он был моложе меня на десять лет и... совершенно не в моем вкусе. Очень жаль. С ним было приятно, но не более того. Не проскакивала искра — хоть ты тресни. А без искры — неинтересно.

— Конечно, Алик! — Я легонько коснулась его понурого плеча. — Будешь мимо идти, забегай обязательно, поболтаем... Не грусти, Алик, — шутливо подергала его за «пионерский галстук». — Ну чего ты приуныл? Мы замечательно проведем время, честное пионерское...

На следующий день в размеренной жизни санаторного пляжа произошли изменения. Появился милицейский «уазик». Завис над обрывом, вылупив ржавый бампер, и полдня проторчал в этой нелепой позе. Два или три раза милиционеры спускались с обрыва и, похлопывая по ляжкам дубинками, угрюмо слонялись по пляжу, тарашась на отдыхающих. У невезучих проверяли документы, шевеля губами, по складам читали паспорта, неохотно возвращали. У почтенной семейки из Таштагола документов при себе не оказалось: их не бросили лицом в песок, а снисходительно разрешили сбегать в санаторий, принести.

— Бездельники хреновы... — Подошедшая с пляжной сумкой Соня брезгливо наблюдала, как лысоватый отец семейства с округлой «мозолью» суетливо взбирается на обрыв. — Мы уж и на пляж должны с паспортами ходить!

Я с интересом на нее покосилась. Соня Зырянова демонстрировала явную антипатию к стражам порядка. А кого этим сейчас удивишь?

— Крысятничают, сволочи, — бормотала, распаяясь, Соня. — Понимают, что бабок на пляже не срубить, вот и ходят, вынюхивают, лишь бы отдых отравить.

— Вчера их не было, — задумчиво вспомнила я. — Может, случилось чего?

Соня громко фыркнула:

— Может, и случилось. Постоянно происходят преступления — свойство у них такое. Объясни мне, Лидуна, на пальцах: вот торчат они тут весь день, ни хрена не делаю, — преступления прекратятся?

Давно подмечено, что массовое присутствие работников правоохранительных органов на территории несколько не улучшает криминогенную обстановку.

Очевидно, и ментов коснулись аналогичные сомнения. Или жариться надоело? Старший группы, неопрятный пухловатый капитан с оторванной пуговицей на брюхе, задумчиво почесал затылок дубиной и сделал знак своим — в машину.

— Сейчас уедут, — предположила я.

Соня фыркнула:

— Ага, жди... Скорее, горы уедут. Дела у них в машине, как ты не понимаешь?

Никуда они не уехали. «Уазик» продолжал давить обрыв, нервируя публику. Чем занимался патруль в его недрах, мы могли только догадываться. Через полчаса милиционеры потянулись на улицу. Первым, громко икая, выбрался капитан.

— Есть контакт, — развеселилась Соня, — бутылочку убили.

Менты заметно повеселели. Рубашка на пузе старшего окончательно разошлась. Разъехался и рот, обнажив торчащие, как у морской свинки, зубы. Поначалу он стоял на обрыве, справляясь с икотой, нормально так стоял, потом его повело на сторону. Случившийся рядом сержант поддержал командира, что-то льстиво ему сказал, после чего капитан неуклюже развернулся и полез обратно в машину (инструкции, наверное, читать). Остальные веером разбрелись по пляжу.

— Боюсь, я не вовремя, — присоединилась к нашей компании Рита с двухлитровкой минералки «Крімська» под мышкой. На попе у нее красовались потрясающего минимализма стринги, очень похожие на капроновую ниточку.

— Прикройся, бесстыдница! — Соня бросила ей махровое полотенце. — И постарайся зарыться в песок как можно глубже. Шакалы приближаются.

Проходящий в непосредственной близости от нас больше напоминал хорька. Такие же щеки, губчатые складки под носом, желто-белые пятна на веках. Выпил он, понятно, меньше командира, его не шатало, но двигался он довольно разболтанно.

— Хорек, блин. Гроза курятников, — подтвердила мои натуралистические наблюдения Рита. На что раздраженная Соня очень верно и остроумно подметила, что любой хорек должен сделать в своей жизни три вещи: пожрать, поспать и сдохнуть. Дело за последним. Я неосторожно хрюкнула. Хорек, вероятно, услышал. Остановился, поигрывая дубинкой. Принялся придиричиво озирать разбросанные по песку голые тела. Пришлось прикинуться мертвой — куда еще деваться?

Что-то частенько меня стали посещать стрессы. После обеда я долго думала: как с этим бороться? Стресс выгоняют стрессом, сказала я себе. Сгрузив личное хозяйство Соне (Рита мужественно удалилась на процедуры) и зажав в кулачке смешную купюру в десять гривен, я побрела вдоль пляжа. Удивительно, что за сомнительное удовольствие прокатиться на «банане» кого-то осенило брать деньги. Мне сдается, что все должно быть наоборот — участники этого аттракциона могут рассчитывать на компенсацию от руководства пляжа.

Затея такова: человека обвязывают спасательным жилетом, после чего в компании других несчастных сажают на огромную сигарообразную штуковину и на буксире увозят в открытое море. Разогнавшись, катер делает резкий вираж, «сигара» переворачивается, а все сидящие на ней, естественно, разлетаются! Адреналин — фонтаном. Самые тяжелые тут же падали в воду. Меня же, всящую легче камушка, швырнуло в небо, перевернуло и с размаху понесло в море. Я чуть сознание не потеряла! Ничего себе удовольствие... Но своего я, как ни странно, добилась. Новый стресс вступил в конфликт со стрессом предыдущим, выбил из него все подпорки, растворил желудочным соком и выбросил в унитаз...

К вечеру я почувствовала себя человеком, который хочет нравиться. Я привела в порядок голову, надела красивое шелковое платье, туфельки на каблуках и покинула бунгало. Гулять в компании соседок по этажу мне разонравилось. Погуляла...

Поэтому я уходила, как опытная разведчица. Изучила тишину в коридоре, сместилась к выходу, изучила тишину на крыльце... и, отодвинув доску в санаторном заборе, вышла на самую короткую дорогу в город.

Я бродила по красивой набережной, под сенью каштанов, толстоствольных сосен, олеандров, дышала морской свежестью и дымом от жарящихся мидий. Бетонные парапеты заменяли оригинально сформированные баррикады камней с неожиданными цветниками в расщелинах и стыках. Произрастали ирисы, георгины. Это было бесподобно красиво. Я бродила по тисовым и кленовым аллеям, мимо экзотических пальм, напоминающих увеличенные в тысячи раз колючие шарики репейника, мимо крошечных церквушек с синими куполами, мимо лимонных зонтиков кафе, утверждающих, что «Чай Липтон — знак доброго вкуса», по кривым улочкам, заросшим декоративной изабеллой, по уютным садикам с двумя-тремя лавочками и пахучей магнолией...

Увеселительные заведения я обходила стороной. А пресловутый «Шинок» обошла аж за целый квартал. Я предусмотрительно поменяла имидж; но имидж, как контрацептив, стопроцентной гарантии не дает...

Я получала в этот вечер эстетическое удовольствие, созерцая и запоминая. Причудливые домишки, облицованные диоритом, сочетание сталинских помпезных колонн, пилястр, овальных балконов с неухоженной стариной и ветхостью; буйство зелени, в оформлении которой даже убогие завалюшки сохраняли первозданный колорит. Брызги городских цветов во дворах — ярко-красные текомы, сиреневые глицинии («то в нос тебе магнолия, то в глаз тебе глициния...»). Черно-серая длань Ай-Чу, вертикально застывшая над городом и неизменно всплывающая в просветах между домами...

Наступившая темнота ограничила мои любования. Бессмысленное шатание по городу становилось опасным. Когда пронзительно заорал муэдзин с минарета, я вздрогнула. Но и возвращаться в бунгало не хотелось. Очень вовремя на пути всплыла чугунная ограда сада с двустворчатыми воротами — «Зал дегустаций «Массандра». Оригинальные крымские вина. Такое удовольствие я могла себе позволить. Крымские вина — штука, в сущности, серьезная, жаль только, что в Сибири вино, продаваемое под этой маркой, не имеет ничего общего с оригиналом. Я подроспела к самому началу — удивительное совпадение. И несколько не пожалела — обстановка здесь царила идеальная для отдыха. Розовые стены в томном мерцании, в альковах — светильники. Полированные столы, уставленные дощечками с круговыми углублениями. В углублениях фужеры с уже разлитой жидкостью. Подле каждой дощечки — человек. Желających испробовать нектар — не менее пятнадцати, большинство с трудом слушают предваряющую церемонию лекцию.

Я вошла последней, села с краю. И с большим удивлением обнаружила перед рекламным слоганом «Пил и восхищался. Уехал сравнительно трезвым — только по недостатку времени. Максим Горький» моего знакомого Алика с турбазы. Он сидел в числе прочих и, склонившись над живописной батареей, заинтересованно водил носом. Увидев меня, он замер с открытым ртом, потом разулыбался, задвигал локтями. Пытался вместе с доской переместиться ко мне поближе, но не успел — появился лектор в бабочке...

Я вышла с церемонии слегка обалдевшая. Десять по тридцать — не шутка. А оставить вино недопитым я не могла по принципиальным соображениям: не за информацию же деньги плачены? Тем более я почти не слушала лектора... Алик догнал меня за воротами, проявив недюжинную выдержку.

— Расслабляешься, Алик? — полюбопытствовала я, предваряя пылкие восторги.

— Здравствуйте, Лидия Сергеевна! — Он был доволен собой, словно мы с ним уже обо всем договорились. — Представляете, до чего тесен мир? Вы не возражаете, если я вас провожу?

— Да ни в коем случае, Алик, — рассмеялась я. — Ночь на дворе. Если ты меня не проводишь, это сделает другой.

Видно, ангелу-хранителю, стерегущему меня от больших неприятностей, надоело носиться за мной по буеракам. Он решил отдохнуть, послав за себя Алика. Я не возражала. Вечер был необычайно черен, непроницаем, а фонарей на улице Черкасова, где проходила дегустация, почти не было. И вообще одной страшно. Мы на ощупь добрались до соседнего переулка, по которому он предложил пронести меня на руках. Подумав, я отклонила предложение. Он пожал плечами, сказал, что дело хозяйское. Но будет обидно, если в кромешной темноте я сломаю каблучок. А еще обиднее будет, если я сломаю ногу. Я еще раз подумала и еще раз отказалась. С минимальными потерями мы добрались до Народной, где горели фонари, а аллеи, окруженные деревьями, были тверды и прямолинейны. Мы брели по городу, мило болтая.

— А как же юбилей начальника, Алик? — внезапно вспомнила я. — Серьезная дата, тридцать девять лет. А сколько пива куплено! Ты решил сачкануть?

— Да знаете, Лидия Сергеевна, не такой уж я любитель. Выпить пива можно и дома, зачем ехать для этого в Крым? Вы посмотрите, какой красивый вечер. А эти запахи жасмина... Разве заменит его сидение в палатке? Я обожаю, признаться, изысканные вина. Из недорогих, понятно, сортов. Вам какое больше понравилось?

— Сухонькое, — подумав, ответила я. Не люблю крепленые вина. Каким бы изысканным ароматом они ни отличались, а запах спирта неистребим. Уж лучше водку. Или по старинке — мартини.

— А-а, «Золотая балка, Алиготе», — продемонстрировал память Алик. — Неплохой привкус дюшеса, согласен. А меня «Пино-Гри» особенно тронуло — двухлетней выдержки. Потрясающий вкус изюма... Партенит неплох, правда, немного приторен. Мускат белый терпим, особенно розовое послевкусие, «Кокур», «Мадера» весьма приемлема — эдакий дамский коньячок без претензий. Но, знаете, Лидия Сергеевна, это все не то. Вы хотите достойного завершения вечера?

— В каком смысле? — напряглась я.

— Да нет, все гораздо проще, Лидия Сергеевна! Предлагаю зайти в испанский кабачок и выпить настоящего хереса. В «Массандре», к сожалению, настоящего хереса де ля Фронтера осталось всего семь бутылок, одну из них распечатали в шестьдесят пятом году, нам

остальные вряд ли достанутся... Не волнуйтесь, это демократичное заведение, и цены там не пугают. Ведь что такое Испания — помните? Это страна небогатых людей, известных своим упорством и постоянством. Это огненный фламенко, перезвон гитарных струн, круговерть юбок гитаны, шляпы, перья, скоротечная коррида, в конце концов... Неужели можно пройти мимо?

— Как красиво ты говоришь, — пробормотала я. — Надеюсь, это не в Андалусии?

— Да нет, мы почти пришли. — Он повернул меня направо, где за многолюдным тротуаром виднелись мерцающие буквы: «Palomino». Он ступил на проезжую часть не глядя, словно в собственную палатку, а я так до гробовой доски и не привыкну... Автомобили послушно встали, пропуская нас через дорогу. Диво! В любом российском городе нам бы сразу популярно объяснили, к какому подклассу животных мы относимся и что с нами надо делать. (Дело в том, что крымские власти приучили местных автомобилистов уступать дорогу пешеходам! Невероятно, но факт. Опасение вызывают лишь авто с российскими номерами, водителей коих бесполезно учить.)

— Это сорт винограда — паломино, — объяснил Алик, распахивая передо мной дверь. — Из него производят некоторые сорта хереса. Проходите, Лидия Сергеевна. Куда сядем?

Он и впрямь неплохо завершал мой вечер. Уже второй по счету. Народу в заведении — не сосчитать, публика мирная, получает удовольствие от общения, вольностей не допускает. Переборы гитары из-под опущенного сомбреро. Мы расположились в углу — за уютным дубовым столиком. Алик аж светился от удовольствия, подливая вино в высокие бокалы конусовидной формы (официантов в заведении не держали, здесь блюли «демократию»). Разрекламированное Аликом «щедрое» вино показалось мне чуть-чуть тяжеловатым. Как не вспомнить известный исторический факт? Во времена Реконкисты, войны с маврами, на помощь испанцам прибыли французские рыцари. Собратья по вере. Повоевав чуток, бросили это дело и уехали домой, ругаясь: «Жара безобразная, вино тяжелое, башка трещит, сами воюйте в таких условиях!» Но я не признавалась в мелких неудобствах, потягивала из бокала и благосклонно слушала. А Алик бухтел о себе, о том, как его угораздило оказаться в палатке (и ничего, кстати, ужасного). Он, оказывается, инструктор по рукопашному бою в клубе боевых искусств. И в палаточных городах бывает ежегодно.

Правда, в разных. Прошлым летом Алик отдыхал в Стерегущем, на Каркинитском заливе, позапрошлым — в Коктебеле... Женой Алик не обзавелся, с наступлением сезона, забрав отпускные, покупает билет, рюкзак за плечи — и вперед, осваивать нехоженые тропы. На любой турбазе к таким, как он, относятся благосклонно. С ними нет проблем, они мобильны и коммуникабельны. Светским радостям Алик тоже не чужд, но предпочитает дикарство как надежное средство от стресса... Вы бы слышали, как он рассказывал о гротах Балаклавы! Я, ей-богу, заслушалась. Он поведал о бездонных пещерах, о коварных ловушках в толще скал, об узких протоках в исполинских монолитах, о бесчисленных сосняках, уносящихся в горы, об уникальном преломлении солнечного света в извилистых, изъеденных плесенью гротах...

Но вдруг я ощутила на себе чужой взгляд...

Нехороший взгляд. У меня будто кровь отлила от головы, а в сосудах образовался тяжелый вакуум! Мерзкое, признаться, ощущение. Мурашки поползли по коже. Не меняя прищур, я скосила глаза направо, переместила налево... и вдруг уперлась взглядом в незнакомого типа неприятного вида с облезлыми ушами. И одежда на нем какая-то

невзрачная. И эти шелушащиеся уши. У одних спина облезает, у других нос, а у этого — вон как... Он сидел совсем рядом, через два занятых столика, и совершенно угрюмо, сцепив косматые брови, смотрел прямо на меня! Кто он? Может, какой придурок из «Шинка»? А вдруг он находился в той пьяной толпе и наблюдал нашу схватку с хохлами?

— Что случилось? Вы изменились в лице, Лидия Сергеевна... — насторожился Алик.

Я хотела ответить с присущей мне искренностью, но не успела. По залу прокатился ропот недовольства. Стих гитарный перебор. На пороге кабачка появился милицейский патруль. Надо сказать, данные экземпляры выглядели поопрятнее, чем те, что на берегу. Рубашки постираны, заправлены, элегантные пилоточки на макушках. Но вели они себя не менее хамски. Двое, встав у входа в классической позе эсэсовцев, принялись водить глазами по лицам. Третий стянул пилотку, вытер ею взмокший лоб и развязной походкой направился к стойке. Молча ткнул пальцем в двухлитровку лимонада, протянул руку. Купюры в ладони не было. Бармен услужливо подал напиток. Милиционер открыл бутылку, сделал смачный глоток. Перевернув пилотку чистым местом, вытер рот. Чистюля какой... Не спеша направился к выходу, где передал бутылку товарищам. Затем, не говоря ни слова, развернулся, ногой открыл дверь и вывалился в ночь. Подчиненные потянулись следом.

Опять под сомбреро заиграла гитара. Притихший зал потихоньку стал наполняться гомоном.

— Приблатненные... — неодобрительно заметил Алик. — Что поделать, Лидия Сергеевна! Так называемая власть везде несносна.

Я осторожно скосила глаза влево — тип с облезлыми ушами пропал! Самым необъяснимым образом... Сидел через два столика — и вдруг испарился. Я пробежалась глазами по столикам. Типа не было. А может, и был — народу-то сколько! После ухода милиции на радостях притушили свет, табачный дым повис сизым топором, а я даже не помню, во что он был одет...

— Вы так и не сказали, что случилось, — напомнил Алик.

— Тип один почудился, — с присущей мне искренностью ответила я. — Ничего страшного, Алик, бывает и хуже. Частенько что-то рядом с нами стала появляться милиция, не замечаешь?

— А вы ничего не знаете? — удивился он.

— Помилуй, Алик, ну откуда мне знать? Я газет не читаю, телевизор не смотрю... Что случилось, расскажи.

— Третий день милиция на ушах, Лидия Сергеевна. Настоящий бой шел в восточной части бухты — я не преувеличиваю! Контрабандисты морем груз переправляли, пытались пристать к гротам, а кто-то их встретил и врезал по полной программе... У нас с турбазы было слышно перестрелку. Потом, говорят, трупы по всему берегу собирали. То ли эсбэушники контрабандистов ловили (СБУ — Служба безопасности Украины), то ли две мафии схлестнулись. Поди разбери. Но кому-то, видать, удалось уйти, раз такой ажиотаж среди работников милиции.

Услышанное, безусловно, не вдохновляло. Но и не очень тревожило. Кого удивишь разгулом криминала в странах бывшего СНГ? В данную минуту меня занимала совсем другая ситуация. Я еще раз настороженно обвела глазами зал и как бы невзначай посмотрела на часы.

— Боже правый! Пол-одиннадцатого, Алик! Спать пора, извини. Спасибо тебе за вечер, это вино — просто живительный нектар, но только от него ко сну тянет. Проводи меня?..

Могла бы и не спрашивать. Этот общительный паренек готов был провожать меня аж до Анадыря. Очень жаль, что во мне так и не вспыхнула искра. Случись непроизвольное зажигание — и я бы с подобающей страстью отдалась на волю волн... Он проводил меня до бунгало, церемонно раскланялся и, не скрывая романтической печали, удалился. Я забыла о его блестящих глазах уже на пятой минуте. Забралась в туалет и глубоко задумалась. Что-то происходило или вот-вот могло произойти — я это чувствовала. И предчувствия были тяжелыми. И не активность милиции тому причиной. И не мелкие недоразумения, вроде стычки в «Шинке» или эпизода в «Голубой волне». Это было что-то другое. Не зависящее от меня, но имеющее непосредственное отношение к кому-то из моих знакомых. Но к кому? И что значат мои предчувствия?

Наутро необъяснимые с точки зрения здравого смысла события продолжались. Пока я совершала первое утреннее омовение в морской волне, из моей сумки исчезли документы!.. С определенных пор, а точнее, с момента первой кражи, заходя в воду, я никогда не упустила из виду свое покрывало! Ну разве на секундочку, пока выбиваю воду из ушей. Или на две... Пляжный пакет чуть сдвинут, сумочка была приоткрыта, деньги на месте, а паспорт с российской пропиской кто-то свистнул! Я высыпала содержимое пакета на покрывало, потрясла книгу, которую ни разу не открывала, — не было паспорта! Тут меня и затрясло. Ведь я его брала — хорошо помню. На случай внезапной проверки. Я села, обняв колени, и попыталась унять противную дрожь. Начала медленно озираться. Ведь не могли мои соседи враз ослепнуть.

Кто-то обязательно видел...

— Женя, к моему покрывалу никто не подходил? — дрожащим голосом спросила я.

Лежащий в пяти шагах сталевар из Кривого Рога поднял голову. Минуту обдумывал вопрос, после чего поинтересовался:

— А шо?

— Паспорт пропал... — всхлипнула я.

— А гроши?

— Гроши не пропали...

— Не бывает такого, — глубокомысленно заметил Женя. Опять задумался, видимо, взвесил все «за» и «против» и подтвердил первоначальное заключение: — Нет, не бывает. Верно, Люсь? — ткнул спящую со шляпкой на лице жену.

— Не бывает... — подтвердила из-под шляпки Люсь. — Ищи лучше, Лида.

— А никто не подходил? — дрожащим голосом переспросила я.

— Никто... — сонно отозвалась Люсь. — Я бы слышала.

Без документов в чужом государстве — катастрофа! Я в отчаянии перевернула покрывало. Не было паспорта! Уму непостижимо. Я повесила сумку на плечо и неустойчивой походкой потащила к пивной палатке — срочно снять стресс. Возвратившись, вспомнила, что забыла открыть бутылку. Как сейчас помню, полезла в пакет за перочинным ножиком — есть в нем приспособление для вскрытия стеклотары. И просто не могу описать свое состояние, когда обнаружила там, на самом дне, паспорт!

Помню, похолодела. Ни радости, ни ужаса. Деревянной рукой извлекла эту красноватую книжицу и принялась перелистывать.

— Смотри, Люсь, нашла, — приподнял голову сталевар.

— Я же говорю, не бывает такого, — фыркнула Люсь. — Гроши целы, а паспорт слямзили. Ну надо же такое отчудить...

— Да кто сюда подходил?! — вдруг взвизгнула я, уже не контролируя себя.

— Ну шо ты орешь, — отодвинув на один глаз шляпку, занервничала Люсь. — Сказано тебе, никто не подходил. Я бы услышала.

Так и умом недолго тронуться. Без бутылки точно не разобраться. Я выпила пиво, закрыла пакет грудью и принялась яростно себя успокаивать: ну глючит тебя, ну бывает, с каждым в твоём возрасте случается; посмотри на небо, солнце в этот год какое активное, а ты лежишь тут уже неделю, лучше бы сексом занялась, посмотри, народу сколько, выбирай любого. Не забудь только изделие номер один прикупить, резиновое, на мужиков нельзя полагаться, вернее, номер два, поскольку номер один — это противогаз, он тебе на хрен не нужен, пусть и резиновый...

Вот такой поток сознания... Потом я кое-как успокоилась и попыталась проанализировать ситуацию. Появилась Лариса Куценко — хохлушка со второго этажа. Помахала мне пухлой ручкой — дескать, как увас дела.

Я показала большой палец. Лариса на радостях прыснула. С тем же восторгом она могла прыснуть, покажи я ей средний палец. Она расстелила махровое полотенце с ромашками и уселась голой попой, раскрыв очередной талмуд по похуданию.

Спустились Костюковичи, поддерживая один другого. Развернули покрывало и прямо в шлепках двинули в море — спинки намыливать. Ну точно флагелланты законспирированные... Надубасятся всласть, а потом давай проявлять теплые чувства.

Еще издавека я заметила Риту Лесницкую — по щиколотку в воде она двигалась откуда-то со стороны яхт-клуба. Несла себя гордо, неприступно. Носик ввысь, бедра ходуном, из одежды — стринги да две микроскопические чашечки на груди, причем весь ансамбль приятно-телесного цвета. Эдакая прожженная «натюрель ля пари ню», обслужившая выгодного клиента... И куда это ее, интересно, носило?

— Привет, — бросила Рита, проходя мимо. Демонстративно не глядя на мужчин, поднялась по лесенке и скрылась в бунгало.

Широко зевая, поправляя съехавший бюстгальтер (или форму ваяя?), выбралась на пляж Соня. Растирая глазки, добрела до берега и... преобразилась. Разбежавшись, красиво ушла в воду. Вынырнула метров через двадцать, пошла вразмашку — к буйкам. Надо же проснуться человеку...

Как по сговору, в поле зрения возник Алик — что-то часто он стал появляться. К непогоде, что ли?

Шорты старые, косынка новая, зеленая. Может, знак кому-то подает?

— Вы пугаете меня, Лидия Сергеевна! — Он и вправду казался испуганным. — Тогда в кабачке, теперь сегодня... Что у вас с глазами? Скушали чего?

А вот возьму и расскажу ему все, вдруг подумала я. Пусть мозгует. И рассказала. Про вчерашнего типа в «Паломино». Про пропажу документа. Про возвращение его. Он смотрел на меня с едва замаскированной жалостью. Интересно, о чем он думал?

— Полагаешь, солнце? — спросила я. — Или луна?

— Не знаю, Лидия Сергеевна. — Он вырыл из песка пивную крышку. — Я вам верю. Шизофрения не для вас, извините. Как и морщины. И чего вы так испугались? Человек в кафе явно принял вас за другую. Да мало ли у мужчины причин пялиться на женщину? Он пересел к вам спиной — и все дела. Потерял интерес. Или меня увидел. Паспорт кто-тс

вынул, чтобы, не светясь, удостовериться в вашей личности. Ну надо ему... Какая вам разница — зачем? Обознался человек. Убедился, удостоверился. Порядочный попался — вернул. Да мало ли фокусников? Они и разденут — не увидишь.

— То есть кто-то дважды обретал и терял ко мне интерес, — кивнула я. — И после этого ты пытаешься убедить, что это так — игра случая?..

Алик с пылом начал что-то отвечать, но я его уже не слышала: передо мной вдруг возник тот неприятный тип с облезлыми ушами!.. Закружилась голова. Стало страшно. Я почувствовала себя брошенным фантиком на морской волне. Почему я такая невезучая? Он шел по пляжу в сторону яхт-клуба. Невысокий такой, тощеватой комплекции, ноги ступают мягко, по-кошачьи, голова вперед. Невзрачные шорты, серая майка... Он сделал вид, будто приклеился к группе молодежи, — та шла по пляжу с магнитофоном, явно под кайфом («хороша анаша!»), а этот мужик у них на хвосте смотрелся просто дико. Маскировался под юнца, придурок. А сам в это время исподлобья изучал пляж. На одном задержался, на другом; мельком пробежался по Алику, посмотрел на меня... Я вздрогнула. Его глаза остановились, сузились — ага, вспомнил... Я тихо втянула в себя воздух, оторвала от него глаза, тяжело, словно магнит от магнита, уткнулась в свои загоревшие ноги...

— Лидия Сергеевна, вы опять начинаете дурковать? — заметив мое дерганье, строго спросил Алик. — Побойтесь Бога, в конце концов. Что происходит?

Я подняла глаза. Компания наркоманов уже удалилась. Идущие вместе вдруг распались: кто-то продолжал идти прямо, остальных потянуло к пивной палатке. За последними и увязались «облезлые уши». Он оглянулся, поймал мой взгляд... Я метнулась за широкую спину Алика.

— Послушай, Алик, я не страдаю видениями... Это тот самый субъект из кабака. У него уши торчат в разные стороны. Чего он так на меня смотрит? Хочешь сделать мне приятное, Алик? Узнай: кто такой? Ты же сильный, находчивый, что тебе стоит?

— Да без проблем, Лидия Сергеевна, — пробормотал Алик. — Не уходите никуда, хорошо? — Он легко поднялся. А я отвернулась — приводить в порядок раскудлаченные мысли.

Алик возвратился скоро. Он выглядел обескураженным. Кусал губы. Впервые я заметила на его широком лбу признаки явного беспокойства.

— Чем порадуешь? — не утерпела я. Хотя было очевидно, что ничем он меня не порадует.

Он недоуменно развел руками:

— Пропал ваш красавчик, Лидия Сергеевна. Был — и нету. Я сам видел, как он свернул за палатку. Оглянулся — и юрк... Я за ним, а там кусты. Я туда, сюда, тык, мык... Сунулся в колючки — бесполезно. Как в воду, то есть в землю канул...

— А чего ты так разволновался?

Он посмотрел на меня как-то странно. Попытался расправить морщины на лбу — почти удалось. Затем, яростно поцарапав затылок, словно изгоняя из него крамольную мысль, сказал:

— Сам не пойму, Лидия Сергеевна. Может, я вслед за вами начинаю дурковать? Докажите мне, что это не заразное?

И почему так путаются мысли? Я медленно, воле вопреки, погружалась во что-то коварное, засасывающее. Эх, знать бы во что, — может, и нашла бы способ вынырнуть из этой липкой грязи...

Глава третья

День 14 августа, среду, можно считать днем «официального» начала кошмара. Сама виновата. Дверь мышеловки еще не лязгнула. Ничто не мешало сложить манатки, выбраться, отодвинув доску зеленую, из санатория и мчаться на такси в Симферополь. Не самолет — так поезд. Не поезд — так автобус на Мелитополь. Нет, посмотрела, на свою беду, в окошко... И сердце защемило. Красота неземная. Кара-Дениз... Море синее-синее, густое, ласковое, конца ему не видно, тихо плещется у берегов и зовет, зовет... Не спеши, говорит, не уезжай... Плюнь на все, ты ведь привыкла к неприятностям. Посмотри, какое я доброе... Я смахнула набежавшую слезу и принялась собирать пляжную амуницию.

Как назло в этот день — ни Риты, ни Сони, ни Алика с пионерским галстуком. Даже Лариса Куценко со своими дурацкими хохотушками куда-то запропастилась. Публика наполовину незнакомая, чужая. Видно, новый заезд в санатории. Ревела музыка — какие-то отвязные хлопцы с утра пораньше разминались красненьким. Наконец подхватили хрипящую китайскую магнитулу и утащились к городу — приключения ловить. Их место сразу заняли новые отморозки. Три юнца и столько же девиц с повадками шлюх. Давай раздеваться догола при всех да глумиться над окружающим людом. «А че ты разрычалась, тетка? — голосила пуще всех тварь зеленоокая с тощей задницей. — Мы че, тебя раздеваем? А ну прикрой хлебало, пока сами не прикрыли!» Две другие не отставали, демонстрируя всему пляжу свои недозрелые прелести. Будто им нудистского пляжа не хватает! (Хотя оттуда их, наверное, уже выгнали — не выносят нудисты пошлости.) Как не вспомнить мнение древних римлян, полагавших, что основные черты женской природы — тупость, слабоумие и безнравственность. Я бы охотно под этим положением подписалась... А тут еще один из отморозков возжелал свежих отношений. Потряхивая причинным органом, развинченно подвалил ко мне и встал над телом.

— Хай, тетенька! — Он мерзко гоготнул. — Ты вроде ничего из себя... Пошли-ка покупаемся для начала.

Я скользнула по нему глазами:

— Какой калибр?

— Чего?..

— Поганенький у тебя калибр, — тоном знатока оценила я. — Первоклашек пугать. И то не испугаются. Сходи к хирургу, что ли? Откалибруй.

— Ты че, охренела? — оторопел юнец. — Ты чего несешь, тетка?

— Хорошо, объясняю другими словами, — невозмутимо гнала я. — Смычок должен соответствовать скрипке, догоняешь, да? А твоей молочной колбаской не то что на приличной скрипке — на резиновой-то не сыграть. Ты бы не позорился, ушел? Вас же люди запомнят... Стыда не оберетесь...

Он побагровел. Неизвестно, чем бы закончился наш тихий семейный разговор, но народ вокруг начал всерьез роптать. Особенно постклимактерические дамы, растерявшие, по понятным причинам, интерес к «калибрам». Натужно похихикивая, компания натянула трусы и утащилась к городу. Но едва эта компания скрылась из виду, как объявилась новая. Многодетная. И расположилась в аккурат у моих ног. Две пышнотелые украинки в обтягивающих сарафанах, а с ними целый выводок детишек от двух до пяти. Ничего не имею против детей, но всему есть мера! Милые крошки мне враз руки оттоптали, глаза засыпали

песком, а украинки, расстелив скатерть, самозабвенно поглощали арбузы, сало, помидорчики... При этом трещали на своем суржике так, словно им год до этого запрещали, а тут разрешили. Когда же они снимали свои сарафаны и принялись блаженно потягиваться, я совсем затосковала. Но потом додумалась сменить позицию. Сложила вещички, покрывало и, спотыкаясь о юную поросль, побрела на восток. Кончился песчаный пляж, потянулся каменный. Место сбора приколистов. Подопьют, а потом давай с булыжниками наперевес наперегонки бегать. По дну. Я однажды заплыла сюда, поднырнула с маской — крабиков половить, так чуть не окоурилась от страха. Представляете, двое таких «крабиков» несутся на тебя с вытаращенными глазами...

За каменистым пляжем потянулись дикие места. Я никогда не заходила так далеко, оказалось, здесь удивительно красиво. Почему не испытать новых ощущений? Зачем мне люди?.. Я потащила к расщепленной надвое скале Обмана, доминирующей над местностью. Ее окружали живописные каменные развалы. Купание здесь было бессмысленно, разве что среди скользких камней, где в слепленных природой «чашах» иногда плескалась вода. Камни вертикально обрывались в море — с них можно было только нырять. Вылезать обратно — исключительно на лебедке. Я прыгала с валуна на валун, поневоле увлеченная этим занятием, не заметив, что забралась слишком далеко. Наконец я допрыгала до скалы и остановилась. Здесь ландшафт немного менялся. Скала Обмана предстала огромной, вознесшейся в небо стелой. Под скалой тянулся небольшой обрыв. Внизу опять громоздились камни. Через кристально прозрачную воду можно было разглядеть мохнатые колонии водорослей, придающие воде мерцающий нежно-зеленый окрас. Покачивались матово-розовые парашюты медуз. За скалой обнаружилась относительно ровная каменистая площадка, окольцованная булыжниками. Это казалось единственным местом, где без риска для жизни можно расположиться. Совсем рядом, оказывается, проходила дорога. За спиной, метрах в пятнадцати, возвышалась насыпь, а за ней виднелись полосатые столбики, соединенные ржавыми тросами. В принципе удобно — незачем на обратном пути совершать акробатические прыжки. Достаточно пройти кусты, насыпь, а дальше по ровной дороге можно маршировать прямо до бунгало. Здесь я и расположилась.

Пусть не очень мягко, но для позвоночника полезно. Сняла часы (засекла время: одиннадцать пятнадцать), шлепки и, прежде чем отключиться, захотела полюбоваться морем. Вид слева загораживала скала, справа открывалась панорама западной части бухты. Санаторный пляж казался совсем рядом — метров полтора, если по воздуху, а не через труднопроходимые развалы. Гордая киевлянка Алиса Гончарная — статная надменная дива — расположилась на самом краю, где морское дно усеивали булыжники. Она пыталась выйти из моря, сохраняя надменность походки. Она всегда изображает этакую сирену. Иногда ей это удается. Но не сегодня. Какое-то время Алиса ухитрялась держать вертикаль. Потом ей это надоело. Не совладав с очередной волной, она быстро огляделась, опустилась на четвереньки и выбралась на берег, как все нормальные люди...

Я закрыла глаза. Но не успела как следует насладиться солнечной ванной, как на насыпи задрезжал мотоцикл.

— У-у ты какая! — задорно произнес юношеский голос. — Эй, курочка, мы еще вернемся, не уходи! — Раздался молодецкий свист, взревел мотор, и мотоцикл с балбесами помчался дальше.

Я машинально нащупала пакет, выдернула желтую юбку и обернула ею

соответствующее место. А то и в самом деле — лежу такая расслапленная, людей дразню.

Словно в подтверждение моим мыслям, на обрыве яростно заскрежетали тормоза. Я подняла голову. Машина резко остановилась перед ржавым тросом. Это был миниатюрный джип синего цвета, верхушка откинута, а на бампере — для непонятливых — выведено по металлу: «Jeep». Из джипа выскочил греческий бог в цветастой гавайской рубашке. Обежал капот и лихо сбежал по насыпи. Не снижая хода, потрохал ко мне.

— Ну наконец-то! — крикнул, запыхавшись. — Живо в машину! Почему вы еще не готовы?.. Ох эти женщины!.. — Выдернул из-под меня покрывало, бросил себе на плечо, покидал в мой пакет часы, шлепки, схватил меня за руку и, преодолевая естественное сопротивление, потащил к насыпи. — Ну чего вы плететесь? Не понимаете, как это опасно?

Я пыталась словесно выразить протест, но ничего внятного так и не сказала. Испугалась. Да и греческий бог оказался вблизи всего-навсего небритым нервным мужчиной со здоровенным крестом на волосатой груди. Никакой это не бог. Подделка. В лучшем случае — полубог...

Вот и свершилось — бесцеремонно и стремительно. Я и не заметила, как очутилась на дороге. Хлопала ртом, будто рыба на берегу, а полубог тем временем перегрузил меня через тросы и посадил на правое сиденье. Бросил мои тряпки на заднее, снова обежал капот, прыгнул за руль и с возгласом:

— Ну, с Богом! — даванул на газ.

Меня будто вмяло в спинку. Мы понеслись с такой скоростью, аж в ушах засвистело. Справившись с перегрузкой, я оглянулась. И что же увидела? Какие-то люди выбежали из-под скалы, кричат, тычут в нас пальцами, ругаются. Кто такие? Ведь не было никого!.. Тут полубог круто вывернул руль. Машину занесло на повороте, меня швырнуло к двери, потом обратно, я вцепилась в приборную панель и принялась истово молиться...

Здравствуйте, мальчики... На банальное похищение вроде не похоже. Явно с кем-то спутали. Классическая ситуация квипрокво: одно лицо принимают за другое. Других объяснений не было. Мы продолжали бешено мчаться, море скрылось из виду. Отвернув с береговой на боковую дорогу, петляли между скал. Просвет за капотом то сужался, то бросался вширь, мелькали смазанные сосенки, каменные глыбы, отдельные строения в расщелинах. Дважды я порывалась что-то возразить, но машину бросало, и получалось нечто нечленораздельное.

— Помолчите, Ольга Юрьевна, — бросил полубог, напряженно всматриваясь в дорогу. — Успеете еще наговориться...

Я не сразу сообразила, что он называет меня именем другой женщины! А когда дошло, что догадка моя верна — меня с кем-то спутали, машина опять вильнула, уйдя с дороги. Мелькнула долина с симпатичной рощицей, мостик через бурлящие воды. Показалась гряда островерхих скал. Мы летели прямо на нее, не разбирая пути. Казалось, нет проезда, мы сейчас разобьемся о монолит! Но громадный камень как-то незаметно сдвинулся, обрисовался второй, между ними — узкая дорога. Туда машина и ввинтилась, точно штопор в бутылку. Полубог сбросил скорость и откинулся в кресле, весьма довольный собой.

— Как вам ралли, Ольга Юрьевна? «Париж — Дакар» отдыхает, верно? Моя фамилия Шлепень, вы, должно быть, слышали. Потерпите минут пять, почти приехали...

Над нами вновь повисли угрюмые скалы. Дорога по-прежнему вилась между застывшими изваяниями всевозможных форм и габаритов. Я опять попыталась вякнуть о роковом недоразумении, но... показались люди! С автоматами! Ей-богу, не вру. Мы

проехали нечто вроде блокпоста: невысокая ограда из камней, явно рукотворная, кирпичная избушка, обложенная еловыми лапами. Двое спортивного вида юношей в теннисках и свободных трико лениво приветствовали Шлепеня. Полубог ответно махнул ладошкой. Еще один парень, свесив ноги, сидел под избушкой и пристально разглядывал меня. Дар речи вернулся ко мне не сразу. Я наконец откашлялась и открыла рот, чтобы заявить протест, но тщетно... Так и осталась с открытым ртом. Мы сделали очередной вираж и въехали в глубокий распадок...

Я просто обалдела. Умереть не встать. Шахерзада со своими сказками — отдыхает. Дворец графа Воронцова в Алушке по сравнению с тем, что я увидела, — жалкая временка... Это просто рай на земле. С уступов вертикальных скал серебристым каскадом срывался водопад. Журчание играющей воды успокаивало. Большая часть потока уходила в горную речушку, другая — с помощью гидропропускного устройства подавалась в необыкновенной красоты фонтан. За фонтаном виднелся бассейн, за бассейном — дом. Нет, не дом — усадьба...

Шлепень выгрузил меня из машины и повел по аллейке, мощенной мраморной плиткой. Мимо белых магнолий, декоративного граната, мимо круглых, идеально стриженных кустиков, мимо античных урн, установленных на постаментах... В бассейне с золотистой подсветкой плескались живые наяды с длинными волосами. Как видно, эти топ-лесс-красотки входили в антураж — вроде охранников с тугими затылками, которые прохлаждались подле бассейна, заигрывая с русалками. Завершал убранство сада великолепный английский газон, за которым и располагался непосредственно дом. Особняк был оформлен в мягких бледно-опаловых тонах. Вместо двух несущих колонн имелись сразу три, и в огромных нишах между ними просматривались застекленные зимние сады. Парадная мраморная лестница выводила к небольшой эскападе с клумбами. Фасад здания представлял фрагмент мечети — две помпезные арки между увитыми виноградом пилястрами. Окончания колонн были выполнены в форме минаретов. И этим арабские мотивы исчерпывались. Остальное было стилизовано под английский колониальный стиль: классические колонны в крыльях здания, ажурные балкончики, монументальный цоколь, опоясывающий периметр, центральная крыша в виде пирамиды и дракончик на шпиле. Смотровая башня с бойницами на левом фланге — единственная архитектурная деталь, выпадающая из строгой симметричности.

Центральная застекленная дверь с орнаментом оказалась не для нас.

— Пожалуйста, сюда, Ольга Юрьевна, — указал Шлепень на торец здания.

Мы прошли мимо шеренги благоухающих роз и по боковой лестнице с резными перилами поднялись на второй этаж. Прошли одну дверь с витражами, вторую и оказались в розовой комнате с выходом на террасу.

— Ну наконец-то!.. — Из двери напротив появился представительный мужчина в белой сорочке и размашисто зашагал в нашу сторону. — Мы уже места не находим, Ольга Юрьевна. Где вы прятались эти три дня?

Я, признаться, не нашла, что ответить. Мужчина выглядел интеллигентно. Уже в серьезных годах, с аккуратным седым бобриком. Глаза живые, немного обиженные. Немного обрадованные. На боку рация. Новый тип криминального авторитета?

— Хорошо доехали? Не слишком потрепал вас этот Шумахер? — кивнул мужчина на Шлепеня.

— Спасибо, неплохо, — пробормотала я. — Трясло, правда...

— Но это ничего, — решительно заявил мужчина. — Главное — что не стреляли. — Он протянул мне руку. — Рокот Иван Валерьянович. А вы Царицына Ольга Юрьевна? Показывайте скорее документы — и перейдем к делу. Машина для перегрузки готова. Вас не покоробят милицейские цвета?

Вопреки моим представлениям о подобной публике, пальцы Рокота не украшали золотые печатки и массивные кольца с бриллиантами. Это я отметила, когда осторожно вложила ладонь в его руку. Долго держать не стала, вынула. Мало ли что.

— Здесь ее вещи. — Шлепень протянул мой пакет. Я схватилась за него, будто они собирались отобрать мои последние деньги. Кто знает, что у них на уме. Они же воры!

— Спасибо, голубчик, — кивнул Рокот. — Ты на славу поработал. Можешь идти.

— Понял, Иван Валерьянович! — Полубог кивнул и выразительно глянул в мою сторону: — Покрывало Ольги Юрьевны у меня в машине. Пусть заберет, когда освободится.

Едва мы остались одни, Рокот повторно протянул руку:

— Давайте скорее документ, Ольга Юрьевна, и поедem за грузом. Слишком много нервов убили.

Он не оставил мне другого выхода, кроме самого идиотского. Испытывая отчаянный страх, я полезла дрожащей рукой в пакет. Нащупала паспорт, вынула, как гранату с выдернутой чекой, и отдала.

Смену выражений на лице Рокота надо было видеть! Он открыл мою книжицу и долго там чего-то читал. Потом сверил фото с оригиналом, нахмурился. Еще раз перечитал. Начал багроветь.

— Это что?

— Паспорт... — сглотнула я.

— Подождите... — Он поморщился, небрежно бросил мою книжицу на столик. — Но это другой паспорт. Мне абсолютно наплевать, сколько их у вас. Вы должны показать документ на имя Царицыной Ольги Юрьевны. Давайте скорее, не время шутить.

— Нет другого, — пробормотала я.

— Почему нет? — еще сильнее побагровел Рокот. — Потеряли?.. Ладно... — Он нервно покрутил головой, словно освобождался от удавки галстука. — Мне, в сущности, безразлично, где ваш паспорт. Показывайте, где спрятан груз. Я распоряжусь о сопровождении...

— Пойдите! — испугалась я. — Вы не поняли... Это настоящий паспорт.

Он еще чуток поварил головой, не прекращая багроветь. Я совсем его запутала. Ну и что, что настоящий паспорт? А кто говорит, что документ на имя Царицыной — подлинный? У любой женщины должен иметься настоящий паспорт... Наконец в его угрюмых глазах появилось что-то осмысленное. Не само постижение горькой истины, но уже ее начало.

— Так вы не Царицына? — наконец задал он долгожданный вопрос.

— Не имею чести, — прошептала я.

— И вы не привезли груз? — Он требовательно сощурил правый глаз.

— Даже не знаю, о чем вы...

— Так какого черта вы тут делаете?! — взорвался он.

— Привезли меня сюда! Ваш клеветник кинул меня в машину — и привез! Слова не дал сказать! Ребра отдал!

Пусть получит по кумполу. Доколе мне изображать из себя бедную овечку?

— Но на вас желтое парео! — продолжал бушевать Рокот.

Ах, как тонко подмечено. На мне действительно желтое парео. Не слетело, не порвалось. Иначе я торчала бы тут перед ним в одних трусиках!

— Это мое парео! — заорала я. — Из Сибири привезла! Купила там!

— О боги! — взревел он, устремив взор в потолок. Вот когда наступил момент истины. Лихорадочным движением он сорвал с пояса рацию, рявкнул на весь особняк: — К скале! Живо! — и обессиленно опустил в кресло, сжав виски пальцами.

Через пять минут, когда затихли звуки отъезжающих автомобилей, я осторожно потянула с журнального столика паспорт (если не убьют, он мне еще пригодится). Сидящий в кресле не пошевелился.

Я робко кашлянула:

— А меня... куда?

Он медленно поднял голову и уставился на меня незрячими глазами. Потом будто что-то вспомнил, глаза сделались зрячими.

— Уходите, — отмахнулся он, — видеть вас не могу, — и снова уткнулся в пол.

— Пешком? — изумилась я.

Он и эту наглость пережил. Терпеливый оказался мужчина. Лишь зубами проскрежетал (а мог бы рявкнуть с чувством: в расход!!!). Я, конечно, поняла, что брякнула не то. В моей глупейшей ситуации главное — ноги унести.

— Хорошо, — смиренно согласилась я, — уйду...

Опустила паспорт в пакет с рекламой несъедобного майонеза и на цыпочках отправилась к двери.

— Подождите, — остановил он меня.

Я замерла с колотящимся сердцем, обернулась.

В глазах мужчины вновь появилось что-то осмысленное.

— Подождите, — повторил он, хмуря лоб, — а вы, собственно, кто такая?

— Вы смотрели паспорт, — промямлила я.

— Мне это ни о чем не говорит. Кто вы по профессии?

— Литератор, — призналась я. — Сочиняю популярные детективы.

Он задумался. Что-то нашел интересное в моей невзрачной персоне.

— Хорошо раскупают?

— Нарасхват, — слегка приукрасила я. — Тьфу-тьфу...

Он догадался, что я пошутила. И впрямь, до обвальности популярности мне как-то далеко.

Ухмыльнулся сухими губами, поднялся с кресла и, указав на распахнутую дверь на террасу, предложил:

— Проходите на террасу, смуглая леди, поговорим.

— А разве я не уйду? — робко поинтересовалась я.

— Да перестаньте! — Он раздраженно махнул рукой. — Куда вы пойдете? До утра плутать будете. Шлепень вернется — увезет вас в город. Проходите на террасу, не бойтесь, не укушу...

Он выглядел очень усталым. И абсолютно не кичился неземной роскошью, что его окружала. Мы сидели за плетеным столиком, в плетеных соломенных креслицах. Мужчина распечатал невзрачную бутылку из мутноватого стекла, налил вино в бокалы. Под нами простирался сад, усеянный аленькими цветочками, плещущиеся в бассейне русалки посматривали на меня неприязненно, а их приятели-охранники напротив — с любопытством (очевидно, профессиональным).

— Лидия Сергеевна? — подняв глаза, уточнил Рокот.

— Так точно, Иван Валерьянович, — пробормотала я.

— Давайте хоть выпьем, Лидия Сергеевна. Что нам еще остается?.. За все хорошее.

Он выпил залпом. А я застенчиво смочила губки. Непривычное ощущение на губах. Словно кто-то поцеловал. Задумавшись, я еще раз смочила. Помедлила и выпила до дна. Облизнулась и изумленно воззрилась на Рокота.

— Нормальная реакция организма, — засмеялся мафиозо. — Не хочу хвастаться, Лидия Сергеевна, но это «Винтаж» из Португалии, король портвейна. Двадцать лет выдержки! Представляете, сколько терпения нужно? Двадцать лет ходить вокруг да около! Я сам почти не пью алкоголя, но от двух-трех бокальчиков порто никогда не откажусь.

Он вновь наполнил бокалы. Я никогда не любила крепленые вина, но то, что этот криминальный авторитет наливал из мутной бутылки с желтой этикеткой, невозможно было не пить. Есть такие добрые характеристики хорошего вина, как старость, шелковистость и округлость. Я их чувствовала каждой клеточкой нёба, особенно последнее. Трудно передать это ощущение тому, кто не пил «Винтаж».

— Рассказывайте, как вы попали на скалу Обмана, — дождавшись, пока я досмакую вино, потребовал Рокот. Он теперь смотрел на меня с любопытством.

Я не стала ничего скрывать. К тому же портвейн уже приятно шуршал в голове, настраивая на пофигистский лад. Я подробно описала ему свой день и стала наблюдать за реакцией. А он внимательно наблюдал за мной. Потом налил по третьему бокалу.

— Скажите, Лидия Сергеевна, а вы хорошие детективы пишете? — В его вопросе чувствовалась провокация.

Но ответа он так и не дождался. Как ни странно, моя реакция, вернее, ее отсутствие его удовлетворило. Он задумался, положил руку на перила, барабанил по ним пальцами. Я ждала, гадая, какую каверзу он мне готовит.

— Итак, Лидия Сергеевна, — начал он тихо и вкрадчиво, — вы настаиваете, что ваше появление на скале Обмана случайно?

— А вы не верите? — Под ложечкой у меня тоскливо засосало: неужели пытаться будут?

— Да нет, почему же... В том и беда, что я вам верю... Было бы намного лучше, по крайней мере для меня, если бы я вам не верил...

Я догадалась, что осталось «про запас». Очевидно, предложение типа «тело в дело», от которого будет трудно отказаться. С паршивой овцы хоть шерсти клок. А как же эти наложницы в бассейне?

В тот момент я так и не узнала, что на самом деле уготовил мне Рокот. Узнала несколько позже, при обстоятельствах ужасных. Вдруг надрывно запищала рация, он нетерпеливо схватил ее:

— Говори, Алекс...

— Иван Валерьянович, труп под скалой! — донеслось через треск эфира.

— Ч-черт... Понял, буду... — Перегнувшись через перила, он крикнул клевретам, чтобы готовили машину. Немедленно! Поразительно, но его возбуждение передалось и мне, будто от того, что лежит под скалой, зависело мое будущее.

— А меня куда девать? — жалобно спросила я.

Он опять забыл о моем существовании (ну что за человек!). Посмотрел на меня так, будто я к нему на террасу с крыши рухнула и забыла представиться.

— Да ладно, черт с вами, садитесь в машину, — процедил он. — Куда вас еще девать...

Скалу Обмана оккупировали люди Рокота. Двое прохладжались на дороге, четверо, нахохлясь, сидели на камнях. Автоматами не трясли, дома оставили, по карманы у ребят отдувались так очевидно, что вопросы отпадали. Бледнолицый Шлепень, кусая губы, маячил под обрывом, где бесформенная масса камней граничила с морем. Завидя нас, махнул рукой. Мы спустились, я и Рокот. Почему он мне позволил — до сих пор не пойму. Двое сопровождающих остались наверху.

На камнях, у самой воды, лежало женское тело в зеброобразном бикини и желтом парео (!) на бедрах. Голова — меж двумя валунами. Тело напряжено и как-то неестественно выгнуто. Несмотря на страх, я отметила про себя, что однажды уже видела этот купальник в вертикальную полоску, видела «апельсиновую корку» на бедрах. Естественно, в упомянутые времена все это принадлежало женщине веселой и очень разговорчивой.

— У нее полоса на шее, — сообщил Шлепень. — Душили, падлы...

— Переверни, — распорядился Рокот.

— А ментов не обидим? — для порядка осведомился подручный.

— Да пошли они, уроды... — Рокот скрипел зубами. — Переворачивай...

Я ахнула и, чтобы не упасть, вцепилась Рокоту в руку. Ну угораздило... Он покосился на меня без особой симпатии, но промолчал.

В небо с болью и ничегонепониманием взирали серые глаза Ларисы Куценко! Простоватой хохлушки из бунгало... Нет сомнений, что перед смертью она много говорила и просила. Ее лицо было искажено, посинело, рот раскрыт, и из него свешивался синий, в пятнышках, язык. Глаза настойчиво зывали к небу: не убивайте! В простеньком кулончике, сбившемся с шеи Ларисы, поигрывал кусочек солнца.

Проглотив тошноту, я отцепилась от Рокота. Отвернулась и опустилась на корточки. Ближе к морю. Мы все оттуда вышли. Туда же и уйдем. По крайней мере, некоторые...

— Почему ее убили? — наконец проскрипел Рокот. — Разве в мертвом виде она покажет им, где груз?

— Царицына могла объяснить на словах. Потому и убили, — неуверенно предположил Шлепень.

— Чушь собачья! Спрятать груз она могла только в гротах. Как это можно объяснить на словах? Как можно ее убить, не будучи уверенными? Она обязана была им показать, и только после этого...

— Может, и показала, — пожал плечами Шлепень.

Рокот некоторое время размышлял. А я с тоской смотрела на море, которого у меня больше не было. В районе пляжа кипела бурная жизнь. За буйками мирно покачивался «банан» с экстремалами-весельчаками. Двое «новых» хохлов на скутерах мотались друг за другом.

— Ну извини, Алекс, это сушая клиника. Концы с концами не сходятся. Зачем она писала записку?.. — размышлял Рокот вслух. — Хотя какая нам теперь разница, если она мертва... Ну надо же так фраернуться... — Он сплюнул и почти без мата выругался. Интеллигентная закваска у человека.

— Вы думаете, перед вами Царицына? — спросила я.

Криминальные дельцы помолчали.

— Она должна была прийти на скалу в желтом парео, — неуверенно сообщил Рокот. На какое-то мгновение мне даже смешно стало: эти хваленые авторитетные лидеры,

оказывается, бывают такими растерянными.

— Далось вам это желтое парео... — вздохнула я. — Да кто в нем только не ходит... — Тут я немного, конечно, преувеличила. Ни одной идиотки в желтом парео до сегодняшнего дня я на пляже не замечала. — Послушайте, Иван Валерьянович... — Я откашлялась и попыталась говорить убедительно: — Вас интересует женщина, объявившаяся в округе не ранее одиннадцатого-двенадцатого числа?

Это было мгновенное озарение. Я интуитивно связала два события — рассказ Алика с криминальной перестрелке в восточной части бухты и сегодняшнее происшествие. Почему мне это пришло в голову? Сама не понимаю.

— Правильно... — насторожился Рокот. — Особа с российским паспортом.

Я воодушевилась:

— Эту женщину зовут Лариса Куценко. Харизматическая хохлушка из Винницкой области. Где она обучалась, непонятно, но она просто не в состоянии без акцента говорить по-русски, уж поверьте моим наблюдениям. Если она россиянка, то я определенно — монголка. Хорошо, делаем допущение, что у нее имеется несколько паспортов, один из них российский, на имя Царицыной, но в таком случае, извините, она просто дура. Не думаю, что человек, которого вы ожидали, настолько глуп. Не проще ли обзавестись украинским?

— Да много вы понимаете в женщинах, — самоуверенно заявил Шлепень, — а уж я насмотрелся. И натрогался. Они меняют окраску восемь раз на дню, в зависимости от того, с кем общаются. Я не имею в виду вас... — перехватил подручный предупреждающий взгляд шефа. — Я имею в виду женщин... вообще. Не убеждает, знаете ли.

— Спасибо за поправку, — сухо сказала я.

— Вот именно, — проворчал Рокот. — Она обязана быть россиянкой.

— Не знаю, — настаивала я. — Во-первых, труп уже никому ничем не обязан. Во-вторых, наблюдение номер два, — тут я набрала побольше живительного воздуха в легкие, — я приехала на отдых вечером пятого. Лариса Куценко уже была здесь. Она всю отдыхала и страстно мечтала похудеть. За девять дней дальше Жемчужного она никуда не отлучалась. Этот факт не подлежит сомнению. Вы можете его проверить. Отсюда убедительный вывод: мертвая женщина — никакая не Царицына, а подлинная воспитательница детского сада из Винницы Куценко. Впрочем, думайте сами...

Оглушительных аплодисментов своим аналитическим выступлением я не сорвала, но некоторое оживление вызвала.

— Ничего не понимаю... — вдруг по-детски произнес Рокот. — И раньше не понимал, а теперь совсем увяз. А где же тогда Царицына?

— А я почему знаю? — осмелев, уже другим тоном заговорила я. — Это ваша Царицына, не моя. Ищите. Подозреваю, она достаточно хитра. А хитрые живут долго, если, конечно, не чересчур наглые...

— Скажите, Лидия Сергеевна, — перебил меня весьма неглупым вопросом Шлепень. — Эта женщина, м-м... Лариса... Вы когда-нибудь видели на ней желтое парео?

— Никогда! Совершенно точно. Желтое полнит, на это Лариса пойти не могла. В ее гардероб входили... — Я закрыла глаза, представила живую Ларису и пустилась перечислять: — Черный открытый купальник в полосочку, коричневый с юбочкой, синие колотты-боксеры, белая топка, синий боттом, сиреневый сарафан на бретельках...

— Достаточно, уже менты едут, — раздраженно бросил Шлепень. — Извиняй, командир, ребята вызвали. Вроде как положено.

С возвышенности, на которой стояла скала Обмана, хорошо было видно, как со стороны Жемчужного в клубах пыли тащится «уазик» характерного окраса.

— Не спешат, — без выражения, будто наблюдая за полетом журавлей, прокомментировал Шлепень. — Ребята намекнули Резгуну, чтобы не очень спешил. А то примчался в прошлый раз как на пожар, дубина стоеросовая...

Выражение «в прошлый раз» не прошло мимо моего внимания. Но кровь мне в голову ударила не от этого. Слишком поздно я задумалась о последствиях этого «положено». Не вполне отдавая отчет своему поступку, я поднялась на ноги и вцепилась Рокоту в локоть.

— Иван Валерьянович, пожалуйста... Свершилось недоразумение, вы же умный человек. Из-за меня вы потеряли время, понервничали, но ведь и я тоже... Я вам помогла, согласитесь. И дальше смогу помочь. Помогите и вы мне, прошу... Я знаю, я догадываюсь, вся милиция Тихой бухты, до последней собаки в райотделе, подчиняется вам. Кому же еще? Не втягивайте меня, пожалуйста. Затаскают же, заключают...

— Ну с Резгуном это как два пальца... — согласно закивал Шлепень. — Протокол оформит, и здравствуй, Калифорния, — на десять лет на все готовое.

Рокот пристально посмотрел мне в глаза. Непростой он был человек, очень непростой, несмотря на вспышки гнева, он предпочитал размышлять, прежде чем действовать. И опять в глазах у него проскользнул интерес к моей персоне.

— Хорошо, — кивнул он коротко. — Я запомню ваши слова...

Через две минуты сизые мундиры новоприбывших смешались с разноцветьем боевиков Рокота. Ребята шутили, здоровались за руку, похлопывали друг дружку по плечу — словом, демонстрировали полное расположение, крайне необходимое в совместной работе. К нам спустились двое — незнакомый сержант и знакомый пухлый капитан с оскалом морской свинки. Надо думать, тот самый Резгун. Он криво покосился на меня, однако, как все хамы со стажем, в присутствии покровителя вел себя смирно, ограничиваясь лишь косыми взглядами. Вопросы задавал сержант, более сведущий, как мне показалось, в милицейском деле. Не хочу вспоминать подробности этой неприятной процедуры. Остановлюсь лишь на отправных пунктах дознания. В изложении Рокота они прозвучали следующим образом: «батяка» Рокот крайне недоволен работой правоохранительных органов; по его мнению, они слишком обленились, не понятно, за что он им платит деньги (не гривны — подчеркнул Рокот, а именно деньги). Не хотят работать, пусть пишут заявления. Словом, он требует расследовать дело об убийстве Л. Куценко и в трехдневный срок доложить о результатах. Причем расследовать не как всегда, а как в любимых ментовских сериалах. Перестать наконец пьянствовать и тщательнее заняться патрулированием местечка. При этом необязательно хватать всех подряд и применять нетрадиционные методы дознания. Приток туристов нужно поощрять, а не наоборот. Активизировать сеть стукачей... А эту симпатичную крупноглазую женщину допрашивать только в его, Рокота, присутствии. Она его хорошая знакомая, слишком ранима и лишь по воле случая оказалась в заданном квадрате.

— Надеюсь, вы понимаете, Лидия Сергеевна, что можно говорить милиции, а что нельзя? — спросил он полушепотом, наклоняясь ко мне.

Я уверила его, что не такая набитая дура, как кажусь, и отвела его в сторонку. Милиционеры тем временем поволокли несчастную Ларису в прибывшую из морга машину, а Резгун отошел за скалу — мочиться.

— Спасибо, Иван Валерьянович, — горячо поблагодарила я. — Примите услугу за услугу... — И скороговоркой рассказала ему о людях, выбежавших из-под обрыва в тот самый момент, когда Шлепень переходил с первой космической скорости на вторую.

— Мне кажется, этот факт наводит на размышления, не так ли, Иван Валерьянович? Подумайте, не они ли убили Ларису?

Рокот явно находился под впечатлением.

— С каждым часом, Лидия Сергеевна, вы мне нравитесь все больше и больше. К чему бы это?

— К осадкам, — спокойно пояснила я. — Давно их что-то не было. К сожалению, Иван Валерьянович, не могу вам ответить взаимностью. Совесть не позволяет. Она у меня недремлющая.

Он рассмеялся:

— Да я не о том. Существуи у меня в коллективе должность штатного летописца — я бы охотно вам ее предложил. Вы сможете описать этих людей?

— Я даже не помню, сколько их было. Но безусловно мужчины. Головы не бритые. Но и не хиппи. Одеты во что-то серое... Больше ничего не скажу. Не до того мне было как-то в то время.

— И на том спасибо, — улыбнулся Рокот. — Постарайтесь временно обо всем забыть, Лидия Сергеевна. Для вашего же блага, если хотите нормально завершить отпуск. Вас отвезут на городской пляж. Оттуда вы вернетесь к себе в санаторий. Никого не видели, ничего не знаете, весь день кружились на аттракционах. И оставьте мне на всякий случай ваши координаты.

Глава четвертая

Только к вечеру, когда небо стало густым раствором синьки, я добрела домой — измученная, с разбитой на куски головой. И здесь пришлось претворяться, говорить какие-то слова. Слух о гибели Ларисы распространился с обычной для слухов скоростью. На лестнице от пляжа я столкнулась с Соней — она спускалась с полотенцем через плечо на ежевечернее омовение.

— Ужас какой... — прошептала Соня. — Где тебя носит, Лидуня?

— На аттракционах, — бодро отчиталась я. — Ох, как меня там так носило... А где ужас-то?

— Ларису убили. — Она сделала такие выпуклые глаза, что хоть бюстгальтером закрывай. — Милиция приезжала, всех опрашивала. Мы сказали, что ты в городе.

— Какую Ларису? — не поняла я.

— Ну эту... — рассердилась Соня и за неимением правильных слов ткнула большим пальцем в темнеющее небо, — что надо мной жила...

— Мать Божья, — ахнула я, — Лариску?!

— Вот-вот, — возбужденно закивала Соня. — Менты сказали, что ее под скалой Обмана нашли, уже мертвой. Удавили, мол... А чего ее туда занесло, ты не знаешь? Может, сами менты и удавили? Вот и ездят после этого на курорты. — И побежала дальше по лестнице.

Костюковичи сидели на террасе первого этажа и, как классические «эники-бэники», ели вареники. Есть такая услуга в здешней столовке — дают на вынос в дырявом термосе, за отдельную плату. Плюс залог за термос.

Я как раз проходила мимо.

— Горюшко-то какое, — посетовала, проглатывая вареник, мадам Костюкович, — Ларисонька наша погибла. Был человек — и нету человека.

— Знаю, — откликнулась я, — Соня уже рассказала.

— Вот уж воистину, — захохотал муж мадам Костюкович, — живешь и не знаешь, где обретешь, где потеряешь. А Ларисонька, между прочим, целый год откладывала деньги, чтобы на море съездить.

— Ужасно, — траурным тоном поддержала я. — Увидеть море — и умереть... Просто в голове не укладывается.

В коридоре меня выловила Рита Лесницкая. Я вяло тыкала ключом в скважину замка, уже отчаявшись попасть. И вдруг попала. В это время она и вынырнула из своей комнаты. С поджатыми губками.

— Ну и где тебя шатало, Лидунь?

— Капиталы проматывала, — вздохнула я. — Хотела записаться в куртизанки, но у них все занято. Буду гулять просто так.

— Это понятно, — кивнула Рита. — Ты знаешь новости?

— Да, знаю. Скверные новости расходятся быстрее хороших.

— Полная тухлятина, согласишься? Бандюки гребаные, блин. Слов уже нет... Я зуб даю. Лидуня, они ее изнасиловали и удавили, чтобы не трепалась. Вот видишь как — в одиночку нам теперь из дома не выйти.

— А ты пластическую операцию сделай, — посоветовала я. — Скажи: хочу быть

уродиной. Это недорого. Ни одна зараза не пристанет.

Пихнула дверь коленом и вошла в свой номер. Я уже не могла больше никого видеть...

В комнате было душно и пыльно. Я включила телевизор и завалилась на постель. Головная боль подутихла, но меня по-прежнему трясло. Не было сил собирать вещи и ловить такси на Симферополь. Может, до утра ничего не случится, понадеялась я.

Вечерние «Подробности» — единственная программа на русском языке — давно закончилась. Начинался украино-мексиканский сериал — тягучее резиновое мыло. Оно только добавило духоты. Я выключила телевизор и распахнула окно. Темнота падала стремительно. На западе еще играло бордовым гляncем зарево, а с востока уже надвигалась густая темень.

К вечеру неожиданно поднялся ветер. Ленивое до заката море разгулялось штормом. Высокие волны с шумом разбивались о берег, растекаясь по песку пенистой шипучкой. Погода явно перестаралась. Какие-то фигурки совершали между волн замысловатые пируэты. То качались, балансируя на поверхности, то взлетали, то исчезали, уходя за гребень волны. Серфингисты, догадалась я. Ветер с Турции благотворно подействовал на голову: она почти перестала болеть. Самое время принимать процедуры и отправляться ко сну. Я вынула из тумбочки банное полотенце и отправилась в душ. Горячей воды в бунгало отродясь не бывало, днем и ночью текла еле теплая. Но хоть тараканы из смесителя не выпрыгивали. Я подставила лицо под струю и простояла так минут пять, пока из головы не вымылись последние впечатления ушедшего дня. После чего тщательно выскребла тело, внимательно изучила себя в кривом зеркале и обернулась в два полотенца — банное на себя, «вафельку» — на голову. Прищепку на груди зажимала, переступая порог...

На меня набросились двое. Один зажал рот, другой ударил по затылку, чтобы не дрыгалась...

«Опять не за ту приняла», — проплыли в голове титры. Меня прихлопнули грамотно — просто оглушили. Сознания я не утратила, но способности ориентироваться в пространстве явно лишилась. Меня швырнули в продавленное кресло, за спиной треснули скотчем... и вонючая липкая лента обтянула мне рот. Я сидела обездвиженная, беззащитная и сквозь туман наблюдала, как две гибкие фигуры в черных «фантомасках» рыщут по номеру: вытряхнули содержимое тумбочки, слазили в шкаф, один забрался в сумку, начал вытряхивать мое барахло, другой в это время ощупывал кровать... Осмотрели гардероб, окно, ванную комнату, даже лампочку под потолком и телевизор. Потом пересадили меня на кровать, прощупали кресло. Не знаю уж, чего они там искали, но деньги бы ни за что не нашли. Последние пятьсот долларов лежали за обоями, над плинтусом — на самом видном месте. Еще в день прибытия я скрупулезно исследовала номер, после чего аккуратно, ножичком, подрезала обои, всунула за них пять купюр и гладко заклеила. Главное — не забыть их там...

Проведя шмон, эти двое подняли меня за локти и подвели к окну. Контузия продолжала тянуть меня к полу; отпусти они меня — я тут же рухну. Один перевалился через подоконник, исчез в объятиях ночи. Другой подтолкнул меня, продолжая поддерживать:

— Спускайтесь.

Не такие уж они немые. Я беспомощно вытянула руки, сделала шаг. Из черноты па меня смотрели спокойные глаза. Остальное сливалось с темнотой...

— Не бойтесь, давайте руку, — произнесли «спокойные глаза».

Мне? Бояться? Да ни в жизнь. Чего мне бояться? Страхующий сзади уберег мои зубы от удара о подоконник, а передний перехватил мою руку, обнял за талию. Мне осталось лишь согнуть ноги в коленях и перелететь в сад. Я бы так и улеглась к нему на плечо, а он тащил бы меня, потихоньку сходящую с ума... К тому и шло. «Фантом» обхватил мои ноги, пристроил поудобнее, стал дожидаться, пока перелезет второй. Я тщетно пыталась приподнять голову, разглядеть хоть что-то, но с ужасом чувствовала, как кровь болезненно приливает к макушке... Тряхнулись кусты, и новые резвые тени обозначились в пространстве! «Спокойные глаза» сбросил меня под ноги! Я упала в траву, ударилась плечом и попыталась куда-то ползти, забиться в нору. (Стоит напомнить, что из одежды на мне было только полотенце с прищепкой... вернее, уже без прищепки, то есть почти ничего не было!) Прямо надо мной разгорелась яростная потасовка. Лупились молча, хлестко. Кто-то с глухим стоном влетел головой в кусты. Тут же вскочил и бросился наутек, ломая ветки. Рванул второй, в обратную сторону. Чьи-то ноги совсем рядом пробежали. Голова моя взорвалась оглушительной болью. Я уже теряла сознание, только рукой все тянула на себя уползающее полотенце...

Очнулась в постели. Поводила глазами — знакомые разводы на потолке. Понятно: так сказать, дома. Ощупав себя, убедилась, что полотенце на месте: мокрое, грязное, завязанное неумелой мужской рукой. Сверху одеяло, а под головой подушка. Лампочка горит вполне накала (есть у нее такое свойство: жмешь половинку выключателя — горит тускло, жмешь обе — чуть поярче). Справа кто-то есть — силуэт в продавленном кресле. Эх, камень бы мне в руку...

— Не волнуйтесь, Лидия Сергеевна, вы в надежных руках.

Нет, не пришло еще время разбрасывать камни. В кресле, заложив ногу на ногу, восседал Рокот. Его лицо прятала густая тень. Видны были только глаза, но я не смогла в них ничего прочесть.

— Вот такие наши с вами дела, Лидия Сергеевна. Бывали и получше, верно?.. Нет-нет вы не волнуйтесь. Бунгало окружено моими людьми. Так сказать, верными диктатору войсками. В номере — никого, кроме нас. Посторонние спят. Вы сами слышали: операция была проведена бесшумно и быстро. К сожалению, людям, пытавшимся вас похитить, удалось уйти. Они неплохо подготовлены.

— А откуда я знаю, что это не вы подстроили налет? — хрипло спросила я.

— Да бросьте... — поморщился Рокот. — Глупостями я не занимаюсь. Вы серьезная взрослая женщина, не к лицу мне разыгрывать перед вами дешевый спектакль. Выпить хотите?

— Непременно, — кивнула я. — И спать...

Он пружинисто подошел к холодильнику, раскрыл его и презрительно долго изучал содержимое. «Винтажа» я, понятно, не держала. Имелось немножко бренди и упаковка пива «Балтика». В этих краях оно дорожше, поскольку импортное. Что-то проворчав об ужасающе низком уровне жизни в стране, Рокот извлек «Слыньчев бряг» и плеснул в бокал. Я выпила в два приема. Нормальное пойло. И купила я его не просто так, чтобы юность вспомнить.

— И закурить. Пожалуйста... На столе.

Он подал мне пачку, щелкнул зажигалкой. Выставил на тумбу пепельницу. Подушку я

взбила сама. Резкие движения отозвались в голове возвратной болью. По счастью, ненадолго.

— Выспаться успеете, Лидия Сергеевна, — негромко произнес Рокот. — Давайте поговорим на сон грядущий.

Я молча пыхтела сигаретой. Возражать было бы не только глупо, но и неблагодарно. В-первых, такие не уходят, раз пришли; во-вторых, его люди вроде как меня от чего-то спасли.

Не дождавшись моей реакции, Рокот нашел второй бокал, плеснул себе и вернулся в кресло.

— Потрясающе низкосортное пойло, Лидия Сергеевна. Пейте уж горилку, если печенки не жалко.

Я пропустила его совет мимо ушей.

— Кто напал на меня, Иван Валерьянович?

— Не знаю, — очень просто ответил Рокот. — Но подозреваю, что они профессионалы. Причем они тоже приняли вас за Царицыну.

Я закрыла глаза. Кадр из недавнего прошлого: равнодушный взгляд из-под маски. «Не бойтесь, давайте руку...» Никакого акцента. Чисто русское произношение. Не приклатненное. Не «окающее», не «акающее», как у москвичей, — нормальная русская речь.

— Чем вы занимаетесь? — поинтересовался Рокот.

— Медитирую. Заправляюсь из космоса...

— Дурью вы заправляетесь. Уж этого-то добра в вас под завязку... Прошу простить. Вы, надеюсь, понимаете, Лидия Сергеевна, что я держу небольшой бизнес в этом уютном местечке?

— Уже догадалась, — кивнула я. — Совсем небольшой бизнес. Крохотный такой.

— А вы противная. Это солидный бизнес, согласен. Вы многое понимаете, но очень любите спорить. Не буду вас перевоспитывать. Хотя охотно бы этим занялся. Но с личным временем, увы... Безусловно, вы понимаете, что так называемая криминальная, теневая власть в любом райском местечке будет всегда, невзирая на указы сверху. И никуда от этого не спрятаться, не скрыться. Подозреваю, она есть даже в раю, однако доказательств не имею, поскольку никогда там не был. И вряд ли буду... Эта власть может трансформироваться, переходить из рук в руки, принадлежать каким-нибудь фондам заблудших ягнят, инвестиционным компаниям, крутой братве, структурам госбезопасности, администрации президента — короче, любому, кто готов «крышевать». А жизнь населения и развитие района напрямую зависят от амбиций или жадности последнего.

— А себя вы, конечно, считаете идеальным вариантом? — не удержалась я.

— Ну я не бог. — Рокот сделал очередную мужественную попытку испить из бокала. Улыбнулся. — Но я бы мог. Вы не слепая, Лидия Сергеевна. Жемчужное процветает. А знаете, каким был этот район пять лет назад? Не хочу говорить. О мертвых вообще плохо не говорят... Вы видели город. Видели пляжи и оздоровительные центры. Яхт-клубы и турагентства. Дельфинарий и парк водных аттракционов. Уютные кафе и все такое. Обслуживание в магазинах. Чистоту, наконец. У меня пенсионеры получают надбавку к пенсии — полста гривен ежемесячно, ну, может быть, они и недовольны... Но где вы видели довольных пенсионеров? Например, где-нибудь под Харьковом получают вдвое меньше... А игорные заведения?.. Это немаловажно, уважаемая писательница. Это приток в городскую казну конкретных средств. Это деньги на ремонт дорог. Разве плохие в городе дороги? Ну разве что на окраинах... Да что я вам объясняю? Вы пройдите еще раз, посмотрите. Да у

меня даже рыбнадзор сквозь пальцы смотрит на ловцов креветок и рапана — пацанам ведь нужно жить и кормить своих мамок...

Я могла понять многое. Даже чисто психологический аспект: замурованного в волчье окружение и мрак собственных преступлений криминального авторитета тянет выговориться. Он не классический урка. Он образованный крестный папа. И ему нравится эта роль. А дамочка ему симпатична. Если же перестанет быть таковой, то вряд ли что его остановит...

— Я вижу, как меня вытесняют из бизнеса, — перескочил на свои заботы Рокот. — Я ощущаю тучи над головой. Не буду останавливаться на подробностях, но суть в том, что некая организация стремится подмять под себя район. Более того, существуют серьезные опасения, что организация имеет российские корни. Проще говоря, москали треклятые...

Что ж, констатировала я, ситуация типичная: Моченый против Копченого. Да вроде он сам на хохла не похож. Говорит по-русски прекрасно, со всеми присущими разговорному языку «кандебоберами».

— Я никому не верю, Лидия Сергеевна, — звучал из кресла размеренный голос, — ни замам, ни ментам, ни подхалимам. Разве что Шлепеню... Это, кстати, Шлепень контролировал ваши окна и передал сообщение о налете. Поблагодарите его при случае... Но что взять со Шлепеня? Так, шестерка... Ладно, Лидия Сергеевна, это я отвлекся.. Переходим к нашим грешным делам. Из Турции по морю плыл груз. Ничего особенного, средней паршивости груз, но для бизнеса имеющий ценность. Были задействованы катера береговой охраны, люди на таможне, ну, в общем, все, кто нужен. Имелся коридор, в который никто не имел права влезть. Я получил сообщение от партнера из Турции по безопасному каналу — вокруг него тоже наблюдается нездоровая активность. Такое ощущение, будто наша наглая, беспредельная организация запустила щупальца даже в Турцию, норвя не просто откусить кусочек крымского пирога, а оттяпать всю коммерцию. Партнер выразил крайнюю обеспокоенность и сообщил о мерах предосторожности. Груз сопровождает дама с российскими документами. Царицына Ольга Юрьевна. Рекомендовано воздержаться от контактов, поскольку в моем окружении есть люди, работающие на конкурентов. Груз доставят и укроют в гротах. Дама о себе сообщит. Непосредственно мне, без посредников. Любой посредник — и она в капкане. Разумеется, Шлепень не считается посредником. Пусть он крутится на побережье между яхт-клубом и скалой Обмана, дама знает его в лицо и, если не почувствует слежки, даст о себе знать. В противном случае она на контакт не выйдет. Будет ждать удобного момента. Очевидно, противник неплохо подготовился: катер с грузом удачно миновал нейтральные воды, прошел коридор и тихой лунной ночью пристал к гротам в восточной части бухты, а в момент причаливания на него напали! Завязалась перестрелка, ее слышали даже в городе. Наши люди (читай — милиция) прибыли на место происшествия через сорок минут. Могли бы и раньше, шли на звуки, но пальба уже утихла, и пришлось прочесывать весь берег. Нашли одинокий катер, пришвартованный к камням. Команда мертва — все трое. На берегу — еще четыре трупа. На борту — ни женщины, ни груза. Ни лодки резиновой (должна быть, по инструкции). Противник не мог опередить, иначе он не оставил бы на берегу своих мертвых, тем более с документами — у одного из убитых нашли удостоверение на имя капитана сочинской таможни Новикова Сергея Александровича., Отсюда был сделан вывод, что последнее слово в стычке принадлежало женщине по имени Ольга Юрьевна. Когда бойцы перестреляли друг друга, она перенесла груз в лодку и куда-то увезла. Вроде бы она поступила правильно, ибо

не знала, кто придет первым. На связь она не вышла. Команда пловцов тихонько обшарила ближайшие гроты — пусто-пусто. Но там и не найдешь. Эти гроты настолько извилисты и неудобны, что можно год искать, не зная, что искомое у тебя под носом. Связь с партнером прервана, мы не знаем примет женщины. Не знаем, есть ли у нее другие документы. Оставалось ждать, ведь должна она выйти на связь... С тех пор Шлепень регулярно навещался на побережье. Десятое число, одиннадцатое, двенадцатое... И вот удача — тринадцатого числа, во вторник, Шлепень обнаруживает на сиденье джипа записку: «Четырнадцатое августа, с 11.00 до 12.00. Скала Обмана. Женщина в желтом парео». Очевидно, она не могла поступить иначе. Женщина опытная — вычислила чужаков, а также обнаружила наблюдение за самим Шлепенем. Но, определив, что машина Шлепеня свободна от контроля, нашла возможность оставить записку. А затем, видно, продолжила наблюдение, дабы удостовериться, что именно Шлепень прочтет послание. Так и произошло. Но далее Шлепень совершает ошибку, за которую ему голову мало оторвать. Не думаю, что это измена, скорее всего — обычный ляп. Измена далее. Я отсутствовал в «Соколином гнезде», у меня масса дел, Лидия Сергеевна. Шлепень доложил о записке по «инстанции» — таким образом, еще двое, помимо адресата, узнали о существовании послания от Царицыной. Замы, которым я безгранично верил: Молич, Березниченко. Первый контролирует безопасность, второй деловые контакты. Теперь с уверенностью могу сказать, что один из них... сука... Шлепень появился у скалы ровно в одиннадцать. К этому времени Лариса Куценко либо уже мертва, либо вот-вот станет таковой. Она пришла пораньше, ее уже ждали, схватили, уволокли под скалу, где пытались вытянуть информацию, а поняв, что лажанулись, банально придушили. Возможно, не хотели убивать, просто так вышло — от избытка, скажем, огорчения. В это самое время вы, Лидия Сергеевна, появляетесь у скалы. Одиннадцать пятнадцать, если не ошибаюсь? Напяливаете на себя это дурацкое парео и безмятежно наслаждаетесь солнечным деньком. Вы не слышите, что творится под скалой, — там отменная каменная изоляция. Увидев вас, Шлепень срывается с места, хватает и увозит в «Соколиное гнездо». Убийцы слышат шум, выскакивают из-под скалы... Отсюда и вытянутые физиономии в момент вашего угона, Лидия Сергеевна.

Я растерянно молчала. Чужаки на пляже были, даже я успела это заметить. Один только тип с облезлыми ушами чего стоит — так и шныряет, подлец, вынюхивает. Куда он, кстати, подевался? Давненько его что-то не видно.

— Ну хорошо, — заключил Рокот. Я отметила, что голос его стал раздраженным. — Я готов допустить, что ваше появление под скалой в этом проклятом желтом парео — обычное совпадение. Досадно, глупо, невозможно, но... Но почему там появляется Куценко в желтом парео?! Ведь у нее, по вашим словам, никогда его не было! Или это тоже совпадение? Что вы на это скажете?

Я вздохнула:

— Да я-то скажу. Вопрос: согласны ли вы это слушать?

— Согласен, — кивнул Рокот. — Валяйте, я — весь внимание.

Очень лестно, когда к твоему мнению прислушиваются маститые короли криминального мира. До разумного, конечно, предела лестно. Пока у короля не появится мерзкая мыслишка: а не много ли эта мадам знает?

— Настоящая Царицына — более осмотрительная особа, чем вы думали, — начала я. — Это качество спасло ей жизнь. Правда, погубило другую. Она не уверена в добросовестности Шлепеня, не уверена, что послание дойдет напрямую до вас. Она желает подстраховаться.

Каким-то образом она уговаривает Ларису Куценко появиться под скалой Обмана в желтом парео. Именно в оговоренный срок. Лариса — великая простушка, ее не надо долго упрашивать. Ей можно наплести любую историю, можно пообещать денежное вознаграждение — не думаю, что воспитательница детсада откажется от приличной купюры... Главное — не выходить на личный контакт. В случае провала личность Царицыной тогда легко просветится. Лариса ее сдаст. И здесь я вижу несколько вариантов. Первый — записка под дверь (Царицыной не привыкать писать записки). Второй — приятный незнакомый молодой человек, скажем, в столовой, с которым Царицына предварительно договаривается, и все такое... Вариант беспроектный. Куценко уходит под скалу, а Царицына из кустов над дорогой наблюдает за развитием событий. Появись Шлепень без «сопровождения», она сразу вмешалась бы, объяснив, в чем дело. И покатила бы на вашу «фазенду». Но дело в том, что Лариса поспешила! Она пришла к скале ну, скажем, без пяти одиннадцать. Царицына тащила за ней по кустам. Когда убийцы схватили Ларису и уволокли под скалу, раздосадованная Царицына возвратилась в город. Стало понятно — Шлепень появится под почетным конвоем. Но убийцы уже торжествуют, они сообщают по рации: девица в желтом парео у них в руках! Поэтому за Шлепением почти не следят. Он появляется ровно в одиннадцать, прячет джип в кустах, крадется к скале. Он весь на взводе. Спустя минуты из лабиринтов камней вырисовывается некая Косичкина, достает желтое парео... Возбужденный Шлепень подгоняет джип к дороге, стремительно летит вниз... Дальнейшее вы представляете.

— Черт, — щелкнул пальцами Рокот, — а ведь я не ошибся в вас. Вы далеко не промах... Неужели меня настолько безнадежно обложили?

— Полагаю, да, — с видом профессионала произнесла я. — Вашему положению не позавидуешь. Примите мои соболезнования.

— А есть какой-то выход? — пробормотал он. То ли сам с собой разговаривал, то ли у меня спрашивал совета. Странное дело, авторитетнейший человек в округе консультируется с заезжей писательницей по поводу расправы с конкурентами. Расскажи об этом моей маме — во как обрадуется. «Лучше б ты, дочь, аистенка в клюве принесла», — сказала бы моя мама и была бы права.

— Выход есть всегда, Иван Валерьянович, — мудро заметила я. — В том числе последний, аварийный. Но прежде чем им воспользоваться, я бы посоветовала вам определить, кто из ваших соратников по оружию, как вы тонко подметили, сука... Может быть, еще не поздно?

Он залпом влил в себя содержимое своего бокала и надолго задумался. Я сочла неэтичным прерывать полет мысли такого важного человека. Сидела молча, с трудом сдерживая зевок.

— Кто из живущих поблизости женщин может оказаться Царицыной? — Он понизил голос и как-то воровато покосился по сторонам.

— Понятия не имею. Практически любая. Я не задумывалась.

— А вы задумайтесь. И вот что еще, — Рокот нехотя поднялся, потянулся, хрустнув суставами, — я хочу познакомить вас с людьми, знавшими о записке. Их всего двое — Молич и Березниченко. Полагаю, с кем-то из них нечисто...

— А вы их убейте, — посоветовала я, — и все проблемы разом...

— Это выход, — рассмеялся Рокот. — Но мы же не тупые мафиози, Лидия Сергеевна. Срубите у дерева вершину — и оно начнет расти вширь. Увы, этот метод в данном случае не

годится. Давайте оставаться в правовом поле, это эффективнее. Я сведу вас с этими людьми. Присмотритесь, поговорите.

Вы же пишете детективные романы? Вот и считайте мою просьбу постановкой задачи. Кому, как не вам, быть хорошим физиономистом и психологом... Один из них предатель, а значит, он напуган, верно? Или оба? Видите, как все интересно. Не отказывайтесь, Лидия Сергеевна, вам ведь не в камере с преступниками общаться. Обстановку обещаю самую располагающую: море, яхта... м-м, вояж с видом на Жемчужное... (Он чуть не сказал «женщины» после «яхта», отметила я.) Вот и славно, что вы не возражаете. Завтра с вами свяжутся. Доброй ночи. А пока вас будут охранять. Ненавязчиво.

Он на цыпочках пересек комнату и растворился в сумрачном пространстве. Словно не в дверь вышел, а через стену... Я ощутила две взаимоисключающие вещи: глубокое облегчение и страшную незащищенность. Точнее говоря, сперва я ощутила одно, а затем другое.

Глава пятая

Это была не самая страшная ночь в моей жизни. Случались и похлеще. Но одна из страшных — совершенно точно. Я не мучилась кошмарами — просто просыпалась через каждые полчаса, смотрела в потолок и обливалась слезами. Духота была невероятная, но открыть окно я не решалась. Утром встала совершенно разбитая и с больной головой, ноги меня не держали. На часах половина восьмого, но сна нив одном глазу. Бросив в стирку полотенце, испачканное в земле, с налипшими травинками, я приняла душ, оделась так, чтобы выглядеть невзрачно...

Округа еще спала, когда я вышла на крыльцо. Никого. Почти. Лишь один тип околачивался под кустом жасмина, ковыряя в земле ботинком. Заприметив меня, небрежно кивнул, сунул руки в брюки и скрылся за увитой вьюном оградой. Дабы не смущать. Такие они ненавязчивые.

Бежать с вещами я вряд ли смогу. Люди Рокота водворят обратно. Бежать без вещей? Эта мысль показалась мне забавной. Бросить сумочку через плечо (не забыть про баксы под обоями!), уйти в город, а там схватить такси побыстрее — и мчаться в Симферополь... Могут догнать. Могут без резких телодвижений позвонить в Симферополь, а там местные «смежники» без усилий перехватят беглянку. Тогда испортятся отношения с Рокотом, и мне станет совсем тоскливо. Нельзя забывать про людей в «фанто-масках».

Но мысль все равно забавная.

Я бродила вокруг бунгало, размышляя о роли нелепых совпадений в нашей жизни. Обошла террасу на западной окраине дома (Костюковичи с варениками еще не дозрели), осмотрела место ночного побоища — кусты не слишком пострадали, но трава изрядно примята, и на травинках чернеют капли сохлой крови...

Я прошла мимо окна Риты — занавеска задернута, но само окно распахнуто: чего ей бояться? Опять вышла к крыльцу, постояла у разбитых столбов, подпирающих балкон, побрела далее. Снова северная сторона, раскрытое окно Сони Зыряновой (а ей чего бояться?), мусорка в дальнем краю крохотного садика: небольшой жестяной контейнер, перевернутый бродячей собакой. Эта шавка активно рылась в помойке. Хвост вилял, как пропеллер, ошметки мусора летели в разные стороны. Какие-то цветастые пакеты из-под молока, вакуумные обертки, разовая посуда. Вата из старинного матраса, тряпки: серые, желтые... Я неспешно побрела дальше, к террасе. Так и буду ходить кругами, пока голова не закружится...

Внезапно в голове что-то звякнуло. Я остановилась. Минуту постояла, погадала над природой звоночка и вернулась-таки обратно — на северную сторону бунгало. Терпеливо дождалась, пока собака найдет что-нибудь для себя. Она не задержала меня. Вытянула с самого дна нераспечатанную упаковку протухших котлет, перехватила поудобнее и убежала. Поколебавшись, я подошла к развороченной помойке. Подняла с земли обломок штапика с торчащими гвоздями, присела на корточки и стала увлеченно рыться в контейнере. Желтая скомканная тряпка, на которую я обратила внимание, наружу не вылетела — зацепилась за что-то. Такое ощущение, что ее старательно запихивали на самое дно. Я проткнула ее гвоздем, потащила на себя. С небольшим усилием извлекла, расправила на земле. Это был кусок простроченной желтой материи с единственной желтой пуговицей и петелькой для нее же. Такой тканевый отрез, не зная сущности предмета, можно запросто принять за

легкомысленную юбку. Но это не юбка. Это женская пляжная принадлежность под испанским названием парео. И именно желтая...

Я остолбенело смотрела на находку. Голова помаленьку начала работать, но, чем быстрее крутились мысли, тем страшнее мне становилось. Мое парео было нежно-лимонного цвета (я сама его выбирала, из пяти оттенков), на мертвой Ларисе оно казалось еще светлее, еще нежнее... а то, что я нашла, было ярким, насыщенным, какого-то ядовитого цвета. Как отравка. Однако, как ни крути, краска входила в желтую палитру...

Я сунула его обратно, замаскировав какой-то серой фланелью. После чего встала, оглянулась на бунгало — никого. В кустах уже просыпались цикады, на деревьях чирикали птицы. В окне Сони Зыряновой все оставалось по-старому: никакого шевеления. Правее никто не жил — единственная пустующая комната в бунгало. Впрочем, и на втором этаже на северной стороне уже не было Ларисы Куценко. Окна закрыты, шторы задернуты.

Чета Костюковичей сидела на нижней террасе и чинно пила утренний чай без цвета и теина. Пыль грузинских дорог. Я поднялась на цыпочки, развела плющ и уперла подбородок в перила.

— Доброе утро, — проклацала я.

Они испугались, дружно пролили чай и стали вертеть головами. А когда меня увидели, очень обрадовались.

— Здравствуй, Лидочка, — сказали те дружно.

— Можно у вас спросить?.. — проклацала я.

— Можно, можно, Лидочка, — еще больше обрадовался Костюкович, ставя блюдечко с чашечкой на стол. — Но там тебе, наверное, неудобно. Ты обойди домик, зайди к нам, не бойся.

Я так и сделала. Обошла в десятый раз бунгало и изнутри проникла на террасу. Какие милые эти люди. Они так трогательно совершали церемонию чаепития с печенюшками в розочку, что мне стало неудобно их отвлекать. Только извращенец примет эту степенную пару за флагеллантов. И не нужно обладать прибором ночного слышания, чтобы понять, как тихо и покойно по ночам в их спальне.

— Спроси, Лидочка, спроси... — поощрила меня мадам Костюкович.

— Вы ничего не слышали ночью?

— Слышали, — быстро откликнулся Костюкович. — Море очень беспокойное было.

— А к утру утихло, — подхватила супруга. — Посмотри, Лидочка, какое оно нынче тихое.

Я посмотрела. Действительно тихое. Словно утюгом разгладили.

— А вы не знаете, откуда у Ларисы было желтое парео? — спросила я. — Юбка такая пляжная. С собой привезла? Или здесь купила? Оказалось, у нас юбки почти одного цвета.

Они помолчали, удивленные вопросом. Пока они безмолвствовали, я успела заметить, что супругов от наготы скрывают совершенно одинаковые халаты с розовой оторочкой и вышитыми теннисными ракетками. И даже размер одинаков. Интересно, как различают?

— Ах да, — вспомнила супруга, — Лариса с завтрака пришла вся такая взвинченная, и прыгала, и кружилась... Купаться не пошла, сказала, что ей в магазин надо, унеслась, а потом принесла что-то желтое, развернула и сказала, что купила...

— А я сказал, что очень миленько, — вспомнил, погладив бородавку на носу, Костюкович. — Правда, я даже не понял, что это такое.

— Она прям просияла, сказала, что мы души, и умчалась в комнату примерять, — добавила супруга Костюковича.

— Спасибо... — ошеломленно пробормотала я.

Ее и вправду подставили. Кто это сделал, вряд ли мы узнаем.

Я бродила по двору растрепанная, голодная, с распухшей головой и пыталась из разрозненных стекляшек восстановить мозаику. Контакттировать Лариса могла с кем угодно и где угодно, никто за ней не следил. Но находка в мусорном баке недвусмысленно очерчивала эпицентр злодейства — бунгало! Если двух совпадений с желтым парео быть не может, то с тремя и подавно. Идея привлечь Ларису осенила Царицыну не сразу. Она хотела явиться на встречу, даже располагала этим желтым парео, будь оно неладно, но затем передумала. Осторожная. После гибели Ларисы она решила избавиться от компрометирующей улики (кругом враги, не следует забывать), но сделала это довольно неуклюже. Женщина есть женщина, в том ее и загадка, что даже изощренный ум временами отказывает. Нет сомнений, что желтую юбку зарыл в помойку кто-то из обитателей бунгало. Вряд ли посторонний мог сделать это. Не зайдет посторонний за ограду серенького домика, чтобы искать в глубине садика контейнер. Кто же? Костюковичи из Полтавы? Снова вздор. Рита Лесницкая из Москвы? Соня Зырянова с Урала? Обе прибыли одиннадцатого числа, обе умны, сообразительны и склонны к авантюрным поступкам.

Итак, к девяти часам утра я определилась — есть две главные подозреваемые. Кто из них главнее, покажет время.

Определив персоналии, я вспомнила, что скоро мои фигурантки потянутся из своих нор. Встретаться с ними мне пока не хотелось.

Я вышла за ограду и расположилась на лавочке под пирамидальным тополем. Вряд ли дамы из бунгало обратят внимание, что где-то далеко, в тени «зеленки», сидит человек. А я их всех увижу.

Первой удалилась Соня. Позевала на крыльце, заправила майку в шорты и, громко хлопая сабо, поволоклась в столовую. Спустя несколько минут вышла Рита. Эту особу еда никогда особенно не занимала. Помахивая пляжными причиндалами, она свернула за угол и направилась к лестнице. Очень правильный поступок. Женщина без еды всегда проживет. Может солнцем питаться. А уж если совсем засосет под ложечкой, можно подкрепиться и на пляже: там давно налажен прокорм отдыхающих.

Почему я медлила? Что мешало мне собраться с духом, подойти к людям Рокота (они мелькали периодически, я просто не обращала на них внимания) и договориться о встрече с «главнокомандующим», не дожидаясь вечера? Предъявить ему обеих соседок и предложить: силъ ву пле, месье, выбирайте любую. Одна из них — непременно ваша. А от меня отстаньте, ради бога, раз и навсегда...

Наверное, чувство самосохранения меня останавливало. Ну выберет Рокот свою, унесет в «Соколиное гнездо», отстанет от меня, но ведь где-то бродят люди, пытавшиеся меня похитить? Они войдут в бунгало, бросят меня через плечо и благополучно выйдут. Я, конечно, смогу им объяснить, что да как, но станет ли от этого принципиально легче? Лариса, наверное, доходчиво объясняла. Легче ей не стало.

Я ужасно хотела домой. Не раздумывая, отдала бы все свои сбережения за обоями, чтобы увидеть маму, Варюшу с синей коленкой, Вереста-подлеца. Даже Броньку Хатынскую, поносящую все на свете... Чертова Бронька! Это все из-за нее! Отправила на смерть и радуется там в Сибири! Обещала приехать — и не едет!..

Тут у калитки засигналила машина. Опять, наверное, лох из Трускавца заблудился. Я даже голову не подняла, чтобы сказать «не знаю». Машина просигналила второй раз.

— Вы не подскажите, где здесь море? — осведомился знакомый голос.

Меня аж в пот бросило. Но виду не подала — медленно подняла голову и увидела, что на дороге стоит «ниссан-кефира» цвета серебра. За рулем в розовой шляпке и розовых очках восседала Бронислава Хатынская и ослепительно мне улыбалась.

— Ты гнала «кефир» из Сибири? — ахнула я.

— Это другой «кефир», — объяснила Бронька. — Он просто немного похож на старый. Я гнала его из Курска — восемьсот семьдесят четыре километра. До Симферополя. И стс сюда.

— Совсем рядом. Тебе нужны два «кефира»?

— Ну не знаю, — сказала Бронька, эффектно выплывая из машины. — Этот поновее, и у него есть ряд преимуществ перед старым. Я говорила тебе, что у меня новый спонсор? Ах да, говорила. Он позвонил «чисто корешам» в Курск, откуда сам, или сидел там, не помню, обязал приготовить машину к четырнадцатому числу, ну и все документы соответственно. Мировые парни, Лидок. Эскортировали меня аж до самой таможни в Белгороде. Дальше, правда, не смогли — они в розыске на территории незалежной...

Помимо розовых очков на лбу и шляпки, на ней был розовый костюм из бутика «Александр» и того же цвета босоножки с копытцами. Излишне говорить, что от Броньки обильно исходил какой-то пугающий розовый аромат.

— Ты сменила вкус и цвет? — насторожилась я.

— Нет, это цветомаскировка. Чтобы мужики раньше времени не западали.

Мы обнялись со всей пылкостью, на которую способны две сибирячки. «Пасущий» меня молодой человек, напрочь слившийся с оградой, озадаченно почесал складчатый затылок. «Так еще охранять откажутся», — мелькнула мысль.

— А я только что о тебе подумала, — краснея, призналась я.

— О том, какая я умница, что организовала тебе турне в Крым? Да полно, подруга, не надо благодарности... Слушай, а почему ты такая лохматая? Не проспалась, поди? А ну давай мигом расчешись, приоденься, и поедем куда-нибудь, по мороженому вдарим...

Так уж водится, что любое явление Броньки напоминает цирковой прикол. Хоть стой, хоть падай. И нет уж сил и охоты дуться на нее за испорченное лето...

Мы сидели в уютном кафе «Арена» на Береговой, где скалы каскадами уходили в море, а площадка заведения почти висела над обрывом. Ажурные решетки оплетал виноград. Благоухающие альпинарии вздымались амфитеатром, играл инструментальный рок, салфетки были чистые, а официанты опрятные. Бронька трещала без передышки. Я ушла с головой в ее болтовню и на какие-то минуты забыла о своих неурядицах. Словно истинная Маша с «Уралмаша», Хатынская отправилась в долгое путешествие, не имея при себе нового российского паспорта. А в старом, серпастом, даже штампа о гражданстве не было. Ну не в курсе наша девушка, что эти вещи необходимы. По старинке живет.

— И тебя пропустили? — недоверчиво поинтересовалась я.

— Ну, конечно, — удивилась Бронька, — а с кем ты разговариваешь? Я же не чужая, в конце концов. На российской таможне было очень весело, брателлы, что меня эскортировали, пошутили с погранцами, чего-то им дали, меня вообще без очереди выгнали. На хохлацкой, правда, какой-то солдатик не пускал, дурачок, грудью встал. Деньги из меня,

глупый, тряс, но это же полный сюр, согласишься? Пришлось идти жаловаться на солдатику — дескать, что за самодурство вы тут позволяете подчиненным?.. Ну ничего, разобрались, счастливого пути пожелали. У них там фараон с такими красивыми усами — я обещала, что на обратном пути непременно... А на въезде в Крым, представляешь, пост стоит. Будка. Экологический контроль. А это что за хреновина? — спрашиваю. По-русски, заметь, спрашиваю. А он мне давай по-хохлацки погибать. Издевается, подлец! Я ни звука не поняла. А он лыбится внаглую, мол, выкручивайся, тетка, как знаешь. Гостеприимно, да? Я ему говорю: да ты хоть по-английски намекни, что за градусник ты мне там в выхлопную трубу суешь? «Та як же», — говорит. Потом подумал, рукой машет: «А, это самое, — говорит, — предельная концентрация двуокиси углерода». Чисто по-нашему. Ахты, гад, говорю. Что ж ты, подлец, по-хохлацки четыре слова вызубрить не смог? «Не-а, — говорит, — трудно...»

— Пришлось дать? — хохотала я.

— Пришлось дать... — согласилась Бронька. — С двуокисью там все нормально было, я по глазам его голодным поняла. А время, знаешь, уже позднее, машин не густо, чего, думаю, человека мучить. Можно было, конечно, поорать вволю и этот «талон чистоты» ему на лоб прибить, да ладно, думаю, живи — Крым-то вот он, под солнышком заходящим, переживу...

— Ты в машине провела ночь? — изумилась я.

— Да ты бздынькнулась, — постучала Бронька кулаком по макушке, — я как вдарила по степи — через Джанкой, Симферополь, к ночи уже в Жемчужном была, у Лешки Кольцова...

— Ты не говорила, что Лешка живет в Жемчужном! — Я почувствовала в груди укол ревности. Лешка Кольцов был нашим одноклассником. Он исчез из поля зрения лет тринадцать тому назад, с тех пор о нем ни слуху ни духу, а ведь когда-то дарил мне цветы, объяснялся в любви и даже планы строил на совместное проживание.

— Н-да? — Бронька слизнула с ложки имбирный колобок и задумалась. — Ну, значит, забыла. Ты посуди сама, Лидочек, как бы, находясь в Сибири, я сняла тебе бунгало в Крыму? Я что, олигарх? Это Лешка расстарался. У него денег нет, но есть телефонные знакомства, он ведь всему городу машины отрихтовал, его тут любая сволочь знает.

Нет, положительно, наша Броня классическая сукина дочь. Меня, значит, в бунгало (какое бранное слово!), а сама со всеми удобствами — к Лешке под бочок.

— Он в самом конце Жемчужного живет, — продолжала бухтеть подруга. — В районе старых развалюх на Топтунова. У него свой дом, большущий, но запущенный страшно, от родителей остался, руки до хозяйства не доходят, а жене в тягость, у нее якобы принципы. Ты помнишь, как Леха от армии косил? Классика жанра. Три года за ним, язвенником, лопухи в погонах носились, а когда обложили окончательно, он и рванул с тоски в Крым — от ужасов подальше... Слушай, Лидуня, а что я все о себе да о себе? У тебя-то как дела, расскажи. Ты какая-то нервная стала, а вроде должна наоборот...

Настал мой черед делиться сокровенным. Я рассказала ей практически все, исключив лишь некоторые моменты, выставляющие меня в дурном свете. Я знаю, что на Броньку можно положиться: она болтает лишь там, где это позволительно, а что касается тайны близкого человека, Бронька — могила.

То, что я ей рассказала, произвело на Броньку впечатление. Она отодвинула третью по счету вазочку с мороженым и принялась меня разглядывать, словно жирафа в Норильском зоопарке.

— Вот это да! — восхитилась она. — А ты большого риска человек, Лидуня. Не устак удивляться. Объясни, почему такое происходит? В любом месте, где появляешься ты, мир

начинает взрываться и лететь ко всем чертям! Самое интересное, что ты всегда остаешься живой, а вокруг тебя громоздятся горы трупов. Это нечестно, Лидок.

Такого удара от близкого человека я не ожидала. Так вот кто, оказывается, виноват во всех моих несчастьях! Я сама! А кто посоветовал мне купить это долбаное парео!

Но вместо слов упрека я лишь беспомощно всплеснула руками:

— Опомнись, Бронька, погибла лишь одна женщина! Какие горы?

— А ты уже уезжаешь? — парировала Бронька.

Я молчала, разобидевшись не на шутку. Заметив это, Бронька попыталась поменять тональность и смысл диалога:

— Ты просто приукрасила. С фантазерами это бывает. Это последствия стресса, Лидочек. Ты склонна все преувеличивать. Скажи лучше, ты хоть с кем-нибудь познакомилась в мое отсутствие?.. А почему? Нет, я не могу выносить такое безответственное отношение к благородному делу блуда. Тебя пичкают лучшими южными лекарствами, а ты продолжаешь шизовать и переживать наяву литературные сюжеты. Я должна срочно взяться за твое здоровье, иначе твоя мама будет иметь ко мне претензии.

— Оглянись тихонечко назад, — вздохнула я, — у кафе стоит «рено-меган» серо-стального цвета. Внутри двое характерных ребят. Еще один характерный сидит с банкой колы у стойки бара и пристально смотрит на твою шляпку. Прикидывает, как она будет выглядеть в прорези прицела. Не хотела тебе этого говорить, но ты сама напросилась, извини.

Бронька начала фыркать, а потом съежилась. Потом опять фыркнула и повертела, как сова, головой (ничего себе — «потихонечку»). Подумав на заданную тему, сделала вынужденное допущение:

— Ты права, Лидочек, это очень бескомпромиссные парни. Ты у нас превращаешься в охраняемое лицо, поздравляю. А я и не говорила, будто ты сочинила эту историю от начала до конца. Но в основной части ты малость перегнула, не бывает такой «удачи».

Она погрузилась в дальнейшие размышления. Я гоняла по вазочке кокосовые колобки и исподтишка наблюдала за наружкой. Шатен в «бойцовой» майке швырнул пустую банку в корзину. Она пролетела приличное расстояние и приземлилась там, где надо. Он даже не следил за ее полетом — был уверен в попадании. Мазнул по мне равнодушным глазом, взял у бармена вторую банку и вновь устался на Бронькин головной убор.

— Смотрит? — тихо спросила Бронька.

— Еще как! — подтвердила я. — Ты начинаешь пользоваться успехом.

— Я всегда пользуюсь успехом. Подчас бешеным. Слушай меня внимательно, девочка. — Натянув шляпку на глаза, Бронька обрела заговорщицкий вид и как-то вся сгруппировалась. — Твоя природная шизоидность передается и мне. Я против! Не за тем волоклась через полглобуса. Сейчас мы сбрасываем с хвоста этих топтунов и едем отдыхать. Ни слова о худом, усвоила? Кафе, рестораны, фигли-мигли. Ну и, конечно, магазины. Затем мы вместе едем к Лешке и кормим его ужином — он голодный. Если останется время и силы — прогуляемся до казино и мужского стриптиза. Тяжело, согласна... А кто сказал, что будет легко?..

Уверенность подруги передалась и мне. Просто захлестнула. Правда, на очень короткое время. С каменной решимостью на лице мы прошествовали паровозиком мимо шатена. Тот немедленно отвалил от стойки и пристроился нам в затылок — прицепным вагоном. Такой вереницей мы и вывалили из кафе. Двое в «рено» напряглись. Хлопнула дверца — шатен

присоединился к коллегам.

— Ничему не удивляйся, — заявила Бронька, загружая в «кефир» свой тяжеловатый фюзеляж. — И следи за дорогой, будешь штурманом.

Так называемая площадка для парковки располагалась на вершине бугра. Для подъезда к «Арене» нам пришлось подняться по узкой, мощенной булыжником улочке, застроенной старинными домами. И приклеиться к самой стенке — иначе другие машины просто не протиснулись бы. То же самое проделал и «рено», встав метрах в пяти перед нами.

Развернуться на этом крохотном пятачке было невозможно. Только съезжать дальше, мимо строений с живописными разводами плесени на стенах. Но что для Броньки невозможное?

— Не вздумай разворачиваться, — испуганно предупредила я. — На этой улочке одностороннее движение.

— Ну я же не обезьяна, севшая за руль, — обиделась Бронька. — Как я развернусь в этой щели? Никаких разворотов, подруга.

Но что-то она задумала. Не зря надвинула на глаза очки и сжала губы.

Бронька завела мотор и пропустила надсадно переваливший бугор «Москвич». Медленно стала выруливать на середину улочки. Сидящие в «рено» терпеливо ждали, пока мы проедем, чтобы пристроиться в хвост.

— Никого сзади? — поинтересовалась Бронька.

Я оглянулась:

— Никого.

Круто падающая улочка была пуста. Далеко внизу виднелась узкая арка в стене дома. В просвете мелькали машины на оживленной Береговой.

— Ну тогда с Богом! — решительно произнесла Хатынская.

Мы уже поравнялись с «рено». Все трое дружно повернули головы в нашу сторону. Водила похотливо подмигнул. Остальные, видимо, были импотентами. Тут Бронька и врубила заднюю! Да еще педаль выжала до упора! Я не успела толком завизжать, а мы уже неслись вниз — задним ходом. Каких-то туристов с рюкзаками едва не сплющило по стеночке. Меня затрясло как в ознобе — ну не приспособлен булыжник для скоростных гонок! Замелькали дома, окна, двери, подвальные зарешеченные оконца... Все быстрее, быстрее... Ужас!..

— Остановись! — верещала я. — Разобьемся!..

— А ты глаза закрой! — прокричала Бронька. — Как я!..

Мы неслись опрометью, как в пропасть... Каким-то чудом ей удавалось держать направление. Никого не сбили и даже не сместились за границы бордюра. Но арка была такая крохотная, как игольное ушко.

— Тормози-и! — крикнула я.

— А смысл? — нашла время удивиться Бронька. — Что нам это даст?

Я еще видела, как далеко на бугре изумленные качки распахнули дверцы «рено». Повторить смертельный номер у водилы мужества не хватило. И больше ничего не видела! Мы влетели в арочный тоннель в сантиметре от стены. Навалилась темнота. Я зажмурила глаза и даже закрыла их ладонями.

— А вот теперь как повезет... — философски заметила Бронька. — Все, как говорится, в руках Господа...

Мы вылетели на яркий солнечный свет: он ударил даже сквозь веки и ладони. Бронька

резко дала по тормозам, вывернула руль. Машина сделала сложный гоночный пируэт и остановилась. Я открыла глаза. На нас летела разболтанная иномарка без тормозов. Водитель вопил от страха. В последний миг ему удалось уйти с линии — потерявшая управление машина полетела на лоток, где пацан-коммерсант торговал лакированными ракушками. Пацан оказался расторопным: нырнул ласточкой вбок за секунду до того, как иномарка разметала дары моря. По счастью, она проволокла лоток метра два и остановилась, не причинив серьезных разрушений.

— Ах ты, лох непуганый, — ласково пожурела Бронька неопытного водителя. — Ну кто же так ездит?.. — Она сорвалась с места, точно торпеда, и через пару секунд мы влетели в соседний переулок, затем выскочили в другой, третий и только в четвертом, где нас еще никто не знал, остановились.

— Разве это не круто, Лидок? — повернула она ко мне улыбающуюся мордашу. — Теперь мы совсем одни. Согласись, ради таких моментов стоит жить.

— Ради таких моментов стоит даже умереть, — пробормотала я, толчками приходяв себя.

— Да не устраивай ты сцен, — отмахнулась подруга. — Подумаешь, проветрились. Я в аварию-то попадала всего один раз. Летом. Давно это было, уж не вспомнить. По насыпи ехала, в сельской местности, а навстречу трактор открытого типа, а за рулем тракторист — ну вылитый Дионис, по тазовые косточки обнаженный... Я засмотрелась ну и чего-то там проглядела, полетела с откоса — и кубарем в стог сена... Так этот тракторист, он ко мне подбежал, из машины вынул, помощь оказал, мы с ним еще дважды в этом стогу встречались или трижды, не упомню уж, слаба я к старости стала памятью, Лидочек...

Я не стала говорить, что напрасно она так рисковала. Городок маленький. И «кефиров» в нем — раз-два — и обчелся. А ГАИ (в смысле ДАИ — шикарная аббревиатура!) — у Рокота в кармане. Не пройдет и получаса, как крутая иномарка снова приткнется нам в хвост. Лично я ничего против не имею. Пусть лучше люди Рокота нас «пасут», чем их таинственные оппоненты в масках.

Но Бронька ни о чем не догадывалась. Она лучилась счастьем. Мы тащились какими-то колдобистыми переулками, мимо глиняных мазанок, мимо понурых контуров строений — то ли недоломанных, то ли недостроенных.

— Знаешь, подруга, ты будь за штурмана, — заявила Бронька. — Я этом городке еще не вполне ориентируюсь. Мне Лешка обрисовал в трех словах, но я, по правде, не поняла. Где тут главные памятные места?

— Везде. Прямо ползи. Все дороги ведут на Народную. Расскажи мне о Лешке.

— А что тут рассказывать, — Бронька сбросила скорость, переползая через какой-то противотанковый ров, — ты отшила его еще в школе, помнишь?

— Я помню. Он настойчиво предлагал мне руку и сердце, а взамен просил немного удовольствия — всего лишь одну часть моего тела. Чуть в стороне от руки и сердца. А я была девушка порядочная.

— Он очень переживал. И потому в двадцать лет женился — назло одной особе с косичками.

— Ну и дурак...

— Причем конченный. Увлекался техникой, а поступил на исторический. Неделю отучился, запил. Трудился в автосервисе, фарцевал, попутно от военкомата бегал. Три года

бегал, представляешь? С двумя язвами в желудке и врожденным пороком сердца. Какая армия? В девяностом его наконец отыскали, обложили, как медведя. Ночью звонят в дверь, он не будь дурак — открывает. В трусах. На пороге прапор, четыре мента и вся мощь закона. Кольцов, говорят, Леонид батькович — это вы будете? Будьте добры следовать за нами. В Морфлот. Повезло, что тупые попались. А у Лехи в припадке ужаса голова заработала. Жена из спальни выглядывает, он уставился на нее замороженным взглядом и произнес гениальную фразу: «Наташа, а как твоего мужа зовут?» Красиво, согласишься. Жена, не врубившись, отвечает, причем сермяжную правду: «Лешей зовут, милый»... Ну те пятеро и прибалдели. Репы почесали, извинились, ушли. Той же ночью Лешка и вспомнил про дом отца в Крыму. Купил билет, спихнул корешам технику — и на вокзал бегом, навстречу новой жизни... Жена, правда, отказалась ехать. Ничего, он тут новой обзавелся, ребеночка сделал, язва за год заросла. А потом случился развал Союза, нищета, безработица, все такое. Словом, сейчас, при золотых руках, перебивается случайными заработками и чахнет над рваной гривной.

— А семья?

Бронька покорежилась, как от зубной боли.

— Я одно тебе скажу, Лидок: она не обрадовалась моему приезду. Лешка обрадовался, а эти — ни в какую. Может, из-за того, что я ночью приехала, как думаешь?.. Абсолютно всё против меня — жена, собака, сортир на задворках. Дите какое-то трудное... Ты Вовочку Фокина по моей площадке помнишь? «А как, Вовочка, «Ваня» по-взрослому?» — «Иван». — «Правильно, Вовочка. А Толя?» — «Толя-ян». Причем дети-то ни в чем не виноваты, Лидок. Это их матери-бездельницы виноваты — ни хрена делать не хотят, и дети у них олигофренами растут...

За такие слова я бы Броньку по стене размазала. Моя Варюша тоже в этом году отличилась. Я в качестве теста на эрудицию поинтересовалась у нее, кто такой ефрейтор. «Ну ты, мать, и ту-ундра, — протянула Варюша, — заруби на носу: ефрейтор — это тот, кто играет на ефрейте...» Я не нашлась, что сказать. А мама ехидно заметила: «Тебе хоть стыдно за себя и дылду свою тринадцатилетнюю?»

Мы неплохо провели с Бронькой этот день. Запарковав машину, мы бродили по людной Народной. Эта улица в светлое время суток совсем не такая, как в ночное. На ней меньше порока. Мы шатались по многочисленным сувенирным лавкам. Бронька накупила бус из здешних членистоногих — так визжала от восторга, что прохожие озирались. Никогда не думала, что ей нравятся пауки. Приняли участие в местном «лохотроне» — я еле оттащила ее от барабана с «призами». Позаигрывали с российскими морячками — их из Севастополя доставляют, на солнышке погреться.

Между прочим, достойнейшая публика. Не хочу обижать их украинских коллег, но наши выглядят опрятнее, у них фуражки не мятые, почти все симпатичные и почти не грубят.

Мы прогулялись мимо кошмарного «Шинка», казавшегося в дневное время совсем безобидным. «Как жалко, что меня с вами не было, — расстроилась Бронька, услышав про наш с девушками «пробег». — Я свою державу не люблю, конечно, подобающей дочерней любовью, я полячка, пся крев, но уважаю сильно и любой крашеной профуре за нее морду раскорябаю».

У заведения «Баламут», обозначенного как ресторан, Бронька встала. Мы зашли внутрь. Через час вышли, голодные и облегченные на сто гривен.

— Потрясающе, — ошарашенно бормотала Бронька, — а где же телятина с грибами? А

курица по-провансальски? Слушай, а что это такое за двадцать гривен лежало в тарелке, маленькое и в тесте? Я вот тесто раскутала, а остальное как-то в желудок скользнуло...

— Это мясо рапана. Его на Береговой уличные торговцы продают. Без теста, и порция приличная. Гривны две или три — красная цена.

— Но мы же гуляем, — оправдалась перед собой Бронька, укоризненно посмотрев на меня. — Мы деньги проматываем. Чего нам жопиться-то из-за такой ерунды?

— Конечно, — кивнула я. — Гулять надо ширше.

От пуза мы налопались в демократичном, многолюдном и мерно качающемся на волнах кафетерии неподалеку от парка водных аттракционов. Там были и курица, и телятина с грибами... Вышли мы оттуда в состоянии серьезной качки, но довольные.

— Сыне-еньке... — благодушно протянула Бронька, показывая пальцем на море. Ослепительное солнце, растворенное в знойном мареве, рассыпало по воде мириады блесков.

Небо и вода были одинаковы по цвету, смыкались на горизонте. Даже в трезвом виде трудно разобрать, где вода, где небо. Белыми пушинками мелькали чайки.

— На аттракционы не пойдем, — заявила я. — Утонем, на фиг. За утонувших в состоянии алкогольного опьянения администрация ответственности не несет.

— Логично, — согласилась Бронька. — Тогда в горы поедем. На Ай-Петри. Дашь простор!..

— Заметано, — поддержала я. — Где тут автобус?

— Автобус? — удивилась Бронька. — У меня машина под задницей. Пойдем искать.

— Тебе нельзя за руль. Мы пили чего-то.

— А я осторожно, — икнула Бронька. — Они не догадаются.

— Ну хорошо, — согласилась я, — но только осторожно.

К сожалению, прекрасную возможность свалиться с Ай-Петри мы упустили. Где-то между рестораном «Баламут» и местом предполагаемой парковки «кефира» Бронька узрела вывеску «Переговорный пункт».

— Стоп! — схватила она меня за локоть. — Чертов склероз! У тебя совесть есть, Косичкина? Твоя мама наказала хорошенько тебе наподдавать. Ты ни разу не позвонила с пятого числа! Бесстыжая! А ну живо к аппарату и говори ей столько ласковых слов, сколько сможешь вспомнить...

— Здравствуй, мамочка, — произнесла я не очень твердым голосом. — Вот и я... Как вам там отдыхается?

— Не верю своим ушам... — Мама облегченно вздохнула. — Дочь, я прошу тебя, не надо издеваться. Ты нарочно не взяла сотовый, чтобы мы не смогли тебя найти. В каком качестве ты теперь предстанешь перед нами?

— В качестве семейного уroda, — хрюкнула подслушивающая Бронька.

— Кто это рядом с тобой? — спросила мама голосом классной дамы.

— Это Хатынская, мама. Она подслушивает...

— Слава богу. Теперь, надеюсь, ты станешь благоразумнее. Чем ты там занимаешься?

— Ой, мама, я так здорово отдыхаю...

— Расскажи это моей бабушке, — фыркнула Бронька. — Отдыхает она. Хоть бы тест на беременность взяла. Ладно, нищета, я с тобой поделюсь, у меня этого добра...

— Что она там говорит? — напряглась мама.

— Она говорит, как здесь все здорово! — проорала я. — Море волшебное, погода — класс! Живу в отличном номере — почти люкс, с кондиционером! Здесь такой сервис, мама, обалдеть можно!

— Сплошные понты, — оживилась Бронька. — Это море древние эллины так и прозвали: Понт Эвксинский — море гостеприимное.

— Да что она там бухтит? — начала раздражаться мама.

— Она очень жалеет, что ты не смогла поехать с нами, уж больно море ласковое! — Я сунула кулак под хихикающую физиономию подруги. — Словом, у меня все в порядке, мама! А у вас как дела? Что с Варюшей?

Мама вызывающе помедлила:

— На троечку. Варюша гуляет на улице. Скоро будем ужинать. Если загоню.

— Берест не звонил? — притушила я громкость.

— Нет! — отрезала мама.

— Да больно ты ему нужна, — зашипела Бронька. — Что ожидать от человека, считающего, что одна жена в семье вырастает эгоисткой? Посмотри на себя в зеркало, женщина... Так, ты исполнила свой долг перед мамой? Бросай трубку — и пошли. Хотя постой, ты ведь не сказала ни одного ласкового слова!

— Кому ты не сказала ласкового слова? — насторожилась мама.

— Да она шутит, — зачастилая. — У Броньки крыша от солнца поехала, от счастья бормочет что попало. Ну все, мама, я тебе обязательно позвоню. У меня все отлично, скучаю, пока! — Я швырнула трубку и пошла в психическую на Броньку: — Послушай, ты, женщина средней молодости...

Впрочем, через пару кварталов мы помирились и даже вспомнили, куда собирались. Тут некстати запел мобильник у Броньки в сумочке.

— Тэкс... — протянула сквозь зубы Бронька. — И кто это тратит мои деньги? Говорите.

Внимательно выслушав, поцокала языком:

— Бе-едненькая... — и бросила телефон в сумочку. — Представляешь, Лидок, крупнейший сотовый оператор Украины — УМС, а цены — ну просто пиратские. Восемьдесят центов в минуту, да где это видано? За что? За воздух?

— Кто звонил? — живо поинтересовалась я.

— Лешка. Говорит, у него мышь в холодильнике повесилась. Ну, в общем-то, я догадывалась. Проголодался Лешик. — Внезапно протрезвев, Бронька посмотрела на часы: — Ого, Лидуся, уже три часа после портвейна. Отменяем Ай-Петри, в другой раз съездим Пора к Лешке.

Ищем «кефир», садимся и едем до ближайшего супермаркета — хлебушка купим...

Неплохой супермаркет «Быстроном» имелся на углу Народной и Больничного переулка. Бронька бросила машину у бордюра, игнорируя охраняемую парковку.

— Угонят, — пошутила я.

— Не угонят, — вскинулась Бронька, — мне брателлы в Курске такую начинку установили — отпад... Блок сигнализации, датчик объема, автономная сирена, блокираторы капота, двигателя, КПП и сцепления. Что-то еще, но я не помню. Отдыхай, Косичкина.

Мы бродили по маркету не менее часа. Обалдевшая от собственной щедрости Бронька загружала тележку так, словно отправлялась на месяц в поход. К каждой баночке она принохивалась, выискивала срок годности и, если он ее почему-либо не устраивал, раздражалась гневными эскападами. В итоге загрузила тележку доверху.

— Учти, — предупредила я, — украинские продукты в основном невкусные. Есть можно только сало, жареные баклажаны и вареники с картошкой. Но их готовят бабушки в отдаленных деревнях.

— Да мне плевать, пусть у Лешки желудок болит, — отмахнулась Бронька. — Втроем смолотят. Должна же я оправдаться перед его женой за ночной визит и прочие неудобства? Пойдем в мясной отдел. Купим чего покраще — и на выход.

В мясном мы отстояли долгую очередь из одного человека. Оказавшийся перед нами москвич долго не мог взять в толк, чего он хочет.

— Пересчитайте мне ребра, пожалуйста, — попросил он.

— Я бы охотно, — шепнула мне на ухо Бронька.

Замученная продавщица пересчитала. Итоговая сумма покупателя не устроила.

— Добавьте парочку.

Добавки под прилавком не нашлось. Замученная продавщица удалилась в подсобку, к холодильникам. Через минуту оттуда раздался крик, адресованный грузчику:

— Серега, держи лоток, я тебе грудь дам!

— Лидок, ты записывай, записывай, — пихнула в бок повеселевшая Бронька.

Когда дошла до нас очередь, продавщица выглядела неважно.

— Фаршика, родная, — попросила Бронька, — только не для кур, а для людей. Порозовее.

— Серега, фарша человеческого неси! — рявкнула продавщица.

— И колбаски, — икнула Бронька, — с салцем, побольше...

— Серега, три палки кинь, пожирнее!..

Словом, только через час мы выбрались из «Быстронома», давась от хохота и сгибаясь от пяти пакетов с «хлебушком».

«Кефир», естественно, угнали.

На том месте, где он стоял, лежала крохотная алая розочка.

Глава шестая

— Это невозможно! — воскликнула Бронька, опуская на землю пакеты. Прозвучало как «брависсимо»! Я даже не поняла, чего в ней было больше — расстройства или восхищения.

Я осторожно пристроила свои пакеты. Подняла розочку и протянула ее Броньке.

— Это тебе оставили. В качестве компенсации. Посмотри, какая красивая.

— Полагаешь? — Бронька недоверчиво понюхала цветок. — В самом деле, Лидуня. И пахнет приятно...

Осознать значение утраты мы не успели. Где-то совсем рядом заурчал мотор. Отчленив от шума города родные звуки, Бронька вскинула голову. Напрягла слух, брови, извилины... Не прошло и пяти секунд, как ее сбежавшая собственность грациозно вырулила из-за угла супермаркета. Сделала широкую дугу, словно «Чайка» с министром обороны у стен Кремля, и плавно остановилась у бордюра. Правая дверца приглашающе распахнулась. У Броньки аж очки рухнули со лба.

За рулем восседал лучезарно улыбающийся блондинчик в расцвете лет. В меру накачанный, в меру высоколобый. Образец идеального самца в представлении Броньки. Я нерешительно покосилась на подругу. У Хатынской, кажется, отвалилась челюсть.

— Павел, — вежливо представился блондинчик. Смотрел он исключительно на Броньку. Жадно так смотрел. А меня не замечал, словно нет меня тут. — Бывший автослесарь, ныне коммерсант. Произвожу торгово-выставочное оборудование для предприятий Волгоградской области. Окончил Волгоградский политехнический институт, музыкальную школу по классу фортепиано...

— Ни фуфа себе... — промямлила Бронька.

— А вы пешком за нами следили? — поинтересовалась я.

— Что вы, у меня «лендрровер-дефендер» за углом. — Он не отводил от Броньки восторженных глаз. — Я прошу прощения, прекрасная незнакомка, что заставил вас понервничать... — Он красиво помялся. — Я заметил вас в кафе у водных аттракционов и почему-то подумал, украдкой изучив вашу ауру, что традиционные виды знакомств вам не подходят. Вы выше этой пошлости. Простите еще раз.

— Да пожалуйста, пожалуйста... — спохватилась Бронька. — Вы очень неплохо смотрите у меня за рулем.

— Я помогу загрузить ваши вещи. — Молодой человек упруго выпрыгнул из машины, перенес наши пакеты и принялся укладывать их в багажник.

— Лечь не встать, Лидок... — пылко зашептала Бронька мне в ухо. — Ни наколок, ни цепей, ни перстня... Учет, Лидок. Беру...

— Смотри не пожалей, — завистливо бормотнула я. По всему выходило, что я остаюсь без Броньки. Уносится моя Бронька в лавину счастья...

Блондинчик захлопнул крышку багажника. Его улыбка становилась все шире и неудержимее.

— Предлагаю считать этот день за праздник первого свидания и отметить его в лучшем ресторане города.

— Не знаю такого праздника, — дерзко заявила я. — День освобождения Бастилии знаю, день Сяопина знаю...

Блондинчик как-то настороженно покосился в мою сторону. Заметил наконец...

— А мне вот ночь святого Валентина нравится, — кинулась спасти ситуацию Бронька.

— А мы вообще-то на нудистский пляж собирались, — как бы невзначай обронила я. —

Ты не помнишь, Бронислава?

— Окстись! — взорвалась Бронька. — Какой пляж! Мы к Лешке собирались — обедом его кормить!

— Вот и поехали.

— Нет, что вы, я совсем не собираюсь ломать ваши планы, — блондинчик молитвенно сложил ладони, — просто, думаю, мы могли бы с вами встретиться часиков в семь? — Новый реверанс в сторону Броньки. — Скажем, на углу Народной и м-м... Да хотя бы прямо здесь? Почему бы нет? Вы успеете закончить свои дела?

Бронислава держалась из последних сил. Ее глючило, трясло, ломало, бросало то в жар, то в холод. Она явно потеряла ко мне интерес. С одержимыми женщинами это случается. Но ехать к Лешке было необходимо. Не Павлу же презентовать пакеты с «хлебушком». Чертыхаясь, Бронька завела машину. Я угрюмо молчала. Пока ехали, она выглядела очень сосредоточенной — видимо жила предстоящим вечером. Умный парень этот Павел, оценила я. Очень трудно подобрать к Броньке ключик. А он сумел.

Бывший одноклассник обитал в частном секторе на улице Топтунова, весьма условно причисленной к городу, хотя до центра здесь было минут пятнадцать, а до моря и того ближе. Богатеи здесь не селились. Улочка была разбита, деревья понуры, а жилой сектор крайне неухожен. Мы подъехали к воротам, заваленным ржавым металлоломом. Бронька посигналила. Под оглушительный собачий лай кто-то свалился с лестницы. Завизжали петли, забренчала собачья цепь, и ворота слегка разошлись. Маневрируя между старыми карданными валами и лысыми шинами, Бронька въехала во двор. Я не успела рассмотреть морщинистого мужика в дырявом трико, который пошел запирать за нами ворота, как громадный ротвейлер с горящими глазами и чуть не пламенем из пасти расшибся грудью об дверцу машины, за которой я сидела. Предупредил бы кто...

— Брыська, пошла на фиг! — заорал мужик знакомым голосом... На этом, собственно, возбудительные моменты кончились. Визит к однокласснику поверг меня в глубочайшее уныние. Он постарел лет на тридцать. Обзавелся плешью — не сказать, что симпатичной. Смотрел на меня стыдливо: дескать, вот как в жизни-то завернулось. И вместе с тем с укором — кабы не ты со своими идиотскими закидонами послешкольной поры... Жили бы нормально, душа в душу, и не был бы я таким потасканным. Отчасти это было правдой. Оттого и чувствовала я себя не в своей тарелке, моля об одном: быстрее бы убраться отсюда...

Гениальный мастер по части любой техники, в Сибири Лешка Кольцов давно бы владел солидной фирмой и разъезжал на шикарном «хаммере». А на Украине едва перебивался и считал копейки. Нельзя сказать, что у него не было заказов, — их хватало. Но до того копеечные, что просто слеза брала.

— Тяжело, Лидуся... — вздыхая, буравил меня Лешка помутневшими от времени глазами. — У людей денег нет, брать с них нечего... Заезжал прошлой осенью один олимпийский чемпион, крыло ему менял, заплатил двести баксов — так мы на эти баксы всю зиму и протянули... Зимой вообще мертвый сезон, хоть вешайся. Старые спидолы чудикам ремонтируем, китайские плееры дошколятам... Ты не думай, что у нас зима короткая достаёт так, что будь здоров. С водой перебои, со светом худо, денег ни хрена — лежим вот с Оксанкой с ноября по май под тремя одеялами, лета ждем...

У заявленной Оксанки были «почечные» круги под глазами и характер скрытой истерички. Нельзя сказать, что она огорчилась, увидев пакеты с «хлебушком». Она, скорее, расстроилась. Неудобно стало — за жизнь дурацкую, которая перевалила за середину, а делается только хуже. И никакого просвета в будущем...

— А ты не изменилась, Лидуся, — завистливо шептал Лешка в те минуты, когда Оксанка пропадала из поля зрения. — Классно выглядишь, честное слово... — Он смущенно кусал обветренные губы. А мне до боли было жаль его, и хотелось уйти, забыть эту встречу как недоразумение и никогда больше не видеться.

Но время тянулось. Мы чего-то ели, губили «винчик» за три гривны, который Лешка упорно называл хорошим. Из привезенных продуктов Оксанка не выставила на стол и десятой части. Стыдливо убрала в холодильник, с глаз долой, и сделала вид, будто ничего не было. Я этому даже обрадовалась — ни есть, ни пить не хотелось совершенно. Мы сидели за столом и натужно о чем-то говорили. Ребенка в доме не было — к теще сплывили. Я ловила неприязненные взгляды Оксанки, она давно просекла, кто я такая. Если с присутствием Броньки в своем доме Оксанка худо-бедно смирилась как с экзотической нагрузкой, которая досадна, но терпима, то ко мне враз ощутила антипатию.

Не описать моего облегчения, когда Бронька вдруг посмотрела на часы и «огорченно» сообщила, что уже шесть тридцать «после портвейна» и надо двигать.

— Да куда же вы? — завел тоскливую песнь расставания Лешка, поедая меня глазами. Опомился.

— В самом деле, посидите еще, — обрадовалась Оксанка. — Сейчас картошечки доварю... Леша, ну чего ты сидишь, иди Брыську привяжи...

Я уезжала из этого дома, испытывая внутри полнейшую опустошенность. Голова трещала. Хозяин в дырявом трико распахнул ворота, мы выехали задним ходом, он смотрел на меня долго, тягуче, пока машина разворачивалась на колдобинах, переваливала через канаву... Когда отдалились метров на тридцать, я невольно обернулась. Сверкая дырами на коленках, безвременно постаревший Лешка смотрел мне вслед и, конечно, понимал, что уже никогда не увидит...

— Скучноватая нынче публика, — зевая, признала Бронька. Вновь глянула на часы и заметно приободрилась: — Значит, так, подруга. Я отвезу тебя до бунгало и еду на свидание — времени в обрез. А ты сиди и бейся в припадке бессильной зависти, может, поумнеешь. Завтра увидимся.

Я ощущала тотальную усталость. И уже не понимала, что творится вокруг. Бронька довезла меня до калитки и умчалась, оставив легкое дрожание в воздухе. У бунгало ничего не изменилось. Заприметив «объект» в целостности и сохранности, стоящий у ограды шпик заметно приободрился. Готова держать пари, нас давно вычислили. Что в этом сложного?

В дверях появилась чета Костюковичей в одинаковых халатах. До чего мне надоели эти сюси-муси! Гладкие, ласковые, тихие до бешенства! Я отвернулась — меньше всего мне хотелось раскланиваться и напрягать одеревенелые мышцы лица. Медленно побрела по аллейке, мимо ухоженных магнолий и лаврушек, удивленно понимая, что в бунгало не пойду. Усталость поселилась в душе и не имела ничего общего с физической усталостью. Я добралась до границы санатория, вышла на дорогу и побрела по обочине, мимо полосатых столбиков. Проносились машины, некоторые призывно гудели — не подвезти ли? За спиной осталась скала Обмана с нагромождениями камней, разноцветные домики турбазы с примкнувшим палаточным городком. Снова скалы, тропа с обочины, по которой я

спустилась, придерживая руками ветки. Не думаю, что я знала определенно, куда иду. Никуда я не шла — просто двигалась, куда глаза глядели.

И оказалась почему-то на нудистском пляже.

Компашка молодежи дружно взметнулась с песка и принялась перебрасываться мячом.

— Девушка, — крикнул паренек из компании, — раздевайтесь! Идите к нам!

— Спасибо! — махнула я рукой, искренне благодарная за «девушку». — Я не могу, купальник дома оставила!

Они ответили таким заразительным смехом, что мне самой весело стало. Счастливейшие люди. А я такая идиотка. Я в принципе знакома с теорией, объясняющей грехопадение. Кто-то искренне верит в нее, кто-то прикрывает иные мотивы. Все важные микроэлементы морской воды — медь, йод, фосфор, бром — усваиваются через кожу. Растворенные соли раздражают нервные окончания, вызывая ответную реакцию нервной системы. Улучшается обмен веществ, тренируется дыхательная система, поднимается тонус, организм закаляется. Песок усиливает потоотделение, стимулирует окислительные процессы, улучшает работу почек. Солнце, воздух и вода повышают эластичность мышц, кожа делается полированной, выглаженной, бархатистой... А места, которые закрывают ненавистные купальные костюмы, самые чувствительные, кожа здесь тоньше и нежнее, а нервные окончания расположены плотнее. Поэтому и волновой массаж, и усвоение микроэлементов, и песочные ванны, и воздействие солнца дают нужный оздоровительный эффект только голым.

И все равно я считаю их немного сумасшедшими. Потому и счастливейшими людьми...

Длинновласая девчонка с шикарными бронзовыми ногами взлетела ввысь и послала мяч высоко над кругом. Мускулистый красавчик с впечатляющим торсом пружинисто взмыл, но не перехватил. Крученный мяч упал рядом со мной, прорыв лунку в песке. Я хотела пнуть его обратно, но передумала. Подлетел красавчик и размашистым броском послал мяч в круг.

— Здравствуйте, — сказал он, усевшись напротив меня по-турецки. Я с усилием подняла глаза и уже не опускала их ниже рельефного торса. Его глаза смеялись...

— Привет! — попыталась улыбнуться я.

— Вы расстроены, — глядя на мою физиономию, констатировал нудист. — У вас большие неприятности.

— Не буду спорить... — пожала я плечами. — Вы случайно не психологией подрабатываете в свободное время?

— Нет. В свободное от пляжа время я охраняю священные рубежи России. Город Благовещенск, третий погранотряд. Потрясающе, да?

— Потрясающе, — согласилась я, — но, в общем-то, мне нравится.

— Bravo, — обрадовался красавчик. — Вы, видимо, понимаете идеологию нудистского движения. И все равно отказываетесь к нам присоединиться?

— Простите, — я виновато вздохнула, — у меня мозги немного иначе устроены.

— Да я понимаю, — улыбнулся нудист. — Только, уверяю вас, мозги здесь ни при чем. Вы скованны, в вас нет внутренней свободы и раскрепощенности. Дело наживное. Стоит лишь разок крепко разозлиться, раздеться — и сами будете хохотать над прежней лжестыдливостью.

— Может быть, — улыбнулась я.

— Очень помогает в жизни. Укрепляет Тело и облагораживает дух. Мы абсолютно нормальные люди, некоторые даже чересчур. Вы же не думаете, что учебно-воспитательной

работой со своими солдатами я занимаюсь в голом виде?

— Нет, я так не думаю. Хотя интересно представить.

— Димон, ну чего ты там застрял? — закричала девица с идеальными ногами, но слегка вислой грудью. — Иди сюда, Димон! Женщина, и вы идите сюда!

— Присоединяйтесь, если будет желание. — Красавчик спортивно вскочил на носки. — Ей-богу, не пожалеем. И мы никому не расскажем, что вы были с нами.

— Договорились.

— И вы в России никому не говорите, что видели меня здесь, хорошо? — подмигнул, убегая, красавчик.

Солнышко опустилось еще ниже. На воде заиграли звездочки. Живые искорки переливались, блестели. Яркость дня подутихла, остался мягкий опаловый свет, уже не простреливаемый насквозь лучами. Но отдыхающих меньше не становилось. Их только прибыло. Целая армия голых граждан расположилась на неширокой полоске пляжа между ступенчатыми скалами. Здесь никого не смущала нагота соседей. Никого не возбуждала (во всяком случае, первичные признаки возбуждения в глаза не бросались). Кого тут только не было! Полный спектр! Щебетуны-влюбленные, хрумкающие орешки, добропорядочные семьи с детьми, пожилые пары, степенные одинокие дамы на узких полотенцах, мужские компании, женские, смешанные, дряхлые бабушки с морщинистыми тельцами... Кто-то ел, кто-то спал, читал книгу, одинокая матрона в шляпке, завязанной на тесемочки под подбородком, увлеченно вязала... «А ведь никто не обратит внимания, если я разденусь и улягусь в самой гуще...» — вдруг подумала я. Ну посмотрит кто-то лениво. Оценит. В чем проблема? Я испугалась этой мысли. А как же мозги, повернутые в другую сторону? Или прав красавчик? Для обретения истинной свободы нужно лишь раз разозлиться? Так я уже разозлилась. Вот пойду сейчас и улягусь под бочок к какому-нибудь крепкононому парню... Что я, как неживая?..

Браво, Лидия Сергеевна! Мозги мои заскрежетали, провернулись. Я уже приподнялась, намереваясь сделать первый шаг к раскрепощению...

Кто-то положил руку мне на плечо:

— Нам пора, Лидия Сергеевна.

Я дернулась, обернулась. За спиной стоял Шлепень. Позади «бригадира» обозначились два качка в солнцезащитных очках. Они пристально рассматривали усеянное гениталиями взморье.

— Нам пора, Лидия Сергеевна, — повторил Шлепень.

— Куда? — пролепетала я. — Зачем?

— Вам лучше знать, — пожал плечами Шлепень. — Вы же договаривались с Иваном Валерьяновичем, не я. Он приказал вырыть вас из-под земли и доставить на яхту. Пойдемте, Лидия Сергеевна.

Я совсем забыла о нашей с Рокотом односторонней договоренности. Теперь вспомнила: море, яхта... Заместители под подозрением, к которым я должна присмотреться. Бред какой-то. Кто мешает ему найти дипломированного психолога?

— А отказаться можно? — без надежды спросила я.

Качки за его спиной оторвали очки от пляжа и уставились на меня. Как по команде.

— Разумеется, — доброжелательно кивнул Шлепень. — Вы можете делать все, что вам угодно, Лидия Сергеевна. А мы обязаны делать то, что нам прикажут. Пройдите, пожалуйста, в машину, яхта недалеко.

Якорная стоянка находилась в восточной части Тихой бухты. Мы доехали минут за десять, отвернув с Форосской дороги и отгромыхав метров триста по камням. Яхта покачивалась недалеко от берега — напротив испещренных трещинами скал и узкого разлома с горизонтально сколотой плитой. Выглядела она очень эффектно и походила па остроносу акулу, всплывшую на поверхность.

Самое сильное впечатление производил голубовато-белый приспущенный парус на грот-мачте. Любой эскимос знает, что современные яхты оснащены моторами. Но какой же яхтсмен откажет себе в удовольствии прокатиться под парусом?

— Нравится? — с ухмылкой поинтересовался Шлепень.

— Серьезная посудина. Но для уровня Ивана Валерьяновича, мне кажется, несколько мелковата.

Клеврет и не подумал обижаться. Добродушно хохотнул:

— Вы преувеличиваете его уровень, Лидия Сергеевна. Конечно, зарплата Ивана Валерьяновича несколько побольше, чем у рядового чиновника, но отнюдь не па порядок, уверяю вас. А «Белая акула» — не его собственность. Зачем ему личная яхта, если лето в Крыму такое короткое, к тому же он так загружен работой.

— А чья это яхта? — поинтересовалась я. — Благодарного правительства Украины?

— Одной чартерной компании, — уклончиво пояснил Шлепень. — Настоящий владелец передал посудину руководству компании, а мы у них зафрахтовали. Очень удобно. Не в доке же ее держать круглый год. За этими «акулами», Лидия Сергеевна, уход нужен.

Не больно-то я ему поверила. Вдруг они всё, чтобы бедненькими показаться. От яхты между тем отчалила резиновая лодка с мотором и, задрав нос, помчалась к берегу.

— Это динги, — пояснил Шлепень. — Десантное средство. В обязательном виде присутствует за кормой. Сейчас мы с вами в нее сядем и пойдем на яхту. Иван Валерьянович будет позже, он уже звонил.

Глава седьмая

На борт белоснежной яхты мне помог взобраться черноокий субъект комплекции Демиса Руссо — в парусиновых штанах и шелковой цыганской рубахе. В руке он держал коктейль с трубочкой, но это не помешало ему принять меня с вертикального трапа, обжать и поставить на палубу.

— Ба, кого я вижу! — захохотал этот не очень приятный субъект, дыша мне в лицо табачно-спиртными ароматами. При ближайшем рассмотрении я обнаружила, что глаза у него похожи па блестящие жирные оливки, пальцы толстые и короткие, а лоб необыкновенно высок. И первое, и второе, и третье было чертовски неприятно.

— А нас уже представили? — отстраняясь от липких глаз, проворчала я.

— Так давайте представляться, — не сбавлял обороты черноокий, — Молич, Михаил Яковлевич, душа компании на этой яхте.

Загадочная душа у этой яхты... Молич, Молич... Я порылась в памяти. Ну конечно: «Замы, которым я всегда верил: Молич, Березниченко. Первый контролирует безопасность, второй деловые контакты...» Безопасность фирмы явно в надежных руках. Или я чего-то недопонимаю? А много я вообще понимаю?.. Его сократовский лоб как-то не вяжется с распушенностью и цыганской рубахой...

— Вы поосторожнее, Михаил Яковлевич, — проворчал, поднимаясь на палубу, Шлепень. — Эта женщина — хорошая знакомая Ивана Валерьяновича. Он может подвергнуть вас жесткой критике, а его критика, как вы знаете, не всегда конструктивна. Березниченко приехал?

— Нет еще. — Волоокий взор Молича чуть затуманился. — Зачем мы ему понадобились, Алекс?

— Расскажет, — односложно буркнул Шлепень. — Мне-то какое дело?

— Выпить хочешь?

— Нет, — Шлепень качнул головой, — не пью на работе.

— А у меня закончился рабочий день. И я буду. И не просто буду... Так растолкуйте же, если не секрет, как вас зовут, хорошая знакомая?

— А вы будто не знаете? — пробурчала я.

— А ведь и впрямь знаю, — хохотнул Молич, — сам не пойму откуда. Ворона на хвосте принесла. Выпить хотите, Лидия Сергеевна?

— Хочу...

— Отлично! — Он залпом допил коктейль и приглашающе кивнул на трап из трех ступеней. — Проходите, пожалуйста, в рубку. От кокпита направо и прямо, по коврику... Алекс, дождись Березниченко.

Рубка, если не ошибаюсь, — это кают-компания, совмещенная с камбузом. Но действительность оказалась впечатляющей. Миновав короткий коридор с четырьмя тяжелыми дверьми (очевидно, каюты), я шагнула в помещение и была приятно удивлена: мягкий ковер, мягкий свет, стены, мерцающие матовой полировкой, мягкий уголок, покрытый лазоревым велюром. У стены — зеркальный бар с поворотными секциями.

— Присаживайтесь, — указал мне Молич на мягкое изобилие. — Выбирайте, где удобнее.

Я выбрала диван — с него открывались сразу два пути для поспешного бегства. Тем

временем толстяк подошел к бару и принялся инспектировать содержимое.

— Пожелания?

— Мартини, если можно. Третью тоника.

— Можно, — пробормотал Молич, — отчего же не можно... — А пока он там священнодействовал, открывая и закрывая бутылки, я внимательно следила за его лицом, не в силах избавиться от мысли, что у бара стоит другой человек, нежели тот, что развязно вел себя на палубе. Когда он подошел ко мне с бокалом, мои подозрения окрепли. Глаза Молича оставались черно-наглыми, но лицо сжалось, очертив напряженные скулы.

— Держите, Лидия Сергеевна.

— Спасибо.

Я взяла бокал и чуть пригубила. Человек мафии зорко наблюдал за мной. А я наблюдала за ним, убедив себя, что страхи можно пока оставить. Я вроде бы находилась под защитой Рокота. Хотя на самом деле... Решилась сделать второй глоток. Подсыпать в мартини губительной отравы этот смуглый поросенок не мог. Я бы заметила.

— Странно одеваются некоторые женщины, — начал издали Молич, усаживаясь напротив. — Обычно в этой каюте, Лидия Сергеевна, собираются дамы в вечерних платьях и туфлях от ведущих парижских кутюрье. Либо же напротив — дамы с минимальным количеством одежды, порой — кричаще минимальным, и, естественно, босиком. Но в любом случае они не выглядят мятыми, пыльными, как правило, причесаны и сексуально улыбаются. Я не хочу сказать, Лидия Сергеевна, что вы не способны сексуально улыбаться — уверен, что способны. Но, во-первых, вы этого не делаете, а только огрызаетесь, а про остальное я вообще молчу. Скажите, где вас, такую яркую, подобрал Шлепень?

Я минутку подумала и ответила простодушно:

— На нудистском пляже.

Начальник секьюрити удивленно приподнял брови. Почесал перстнем за ухом, сомкнул морщины на лбу, как бы размышляя, нет ли в моем ответе второго смысла. Ему и невдомек было, что в нем и первого нет.

— А что вы делали на нудистском пляже?

— А что обычно там делают?

— Не говорите чушь. У вас незагорелые полосы на плечах — от лямок купальника.

— Это была ошибка, — я лихорадочно сделала третий глоток, — которую обязуюсь исправить.

— Что происходит, Лидия Сергеевна? — Молич перегнулся через стол и испытующе уставился на меня. — Кто вы такая? Отвечайте быстро: кто вы такая и что происходит? Не отводите лицо. Смотрите в глаза.

— Да неохота мне смотреть в ваши глаза! — возмутилась я. — У вас глаза то хамоватого плейбоя, то палача, дающего минутную отсрочку жертве. Сами смотрите себе в глаза. Встаньте к зеркалу и пяльтесь...

Напряжение спало. Не думаю, что Молич сумел почувствовать мою полнейшую безобидность, но страх, уже четверть часа терзавший его, вдруг сгинул. Он откинулся на спинку мягкого дивана и беззаботно расхохотался. Ну, вестимо, приятно обнаружить перед собой форменную дуру вместо агента восьми разведок.

— Вы преувеличиваете мои злодейские способности, уважаемая Лидия Сергеевна, — отхохотав, заскромничал Молич. — Они весьма средние. И не стоит меня бояться. Еще налить?

— Да мне этого хватит на неделю, — тоже заскромничала я.

Березниченко в этот вечер так и не объявился. Видно, та еще цаца. Исходя из очевидного, наши с Рокотом детективные игры откладывались на неопределенный срок. Раздался приглушенный стук мотора, перешедший в размеренное равномерное гудение, затрещало что-то снаружи (вероятно, оснастка грот-мачты), и создалось впечатление, будто мы плывем. Быстрый взгляд в иллюминатор подтвердил догадку: проступающая через легкие сумерки скала Обмана сместилась до середины иллюминатора. Яхта медленно пришла в движение.

— Черт! — всколыхнулся Молич, поднимая грузную задницу. — Кто распорядился? Шлепень!

— Успокойтесь, Михаил Яковлевич, это я распорядился. — В каюту вошел раздраженный Рокот в белой сорочке. — Покатаем Лидию Сергеевну, пока она совсем не затосковала.

— А Березниченко? — нахмурился толстяк. — Я не совсем понимаю вас, Иван Валерьянович...

— Надеюсь, вы не будете говорить о делах, — огрызнулся Рокот. — Нашей пассажирке они совсем не интересны. Березниченко позвонил на мобильник Шлепеню — важные дела в Балаклаве. Через час будет возвращаться, и мы заберем его у мыса Барнак.

— Вот хрень, — ругнулся Молич. — Содержательно проводим вечер, Иван Валерьянович.

— Здравствуйте, Иван Валерьянович, — напомнила я о себе.

— Здравствуйте, — рассеянно отозвался Рокот. — Извините, Лидия Сергеевна, задержали совсем. Вы не скучали в мое отсутствие?

— Ну что вы, Михаил Яковлевич — замечательный собеседник, мы неплохо проводили время.

— Да уж, — сквозь зубы согласился Молич, — нам было весело... — Я заметила, как он перехватил вопрошающий взгляд Рокота. Оба, судя по всему, остались недовольны.

— Знаете что, — предложила я, — вы тут посекретничайте, а я пойду подышу морем... Да не волнуйтесь, не убегу, — упредила я протестующее движение «босса».

Кроме Шлепеня, сомкнувшего вежды в шезлонге, на борту находились два матроса (один крутил штурвал, другой возился с фалом, служащим для поднятия паруса) и человека четыре личной гвардии Рокота, накачанных до упора и едва ли разумных. Когда я появилась на кокпите, рулевой втихушку подмигнул, остальные просто тупо воззрились — как рыбак на двухпудового сома, пойманного собственноручно.

— На нос туда? — спросила я у кормчего. При этом кивнула на проход вдоль леера и сделала пальцем загогулину.

— Туда, — кивнул кормчий. — На бак. Антошку только там не сбейте и сами не свалитесь. И вообще, не ходите под леерами, лучше по центру.

Я так и сделала. Поблагодарив, поднялась па крышу. Тщательно обогнула колдующего с канатами матроса, но, запутавшись в каких-то гиках и шкотах, ухватилась за грот и на пятой точке, по окну па потолке рубки, съехала к баку. Здесь я поднялась на ноги и аж дух захватило...

Яхта двигалась на средней скорости. Плескались о борт волны, поскрипывали снасти. Гудел ветерок, гоня к берегу голубые барханы. Мы медленно смещались с восточной

оконечности Тихой бухты к западной — мысу Барнак. Проплывали белоснежные корпуса здравниц. Жемчужное под пятой застывшего великана казалось каким-то карликовым государством. Оно не производило впечатления солидного курортного центра — возможно, из-за того, что основные городские кварталы прятались за скалистыми террасами, невидимые с моря. Мы проплыли скалу Обмана и слегка расширили галс — если раньше по оси яхты мерцал каменно-лесистый Барнак, то теперь он ушел вправо, а по курсу оказалось заходящее светило. Ровный диск, желтый сверху, снизу красный, прямо на глазах опускался к горизонту, окруженный гигантской мерцающей полусферой. Рябящая полоса, пересекая тяжело дышащую гладь воды, словно ковровая дорожка, упиралась в бак яхты. Мы не одни были в этом море. Не сказать, что акватория бухты кишела транспортными средствами, но суденышек хватало. От примитивных гребных лодок, предпочитающих жаться к берегу, до прогулочных парусных шхун всевозможных форм. Из открытого моря показалась еще одна яхта — без парусов. Она уверенно держала курс к катерным стоянкам яхт-клуба, охватывающим приличный кусок взморья. Из-за мыса показался рыбацкий баркас — примитивная банка с парусом. Шныряли какие-то катера, ботики...

Я настолько привыкла к размеренному гудению мотора, что автоматически воспринимала его за естественный фон моря. Внезапно этот фон исчез, тишина обрушилась с неба — я обернулась, изумленная. Словно выпала в другое измерение. Рулевой заглушил двигатель. Над яхтой величественно реял парус — бело-голубое полотнище, на глазах превращающееся в перевернутый парашют, надутый воздухом.

— Вам нравится, Лидия Сергеевна? — раздался голос над ухом. Я вздрогнула, повернула голову.

Он хотел произвести эффект, появившись внезапно, как черт из табакерки. И он его произвел, черт его побери.

— Бесподобно, Иван Валерьянович. Волшебство — словно по заказу. Вы уже посплетничали?

— От души. — Он не особо обрадовался моему вопросу и заговорил недовольно: — Мне не нравится, Лидия Сергеевна, как вы относитесь к нашим договоренностям. — В его голосе нарастало раздражение. — Что за женщину вы мне подсунули? Почему я должен строить по ранжиру ГАИ города, чтобы отыскать какой-то вшивый «ниссан»? Так недолго и до греха, Лидия Сергеевна. Вы же кости переломаете.

— Это подруга, — лаконично объяснила я. — Довольно эксцентричная особа. Но абсолютно безвредная. Надеюсь, вы это уже поняли? К тому же ее успешно нейтрализовали. Признайтесь, Иван Валерьянович, это ваша затея — подбросить Хатынской гениального ухажера?

— Сожалею, но нет, — проворчал Рокот. — В моем штате не предусмотрены гениальные ухажеры и прочие Маты Хари в штанах. Этого оболтуса тактично проверили. С ним на первый взгляд все чисто, и действовал он, движимый собственной похотью. Некто Павел Нестеров, коммерсант из Волгограда, реально преуспевающий и, надо думать, смекалистый. Да и бог с ним, Лидия Сергеевна. У вас есть полезные соображения?

Я с наслаждением подставила лицо нежно ласкающему бризу. Это был великолепный вечер. Солнечный диск опустился еще ниже. Красный сектор полностью вытеснил желтый, мантия полусферы начала преображаться в багровое зарево. Рыбацкий баркас не спеша проплыл мимо. На заваленном сетями мостике крепко стоял капитан — надутый важностью пацан лет шестнадцати. От растущего в размерах мыса показалось еще одно суденышко — не

крупнее последнего. На бушприте колыхался флажок — невзрачный сине-желтый символ Украины.

— Соображений нет, Иван Валерьянович. Есть новости.

— Говорите, — обреченно вздохнул Рокот. Он уже понял, что в разговоре со мной разумнее проявлять терпение.

— Неплохие для вас новости, Иван Валерьянович. Я нашла желтое парео.

— Поясните, — нахмурился Рокот.

— Я нашла желтое парео, — повторила я. — Его зарыли в мусорном контейнере на задворках нашего бунгало. Посторонний не мог зайти и зарыть в нашей мусорке свое парео. Точнее говоря — мог, но зачем ему сложности? За пределами бунгало хватает мусорок и канав.

— Иначе говоря... — Рокот насторожился.

— Иначе говоря, Царицына избавилась от парео, в котором собиралась отправиться на скалу. Она осторожная женщина — милиция может провести обыск в личных вещах отдыхающих, а где гарантия, что нашедшие это парео не контролируются, как вы однажды выразились, суками?

— То есть вы хотите сказать...

— Одна из моих соседок — ваша Царицына. Либо Рита Лесницкая из Москвы, либо Соня Зырянова с Урала. Ваша задача упрощается до минимума — нанести повторный визит в бунгало. Полагаю, она знает в лицо влиятельнейшего человека в Жемчужном?

— И вы только сейчас об этом говорите? — возмутился Рокот.

— Ну извините, — я сделала, насколько смогла, ангельское личико, — у меня не было другой возможности, я занятой человек, Иван Валерьянович. Что вы волнуетесь? Они уезжать вроде не собираются. А вообще-то в приличном обществе за оказанные услуги принято говорить спасибо. То ли я не расслышала, то ли ветер заглушил ваши слова...

— Спасибо, — засмеялся Рокот. — Вы серьезная штучка, Лидия Сергеевна, но не считайте уж меня таким невеждой... Ч-черт, где же Березниченко? Выдеру, на фиг... — Он вскинул руку с простыми швейцарскими часами «Patek Philippe». — Его присутствие было бы очень кстати... Пойдемте в каюту, Лидия Сергеевна, подождем еще несколько минут, а потом я, наверное, вас оставлю. Вам нравится это чудное плавание?

Увы, я уже упоминала: наши детективные игры не имели продолжения...

До каменистого мыса оставалось саженой сорок — упругие волны разбивались о валуны, я видела, как бурлила вокруг них бело-губчатая масса пены. Скалы толпились у берега. Рокот первым взобрался на крышу, ухватился за грот-мачту и протянул мне руку. Я заметила краем глаза, что плывущее навстречу суденышко с «незаметным» флажком на бушприте вдруг резко сменило курс. Оно не случайно проплывало мимо! Загрохотал мотор, суденышко задрало нос и, рассекая волну, помчалось к левому борту яхты. Загремели выстрелы!..

Рокот не успел втащить меня на ровную площадку возле грот-мачты. Его рука вдруг обмякла, я потеряла равновесие и, испуганно пискнув, покатила куда-то. Упала на узкую «стежку» вдоль правого борта, и только леер спас меня от кувырка в море...

Попыталась подняться. Рокот стоял какое-то время, держась за мачту. Из груди его сочилась кровь, пропитывая белую сорочку. Потом силы его покинули, лицо покрылось мертвенной бледностью. Он разжал руку и упал плашмя, свернув голову. Изо рта текла

кровь, а глаза в упор смотрели на меня, хотя вряд ли уже могли что-то видеть. Поздно я сообщила ему о желтом парео... Поднявшись на колени, я по-тараканьи засемила в сторону кормы. Разгорелась яростная перестрелка! Я высоко задрала голову и ужаснулась увиденному. Пиратское судно подвалило прямо к яхте, развернувшись левым бортом. Там стоял кто-то плечистый и полосовал из автомата. Группа людей в черных «фантомасках» сгрудилась у борта, готовясь перешвырнуться на «Акулу». Люди Рокота разбегались по яхте. Их застали врасплох. Шлепень, сжимая в зубах огрызок сигары, неся к мачте в развевающейся рубахе, вынимая из задницы пистолет. Командира убили!..

Охрана металась, не находя укрытия. Один догадался нырнуть за кокпит, выставил крошечный автомат, на манер «узи», полоснул очередью...

Штурман висел на рулевом колесе без признаков жизни. Второй матрос по-пластунски полз от грот-мачты к кокпиту, забирая влево. Похоже, наши маршруты пересекались...

Раздался тяжелый удар — влекомую инерцией посудину прибило к яхте. Люди в масках попрыгали на борт. Охранник выронил пистолет, схватил стоящий на палубе шезлонг и швырнул под ноги тому, кто уже летел на него. Атакующий потерял равновесие... Другой сбил охранника выстрелом. Телохранитель, недоуменно взмахнув руками, рухнул в воду. Снова разгорелась стрельба.

Я упала, куда-то поползла... Спасительный выход — свалиться в воду и затеряться в волнах — мне в голову не пришел. Я вообще не могла думать. Как показало дальнейшее развитие событий — даже к лучшему. Машинально передвигаясь, я уткнулась носом в холодную сталь «стежки». Заметив движение, вскинула голову. «Пластун» еще был жив. Он добрался до кокпита, сполз по наклонной через иллюминатор и, оказавшись у меня перед носом, случайно задел меня пяткой. Удар вышел приличный, я оказалась на коленях, круги пошли перед глазами. Бой тем часом продолжался. Смерть гуляла под парусами: осиротевший Шлепень, убедившись, что Рокот мертв, вскочил на ноги и выпустил всю обойму. Затем, повиснув на поперечной рее, оттолкнулся и нанес удар ногой. Нападающий с воплем исчез. Но Шлепеня это не спасло. Он был крупной мишенью, и в него трудно было не попасть. Задергался, пробитый пулями, и рухнул со стуком. Остальные, кажется, схватились врукопашную... Звезданувший меня матрос тем временем лихорадочно крутил миниатюрную лебедку. И все озирался, кусая губы. «Да он же динги опускает на воду! Резиновую лодку!» — догадалась я. И тут же массивное тело матроса со шлепком свалилось за борт. Я метнулась туда же, намереваясь нырнуть ласточкой — не сломаюсь же об резину! Как вдруг что-то грузное навалилось сверху. Мелькнула цыганская рубаха, перекошенная физиономия. Молич! Еще один участник трагедии, незаслуженно забытый. Выкрался из рубки, подглядывал, пока другие за него воевали, а едва появилась возможность улизнуть, объявился.

— Уйди, с-сука... — бесцеремонно отпихнул он меня.

Не ухватись я за ограждение, враз размозжила бы голову. Это кто из нас сука?.. — взорвалось во мне. Он присел, готовясь лезть за борт. Первая пуля попала ему в жирную задницу — начбез взвыл, — остальные вошли в спину, как гвозди в доску. Не прекращая выть, Молич кувыркнулся через борт. Тут и я скакнула через леер — не ждать же, пока подстрелят. Кувыркнулась — и упала камнем...

Холодная вода — не просто холодная, ледяная! — устремила в рот, в нос, во все отверстия. Я забултыхалась, засучила ножонками, стремясь быстрее вынырнуть. Голова уперлась во что-то податливое. Лодка! Надо же, какая удача! Я замахала руками, нащупала

борт — круглое, гладкое, никаких выступов... И снова везение — тонкий канат опоясывает внешний борт. Ну как же, помню. Для цепляния за яхту, для транспортировки по суше... Я вцепилась в этот спасительный канат и вынырнула, шумно отплевываясь.

Что-то непонятное покачивалось рядом с лодкой — некогда смотреть... Я подтянулась (в воде это нетрудно), попыталась забросить левую ногу вверх.

— Пошла на х... идиотка! — завопил трясущийся от страха матрос, лихорадочно пытаюсь завести мотор. От такого неласкового приема я опять погрузилась в воду. Ах ты, волчара позорный! — разозлилась я. И почему, собственно, я идиотка?

Снова вынырнула. Опять в меня уткнулся неопознанный объект. Ну чего надо? Я обернулась: Молич со стеклянными шарами! Всплыл, родимый. Распахнул ручищи, пузень выставил, качается на волне. Долго ему теперь тут качаться... Я оттолкнула безнадежно мертвое тело. Дуря от ужаса, мыча что-то нечленораздельное, опять полезла в лодку. Внезапно взревел мотор! Матросу уже было не до меня — пусть карабкается тетка. Главное — прочь отсюда. Боливар унесет двоих...

И тут с ужасом почувствовала, что срываюсь с места. Вместе с лодкой! Вода накрыла, я чуть не захлебнулась, но не разжала рук, держащихся за канат. И не оторвалась. С яхты простучала очередь.

— В бабу не стрелять! — завопил кто-то. Отличная мысль...

Лодку бешено крутило на волнах. Иностраный предмет, приклеившийся сбоку (стало быть — я), не давал ей выровнять нос. Но она неуклонно стремилась к берегу. Поднимая голову, чтобы хватануть воздуха, я видела, как приближается мыс. Лодку вынесет на острые камни! — мелькнуло в голове. И что от меня останется? Я опять попробовала подтянуться. Развернулась на спину, сместилась по канату (вода хлынула в нос!) и послала вперед уже правую ногу. Таинственная сила сама забросила мою пятку. Мне осталось лишь перевернуться и толчком привести в движение левое бедро. Я свалилась на дно лодки и ощутила приступ тошноты: трясущийся от страха матрос скрючился под мотором и глядел на меня с ненавистью. Сволочь... Хочешь бросить княжну за борт? Я сжала кулаки.

Лодку с треском вынесло на берег. Днище пропорол о камни. Я вцепилась обеими руками в круглый борт, это и спасло меня от ударов. Матрос с воплем улетел на камни, а меня лишь резко крутануло и швырнуло на отмель. Вроде отделалась незначительными ушибами, но пока об этом не думала. Голова трещала, тело болело. Я выбралась из лодки и побрела к скале, за которой виднелся какой-то просвет. Слишком долгий путь... Исчерпав запас устойчивости, я опустилась на шершавый валун. Матрос, держась за окровавленную голову, брел в обратном направлении — там в скале не было ни одного просвета. Очевидно, ему здорово повредило мозги.

Яхта с примкнувшим к ней катером мирно покачивалась на воде метрах в ста от берега. Сумерки опускались стремительно, но я видела людей, толпящихся на борту.

Они смотрели в мою сторону...

Глава восьмая

Ко всему на свете привыкаешь, даже к огорчительному пониманию, что ты уже покойница. Объясните, что я должна была делать? Бежать в милицию? Ах, беда, вашего патрона убили, а пока не прислали нового, поспасайте меня, пожалуйста... Здесьнюю милицию я уже хорошо знала. Спасибо огромное. Бежать на дорогу, голосовать, мчаться в ночь. Денег нет. Тапочки смыло, и вообще я похожа па бомжиху, вряд ли кто подберет. Пешком идти? Опять же денег нет, тапочки смыло...

Бронька ожидала меня в «кефире», а я лишь бегло переоделась, натянув шорты и майку попрстойнее. Денег взяла ровно сотню (промотала сразу), а документы вообще не брала.

Уцелели часы на руке — каким-то чудом избежали удара. Когда я, вдоволь поплутав по скалам, изрезав ноги в кровь, выбралась к городскому пляжу, они уверенно показывали девять часов вечера. Царила тьма египетская, и пляж, естественно, пустовал. В стороне гуляла молодежь, гремела музыка, но от них я предпочла держаться подальше. Одиночество мне пока не осточертело. Я все равно была мокрая, как чушка, поэтому, не смущаясь, сняла с себя все, выстирала в соленой воде, развесила на грибке. Целый час просидела голышом, стуча зубами, завернувшись в покрывало, брошенное кем-то из отдыхающих. Потом надела сырое и побрела, волоча по песку босые ноги...

На улице Топтунова я оказалась часов в одиннадцать. В некоторых домах горел свет, но из-за высоких заборов дорогу почти не освещал. У Лешки Кольцова тоже что-то горело. Доносился истошный крик благоверной. Я постояла у забора, но крик не утихал. Вздохнув, нашла на ощупь звонок и нажала.

Лай собаки мгновенно перекрыл припадочные вопли. Зверюга в ярости заметалась по двору, брэнча цепью. Хлопнула дверь.

— Брыська, на хрен пошла! — завизжала Оксанка. Вспыхнул фонарь над крыльцом. Застучали шлёпки по дорожке. Запнувшись о какой-то мужнин хлам, она от души ругнулась. — Это вы? — распахнула калитку в воротах и изумленно вглядывалась в темень. — А что, собственно... — и замолчала.

— Кого там принесло? — заскрипели зимние ботинки, в которых Лешка летом разгуливал по двору. Блестящая в свете фонаря пролысина выросла над Оксанкиной макушкой. — Лида? — оторопел Лешка. И тоже замолчал.

— Мне Бронька нужна, — пояснила я. — Не пришла еще?

На что рассчитывала, дурочка? Не станут они при Броньке лаяться.

— И не придет, — отрезала Оксанка.

— Да-да, Лида, — опомнился Лешка. — Она звонила недавно, сказала, чтобы не волновались... У нее, видно, объявился кто?

— Объявился... Ну ладно, ребята, спокойной ночи.

— Пока, — заторопилась Оксанка.

— Постой, — не понял Лешка. — А чего ты какая-то?.. Поздно уже, а ты вся... Что случилось, Лида?

— Ничего, — я попробовала улыбнуться, — гуляю.

— Спокойной ночи, — настаивала Оксанка, — приятно погулять.

— Спасибо...

— А тебе помощь не нужна? — решился на самостоятельный вопрос Лешка.

— Тапочки дайте, — из последних сил сдерживая слезы, попросила я. — Любые, какие не жалко. Можно шлепанцы старые...

Стыдливый Лешка притаранил практически новые сабо. У них имелся лишь один недостаток — их невозможно было носить. Но я стоически простучала в них через половину Жемчужного и добралась до «Быстронома». У спящей парковки ко мне пытались привязаться двое чудиков в форме. Оба были в стельку пьяные и жутко занудливые. Одного интересовало, не проститутка ли я, а второй, сжав меня за локоток, хотел уточнить, почему нынче комплекс интимных услуг в расчете на двоих. «Прейскурант на столбе», — объяснила я. После чего подвела его, гнущегося, как камыш, к металлическому столбу с объявлениями, прицелила и легонько стукнула лбом. Вероятно, не очень легонько — нервы в тот вечер были ни к черту. Сержант обмяк и упал, а я стянула с ног сабо и бросилась прочь, пока второй не опомнился...

У санатория меня окончательно развезло. Я шла, шатаюсь, по пустынным аллеям, мимо фонарей, которые иногда горели, мимо непроницаемых стен кустарника. Мною овладело тотальное безразличие. Как-то вдруг перестало интересоваться, что со мной произойдет, кого убьют дальше и кто теперь меня подберет. Власть Рокота рухнула, что дальше — полный мрак. Может, разберутся... В случае отсутствия засады на горшок — и спать. Ключ в кармане, он тугой, не обронила. Если даже есть засада — все равно спать. Пусть другие разбирают запутанные ситуации...

Я не дошла до бунгало метров двести, силы кончились. Внезапно, как бензин. Я упала на лавочку на задворках танцплощадки, жадно втянула носом запах жасмина. Посижу минуточку и пойду. Не бывает усталости, которую невозможно преодолеть.

Я, наверное, отключилась. Очнулась оттого, что кто-то опустился рядом.

— Спокойно, Лидия Сергеевна, — сказал человек.

Я спокойна. Силы вышли бояться.

— Вы меня слышите? — поинтересовался человек.

— Я вас даже вижу, — прошептала я. — Я вас даже нюхом чую... У вас перспирант от «Кельвин Кляйн».

— Антиперспирант, Лидия Сергеевна. Для кого ночь, а для кого в разгаре день. Для вас он, кстати, тоже не закончился. Я майор СБУ Полипчук, вот мое удостоверение. — Свет фонаря запрыгал по джинсовым коленям человека, освещая бордовые корочки. Потом он осветил лицо — ничем не выдающееся, кроме носа. Выключил фонарь. Снова темнота. — Полагаем, вы были на яхте Рокота. Вас видели отъезжающей со Шлепенем.

— У вас агенты на нудистском пляже? — Будь у меня силы рассмеяться, я бы так и сделала.

— У нас агенты даже в машине Шлепеня, — поделился сокровенным майор. — Мы знаем, что произошло на яхте. К сожалению, все случилось очень быстро. А потом нападавшие высадились на берег и разбежались. Предваряю ваш вопрос: это не мы убили Рокота. Зачем нам?

— В самом деле, зачем? Такой полезный человек... Послушайте, майор, вы с ним не одной крови?

— Не надо иронизировать, Лидия Сергеевна. Мы делаем поправку на то, что вы зверски устали и... что вам, грубо говоря, все до лампочки. Но не надо говорить лишнего, прошу вас.

— Мне легче ничего не говорить. Пожалуйста. Буду молчать, как скамейка.

— Договорились. Помолчите пока. Рокот, к вашему сведению, не убивал людей в массовых количествах... Дело, Лидия Сергеевна, несколько в ином...

Я закрыла глаза, чтобы лучше воспринимать вкрадчивый голос человека. Положительно, они с Рокотом одной крови. Забавно, если и начальство у них окажется общим. Например, глава одного из силовых ведомств великодержавной и самостийной... Краткая лекция этого человека с носом на восемьдесят процентов совпадала с доводами Рокота. Иван Валерьянович Рокот, по крайней мере, держал в рамках уголовный элемент, платил какие-то «налоги» и всячески способствовал процветанию района. Не его вина, что многое не успел. Некая сила претендует на его место, а некой Косичкиной вовсе незачем знать, что это за сила. Удар был нанесен по всей структуре, построенной Рокотом: одновременно с бойней на яхте ликвидирована администрация крупнейшего развлекательного центра «Виолетта», скончался от инсульта руководитель городского УВД Анисимов и трагически утонул в ванне заместитель мэра Кошгун.

— А Березниченко? — спросила я.

— Все-то вы знаете, — покачал головой Полипчук. — А вот как раз Березниченко жив. Формально он и есть преемник Рокота.

— Чего вы и боитесь больше всего... — догадалась я.

— Согласен, — нехотя признал майор. — Определенные силы в руководстве службы госбезопасности подозревают Березниченко в сговоре с чужаками. Формально он и станет «крышевать» местный криминал, а фактически — уступит дело пришедшей конторе.

«Господи, — подумала я, — они все здесь повязаны. Отогнали от куска пирога, и уже вой на всю державу: Крым разворовывают!»

— А добраться до Березниченко, конечно, невозможно?

— Исключено. Он умело перехватил бразды правления. Оттого и нервозность, Лидия Сергеевна.

Сейчас группировка стремится заполучить контрабандный груз, присланный Рокоту. По мнению Полипчука, это партия новейшего синтетического наркотика, которая стоит не просто больших, а громадных денег. Цена одного грамма этого вещества зашкаливает за тысячу долларов. По оперативным данным, груз составлял не один килограмм. По меньшей мере тридцать! И Косичкина должна уяснить, что не для того СБУ раскрывает ей подробную бухгалтерию, дабы самой нагреть руки, а дабы она представляла, с каким упорством будут носиться заинтересованные лица за этой контрабандой, а стало быть, за Царицыной О. Ю., а стало быть, за Косичкиной Л. С., которую просто вынуждены (за неимением иных кандидатур) принимать за Царицыну О. Ю. Естественно, их смущают контакты Косичкиной с Рокотом. Наверняка их смутят и контакты Косичкиной с СБУ, о которых они рано или поздно узнают. Но им известно и другое: Косичкина не отдала Рокоту контрабанду. Почему? Вопрос сложный. И бесполезно их уверять, что она Косичкина — не Царицына. Не поверят. Да и не нужно их в этом уверять, напротив: для выхода на эту организацию нужно, чтобы они оставались в этом заблуждении...

Тут я поняла, что мне уготовлена роль живца. Я открыла было рот, чтобы рассказать о своем желтом парео, о другом желтом парео, купленном Ларисой Куценко, о третьем желтом парео, которое я обнаружила в помойке, о двух особах из бунгало, одной из которых и принадлежало третье парео... Но быстро прикусила язык. Тяжело признаться, но Иван Валерьянович Рокот был мне симпатичен. Стыдно, конечно, позорно, аморально, но ничего

не могу с собой поделаться — нравился. Я ему верила, насколько можно верить криминальному авторитету. Во всяком случае, собравшись меня убить, Рокот предупредил бы об этом заранее, а не улыбался бы, держа фигу в кармане. Я в этом уверена. А что я могу сказать о майоре Службы безопасности Украины, которому я не только не симпатична, но даже и не соотечественница?

Он мое молчание расценил по-своему.

— Не расстраивайтесь, Лидия Сергеевна. Вам не сделают больно. Мы ваши друзья поверьте. Вас постоянно будут охранять.

«Это полная лажа, — подумала я. — Если меня будут постоянно охранять, то какой смысл в ловле на живца?.. А в том и смысл, что меня не будут охранять. А если и будут, то весьма поверхностно. Главным образом они будут наблюдать за действиями своих конкурентов, направленных против меня.

— Вы согласны нам помочь?

— Нет, — пробормотала я. Согласится ли червяк помочь рыбаку?

Человек не изменил тона, сказал проникновенно:

— Это глупо, Лидия Сергеевна. Сожалеем, но у вас нет другого выхода. И не делайте необдуманных шагов, умоляем. Упреждая таковые, наш человек побывал в вашей комнате и изъясил из сумочки ваш паспорт. Так что из страны вы не уедете, даже если попытаетесь.

Я опять открыла было рот, чтобы сказать ему всю правду. И ничего, кроме правды. И опять закрыла, одолеваемая сомнениями. Я могла верить Рокоту (хотя не знала про наркотики!). Однако я не могу верить «внукам» Дзержинского. Каприз у меня такой. И вообще наркотики должны уничтожаться, а не распространяться по территории Украины или России. Сомневаюсь, что эти «внуки» их уничтожат. Сколько получится, если одну тысячу долларов за грамм помножить па тридцать тысяч граммов?

Я закрыла глаза, пытаясь осмыслить сказанное. А когда открыла, никого рядом не было. Я коснулась рукой того места, где минуту назад сидело грузное тело. Не было никакого тела — пусто. Я наострила уши и стала напряженно вслушиваться. Никаких особенных звуков. Ни шагов, ни покашливания. Настороженная звенящая тишина, только цикады кое-где потрескивают...

В отличие от прошлой ночи, я не просыпалась каждые полчаса. Прилежно проспала до зари и проснулась в восемь от собственного храпа. Залезла в сумочку — точно, нет паспорта. Лучше бы на пляже украли... Вслед за мной пробудилась тяга к жизни и ее извечный спутник — страх. Я пошаталась по номеру, приняла душ и по прогибающимся доскам коридора побрела на улицу. Ровно сутки назад в это же время я нашла желтое парео. Может, и в этот раз я найду нечто?

В этот раз Всевышний подкинул мне Броньку Хатынскую. Связавшись с Павлом, она для меня умерла. По крайней мере, как человек, способный дать взвешенный совет и разделить чашу страданий. Вот именно в таком «мертвом» виде она ко мне и прикатила — то есть с Павлом. Я стояла на крыльце, гадая, куда податься бедной пострадавшей, и в эту минуту к дому подъехал «кефир», и из него образовались счастливые голубки. Осанистый Павел, поприветствовав меня ручкой, остался бродить по двору, а Бронька полетела ко мне, махая крылышками.

— Пойдем в дом, — буркнула я. — Не могу без слез смотреть на твое счастье.

Она не видела моего угнетенного состояния. Она замечала только себя, и в этом была вся Бронька.

— Как жалко, что ты уже проснулась, — заявила она, падая на мою постель. — А мы хотели тебя разбудить и заняться обустройством твоей личной жизни. Вот взять, к примеру, мою личную жизнь...

— Только не говори, что с таким упоением ты не трахалась со времен развала Союза, — проворчала я.

— Что ты! — вскричала Бронька. — Я с таким упоением не трахалась со времен моего детства! Ты помнишь наше трудное детство? Все эти ленточки, завязочки, платишки-колокольчики... А игрушки? Ты знаешь, что даже английские свиньи должны быть обеспечены фермерами игрушками, чтобы не грызли друг друга...

— А меня чуть не убили... — сообщила я.

— Поздравляю! — воскликнула Бронька, меняясь в лице. — Опять?..

Я кратко изложила ей ситуацию. Бронька поежилась. Затем подошла и потрогала мой лоб. Температуры у меня не было, но лоб почему-то пылал — она отдернула руку, как от плитки. Вернулась к кровати, присела на краешек и задумалась. Продолжалось это действие минут восемь. Я успела сложить в шкаф полотенце, перекурить у распахнутой занавески. Наконец она очнулась.

— Ты не думай, что я вообще тебе не верю. Это неправда, Лидусь. Мало того, понимаю, что ты вляпалась в дерьмо. Но не могу поверить до конца. Во-первых, ты шизанутая писательница, причем больше шизанутая, чем писательница, во-вторых, мне нужно убедиться во всем самой.

— А что нужно сделать для того, чтобы ты поверила? — уныло спросила я. — Умереть по-настоящему? Обыщи эту комнату, Бронька. И ты не обнаружишь мой паспорт. Они сказали, что будут наблюдать за мной постоянно, понимаешь? И еще сказали, что даже твоего Павла проверили, — им, видишь ли, не понравились обстоятельства вашего знакомства. Мне они, кстати, тоже не понравились. Хочешь, назову фамилию Павла?

— Назови. — Бронька резко повернула голову.

— Нестеров.

— Точно, блин... — Бронька вскочила и забегала по комнате.

Тут я несколько слукавила. О Павле Нестерове мне рассказывал не Полипчук, а Рокот — именно его люди проверяли Бронькиного ухажера. Но я сочла допустимым этот маленький обман. Она все равно не узнает, а чем принципиально Рокот отличается от Полипчука, я и сама не знала. Разве тем, что один из них уже в прошлом?

— Говоришь, они постоянно наблюдают за тобой?

— Только и делают, — кивнула я.

— Хорошо, пойдем во двор. — Она за руку вывела меня из номера и по просевшим половицам потащила к выходу.

Слава богу, население бунгало еще мирно досыпало, и никто не видел метания этой кудрявой дамочки. Павлу надоело без дела болтаться по двору, он сидел в машине и крутил ручку настройки приемника. Увидев нас, сделал попытку выбраться из машины.

— Сидеть! — вскинула руку Бронька. — Подожди еще полчаса, милый, любимый, единственный, и мы продолжим наши занятия... Я прогуляюсь вокруг твоей халупы, — объяснила она мне. — Если спецслужбы вконец распоясались, обнесли тебя забором и роют окопы, мы будем биться за твое выдворение из страны...

Я удалилась в номер и от нечего делать принялась перебирать сумку — не пропало ли еще чего? Затем исследовала распахнувшуюся дверь — замок не взломан. Бронька объявилась

минут через двадцать, хмурая, как грозовая туча.

— Со всеми гэбэшниками разругалась? — поинтересовалась я.

— Ни одного не видела. — Она с любопытством посмотрела на меня и поджала губки. — Дважды обошла ограду, по пляжу побродила, к санаторию вышла. Во все канавы заглянула. На деревьях посмотрела...

— И совсем никого? — расстроилась я.

— Ну не сказать, чтобы уж совсем. Из санатория потихоньку выползает народ — движется в столовую. Священник православный протопал по дороге. Ах да, собака еще пробежала, рыжая такая, с оборванным ухом, очень подозрительная.

Она продолжала меня разглядывать, как музейный экспонат, недавно извлеченный из запасников, представляющий интерес лишь для знатоков.

— Ладно, я шизую, — согласилась я.

— Я так и думала, — облегченно вздохнула Бронька. — Знаешь, Лидок, я тут думала, думала... И знаешь, что придумала? Тебе нужно развеяться. Нет, серьезно. Я недавно из Интернета скачала описания маршрутов, предоставляемых крымскими бюро путешествий и экскурсий. У всех одно и то же, но выбор впечатляет. Съезди в Балаклаву, что ли? Гроты «Затерянного мира», запомни. Это дичь полная, красота необыкновенная, что тебе еще надо? Вся шиза выйдет, как похмелье. А потом мы займемся обустройством твоей личной жизни, договорились?.. Ну давай, родная, лечись, а я побегу, ладно? Там Павлик ждался... — Она чмокнула меня в макушку и вышмыгнула в коридор. Представляю, какое облегчение испытала Бронька за дверью...

Настала оглушительная тишина. Я растерянно смотрела на дверь — не откроется ли? «А почему бы и впрямь не развеяться? — вдруг подумала я с вызовом. — Сидеть в четырех стенах и трястись от страха? Лежать на пляже? Бродить по городу? Пройти очередную антистрессовую терапию?»

Определенные резоны в моих выводах, безусловно, присутствовали. Экскурсия по гротам «Затерянного мира» — бальзам на раненую душу. А вдруг именно там я найду избавление от всех бед? И какие, собственно, у меня причины бояться? Толпы людей, автобус, экскурсовод, не удайся никуда, и ничего тебе не будет...

С ближайшими планами я наконец определилась. Переоделась в глаженое — в салатную тенниску и синие шорты на завязочках; рассовала по карманам гривны, сигареты, ключ, надела босоножки с ремешками на голени (такие ни в воде, ни в горах не свалятся) и покинула душные стены. Незаметно выскользнуть из дома, впрочем, не удалось. «Заминированная» половица в коридоре призывно заскрипела. Немедленно отворилась дверь справа, и показалась непричесанная Рита Лесницкая в халате. Она выглядела очень подозрительно. (А как еще может выглядеть потенциальная контрабандистка Ольга Юрьевна?)

— Мы не виделись два дня, — недовольно заметила Рита. — Вчера стучалась к тебе весь день, искала на пляже и по всем значным местам. Ты знаешь, я начала волноваться.

— Ты знаешь, я тоже, — призналась я. — Все никак не могла себя найти. Слава богу, сегодня мы встретились. А что случилось?

— Да никакой пока трагедии. Просто после гибели Ларисы... — Рита мучительно изобразила печаль, — возникла какая-то гнетущая обстановка... Знаешь, у меня отшибло желание тупо отдыхать.

Я с ней согласилась:

— И мне не по себе, Рита. Не могу ходить на пляж. Вижу ее перед глазами и ничего не могу поделывать... Ко мне подруга из Сибири приехала, я ей город показывала. Ну и все такое...

Я продолжила движение.

— А ты как относишься к «фрилав»? — спросила она в спину.

Я остановилась. Немножко подумала.

— Ну не сказать, что я пионерка, которая всегда готова... Больше уважаю «лав-стори». Хотя при некоторых обстоятельствах согласна и на «фрилав-стори». А что?

— Поступило предложение, — туманно начала Рита, — нужны соучастники, а в остальном — полный пансион. Домик на взморье, триста гривен с носа. Желательна экипировка в стиле колготок «открытая попка»... Я, в отличие от некоторых, не зря болтаюсь по Жемчужному.

— Обсудим, — кивнула я и под стук закрываемой двери продолжила движение.

На крыльце столкнулась с Соней. Она поднималась по ступеням, растирая спину полотенцем. Очень подозрительная особа.

— Привет, пропащая душа, — поздоровалась Соня. — Ты зачем в землю закопалась?

— А я овощем себя почувствовала. Только не говори, что искала меня весь день, — это не звучит.

— Да больно надо, — фыркнула Соня, — у меня есть дела поважнее. Ты знаешь, что между Жемчужным и Балаклавой в бухте Робинзона открылся пляж любви?

— Еще один нудистский пляж? — удивилась я. — Благодарю покорно.

— Ты темная, как южная ночь, — ухмыльнулась Соня. — Пляжи любви — это такая штука... м-м, ну, в общем, они запрещены. Открытые пляжи любви существуют только в Таиланде, а во всех остальных странах это дело уголовно наказуемо, в том числе в Крыму. Но здесь, я слышала, это дело курирует мафия, поэтому закон отдыхает. Объясню в двух словах — это место, где собираются местные парвеню, эммашоэли, влюбленные, озабоченные, извращенцы, любопытные и без смущения, на виду у всех, отдаются греху. Можно являться парами, можно поодиночке — там найдешь себе пару... Я уже решила для себя: пока не схожу на пляж любви, пока не посмотрю, что это такое, домой не поеду. Составишь компанию?

— А просто посмотреть нельзя? — спросила я. — Не участвуя?

— Можно, — кивнула Соня. — Но, говорят, это абсолютно тупиковый вариант. Невозможно, не совершая адекватных действий, созерцать весь этот срам. Поначалу ты возмущен — мол, куда катится мир, — потом понимаешь, что он уже прикатился и катастрофически гибнет, а потом тебя обуревают зависть: на каком, простите, основании мир гибнет без твоего участия?

— Обсудим... — Я сделала заинтересованное лицо и пошла дальше своей скорбной дорогой.

Почему-то сегодня я решила выйти «официальным» путем — через калитку. Именно там меня и подждал Алик. Он нынче щеголял в старых штанах и абсолютно новой косынке — серо-буро-малиновой. А в остальном все тот же Алик — улыбчивый, с чистой шевелюрой.

— Как треснуло меня в лоб, Лидия Сергеевна, — сообщил Алик, демонстрируя тщательно отдраенные зубы, — что вы сейчас выйдете. Дай, думаю, постою у калитки, смотрю — точно...

Меня сжало, будто шайбу под гайкой. Он смотрел на меня, улыбаясь, и глаза у него улыбались, и остальные части тела улыбались, а все равно я задеревенела. Плохо мне стало.

— Вам нехорошо? — чуть тускнея улыбкой, осведомился Алик.

Мне было стыдно, но я не могла с собой справиться.

— Ты не появлялся два дня, Алик, — пробормотала я за неимением других слов. У него аж глаза на лоб полезли.

— Я не появлялся? Да как вам не совестно, Лидия Сергеевна!.. Это вы не появлялись. Первый вечер я часов до пяти кружил по пляжу, а вчера — допоздна. Вы так и не пришли. И в бунгало вас не было...

Он следил за мной... Или нет? Какие у меня основания? Ведь Алика я знать не знаю. Подумаешь, посидели на закате, по городу прошлись, «испанское» кафе посетили...

— Вы очень бледны, — расстроено отметил Алик. — А куда вы собрались, Лидия Сергеевна? Может быть, мы смогли бы... Я имею в виду, что... Ну, вы понимаете...

Весьма отчетливо. В любом месте веселее вместе, он в этом не оригинален.

— Черт! — хлопнула я себя по лбу. — Деньги дома оставила, вот голова садовая... Алик, ты подождешь меня здесь? Я сейчас вернусь.

— Конечно, Лидия Сергеевна!

Испытывая некоторый стыд, я вернулась в бунгало. Открыла комнату и заперла дверь за собой. После чего распахнула окно, огляделась. Вылезла в сад и плотно притворила за собой раму. Воровато поозиравшись, зашла за кусты и двинула напрямик, к доске зеленой. Возможно, я переживу вечернее объяснение с Аликом, но вот глупый страх, обуявший меня, пережить уже не в силах...

Глава девятая

Ненадолго хватило моего успокоения. Первый тревожный звоночек раздался, когда я подошла к автобусу «Крымтура» с надписью «Балаклава» и пристроилась в хвост короткой очереди. Экскурсовод Наташа продавала билеты на свободные места. Экскурсия начиналась в десять, я подошла без четверти. За мною сразу выстроился хвост.

— Это к гротам? — спросила брюнетка в черных очках. Я ответила утвердительно.

Подошли другие люди, пристроились за брюнеткой. Я не смотрела им в лица, мало ли отдыхающих желают прогуляться? Протянула деньги светловолосой симпатяшке — тут и прозвучал тревожный звоночек по мою душу. До поры неясный, тихий. Из-за гула толпы и музыки, бьющей по ушам, я его едва расслышала. Но ощутила беспокойство. Получив корешок билета, вошла в автобус и села на свободное место за спиной водителя. Как выяснилось, это и стало моей тактической ошибкой. Я должна была рассмотреть лица людей, вошедших за мной в автобус, дабы не плутать потом в потемках.

Но это было потом, а пока я смотрела в окно на живописные рощицы вдоль обочины, на бескрайние просторы Балаклавской долины и от нечего делать слушала Наташу. Экскурсовод попалась говорливая, трещала без умолку. Я узнала, что славный город Балаклава, в который мы направляемся, кого только не кормил. Еще в седьмом веке до нашей эры здесь находилось поселение тавров. Тавров выбили греки, назвав знаменитую Балаклавскую бухту гаванью Предзнаменований. Греков выбили листригоны — великаны-людоеды, с которыми и столкнулся Одиссей с компанией во время своих странствий. Жуткие листригоны либо вымерли, либо сами поели друг друга, поскольку во времена римского владычества в Балаклаве стоял их гарнизон, о чем свидетельствует благополучно раскопанный в девяносто шестом году комплексный храм Юпитера — покровителя римлян. После Рима Крым подвергся разорительному нашествию гуннов. Далее город-захватывали генуэзцы, им на смену приходили турки, турок удаляли англичане, изобретшие маску «балаклаву» и утопившие свой же фрегат «Черный принц», сокровища с которого ищут до сих пор; англичан заменило безвластие, за безвластием явился царизм, превративший Балаклаву в местечко вельможных вилл, а затем пришли коммунисты и, как водится, все испортили.

Теперь Балаклава — довольно унылый городишко.

Автобус остановился на центральной площади в теснине бухты — в двух шагах от пристани.

— Всем внимание! — объявила Наташа. — Совершаем морскую прогулку, купаемся в гротах, отдыхаем, смотрим пейзажи, после обеда собираемся здесь же и дружно отправимся на Крепостную гору, чтобы обозреть величественные останки генуэзской крепости.

Полсотни человек, увешанные детьми и фотоаппаратами, послушно двинулись на причал... На причале, под увесистым медным колоколом, символизирующим все морское, и прозвенел второй тревожный звоночек...

У этой экскурсии, оказывается, имелась своя специфика! Невозможно совершать заплывы к «Затерянному миру» такой толпой. Для этого требуется средних размеров теплоход. А теплоход в гроты не пролезет, в силу чего теряется непосредственный контакт с дикой природой. А стало быть, теряется очарование от поездки. Поэтому группу разбивают на шесть маленьких подгруппок, рассаживают на маленькие яхты, придав каждой опытного

шкипера, и каждая подгруппа отдыхает самостоятельно. Шесть цветастых суденышек уже покачивались у пирса. Они не очень ассоциировались с понятием «яхта». Одни походили на катера, другие на сплюсненные ботики, а последний и вовсе — на какую-то овальную банку с сиденьями вдоль бортов и возвышением для штурвала в кормовой части. У него имелось одно неоспоримое преимущество перед прочими — навес из камуфляжной маскировочной сети. Впрочем, экскурсовод доходчиво объяснила, понизив голос: не надо спорить с местными мореходами о характеристике предоставленного судна. Если ржавое корыто имеет мотор, а к тому же и парус — стало быть, оно яхта.

— Так! — хлопнула в ладони Наташа. — Живенько распределились по восьмеркам! Жены к мужьям, дети к родителям, друзья в кучку и так далее! Первая восьмерка — ко мне!

Народ задвигался. Кто-то отхлынул от меня, кто-то прилип. Я тоже задвигала локтями, чтобы оказаться в первых рядах. Уж больно заманчиво смотрелся солнцезащитный навес над овальной банкой. На нее я в итоге и попала. С кучкой других людей.

Надо же оказаться такой дурой! Я сидела на банке, сжав коленями руки, и тряслась от страха. Ну почему я такая идиотка? Почему слушаюсь Броньку, хотя давно пора понять, что этого делать нельзя! С чьей подачи я поехала в Крым? По чьему совету купила парео? Кто рекомендовал мне эту экскурсию?..

Впрочем, поначалу все было благопристойно. Хрупкая Наташа осталась в Балаклаве, а руководство нашей группой взял на себя шкипер по имени Боря. Он же кормчий, он же экскурсовод. Настоящий морской волк — молодой, поджарый, с выбеленными на солнце волосами. У него так красиво играли мускулы, что я поначалу засмотрелась. Однако окружающие нас красоты были все-таки привлекательнее — они, по крайней мере, менялись. Полчаса мы тащились по извилистой бухте, окруженной массивными горами. Самая высокая гора оказалась самой потрясающей.

— Посмотрите направо! — перекрывая стук мотора, прокричал Боря. — Перед вами — уникальнейшее творение человеческих рук! Эта огромная гора прятала под собой мощнейшую базу по ремонту подводных лодок! Целый завод с огромными цехами и мастерскими! Аналога в мире нет и никогда не будет... Мы проплываем мимо шлюза, через который в док входили лодки! А выходили они уже в подводном положении — на другом конце горы! Я покажу вам выпускные ворота... К сожалению, база заброшена! При разделе Черноморского флота СССР к России отошла база в Северной бухте Севастополя, а завод в Балаклаве достался Украине! В Севастополе все прекрасно, а вот украинское правительство не смогло продлить существование своей базы. Первый год выставляли посты, потом их сняли! И тут же через шлюзы устремились охотники за цветным металлом, мародеры, просто авантюристы! Сколько человек погибло, не сумев выбраться из лабиринтов завода! Сколько покалечилось, пропало!.. Там настоящий железный город — мрачный, мертвый, таящий множество ловушек! Вы не поверите — даже по прошествии многих лет по ночам можно-услышать металлический лязг из сердцевины горы! До сих пор там бродят так называемые сталкеры, не потерявшие надежды пожить!..

Возможно, под впечатлением нарисованной картины во мне и зашевелились первые страхи. Поначалу недостойные внимания... Мы выходили из бухты, когда прозвенел третий звонок.

— Посмотрите налево! — крикнул Боря. — Перед вами Крепостная гора, а на ней останки генуэзской крепости! Именно здесь в годы Великой Отечественной войны

обрывался южный фланг огромного советско-германского фронта!

Я посмотрела налево вместе со всеми. Вернее, все посмотрели налево, а мне, как сидящей на передней банке, пришлось практически обернуться. Тут и началось... Ни крепость, ни укачивание в этом новом витке маразма не виноваты. Заработала интуиция и какие-то, видимо, чувствительные точки на затылке, воспринимающие враждебный взгляд: свой — чужой... Не стоит лишний раз повторять, что все свои остались дома. Я чуть не подавилась этим откровением. Словно кто-то взял мою голову в клешни и безжалостно сдавил. Страх охватил меня — великий, неостановимый... Ну почему я такая идиотка?

На меня нехорошо посмотрели. С этой минуты экскурсия превратилась в сущее наказание. Яхта вышла в море — синее-пресинее, развернулась под горой-левиафаном и поплыла на восток, где береговая полоса представляла собой сплошные камни. Боря-шкипер заунывно перечислял местные символы, а я сидела, подрагивая, тупо улыбалась и подсматривала за членами «экспедиции». Кроме меня их было семеро. Подозрительны были все — даже подросток лет тринадцати с надутой физиономией. Люди сидели по бортам, и периодически кто-нибудь из них смотрел на меня. В этом не было бы ничего странного, если бы... не этот взгляд в спину. Думаю, это не эсбэушник Полипчука, приставленный меня охранять, — зачем ему так смотреть? Это не мог быть человек покойного Рокота — их войско деморализовано. Это мог быть только...

Впрочем, я могла и паниковать — в этом нет ничего необычного. Но чем дальше мы плыли, тем больше крепла уверенность, что дела мои неважны. Их было семеро: капризный подросток с серьезной женщиной моих лет; хмурый тип с трехдневной щетиной; семейная пара — немолодая, но явно склонная к экстриму; еще двое — вроде отца с сыном: у сына бицепсы, да и папа не слабак...

Хмурый тип с трехдневной щетиной беспрестанно курил. Иногда бросал на меня не очень ласковые взгляды, но, впрочем, без видимой угрозы. Сынок также посматривал в мою сторону, стараясь выглядеть суперменом. Лысоватый мужик с крепкой шеей — по виду вылитый «папка» — иногда перехватывал его взгляды, ухмыляясь при этом в колючие усы. При этом все перечисленные умудрялись вертеть головами, впитывая впечатления, чего никак нельзя было сказать обо мне.

А лодка между тем продолжала тарыхтеть вдоль береговой полосы. За кормой осталась «Спящая красавица» — высоченная скала, имеющая в верхней части профиль лежащей женщины. Черда островерхих глыб-островков на фоне заросших соснами холмов. Показалась сплошная каменная стена, под крутым углом сползающая в море. В ней и притулились гроты — черные трещины у самой воды. В одну из таких узких пещер мы и вошли, сбросив ход до минимума. Дамочка взвизгнула, когда огрызок скалы чуть не протаранил борт. Снисходительно посмеиваясь, Боря-шкипер оттолкнулся рукой от стены. Лодка сдвинулась в центр и остановилась в сужающейся горловине грота.

— Можно нырять, — великодушно разрешил Боря. — Дальше не протиснемся, ну ее на фиг.

«Сынуля» мигом разоблачился до плавок, эффектно вошел в воду. Вынырнув, ухватился за острые гребни, стоящие частоколом, и полез на стенку. Добравшись до ниши, образованной сдвинутыми пластами, принял небрежную позу, в коей его и запечатлел из мыльницы «папуля».

— Тетя Таня, и я так хочу, — капризно заныл отрок.

— Перебьешься, — спокойно ответствовала дама, нарочито медленно оголяясь до

купальника.

Все как по команде оставили свои насущные дела: «сынуля» из ниши перестал пялиться на меня, а переключился на соседку, «папуля» сделал второй снимок, чем ничуть не смутил даму; щетинистый тип попридержал у рта зажигалку, а затем и вовсе отложил сигарету; у мужа экстремалки обнаружилось временное косоглазие; шкипер Боря одобрительно захмыкал; и лишь одна экстремалка отнеслась к эротической минутке без понимания.

— Вы ныряете, девушка? — строго спросила она меня.

— А что? — пробормотала я.

— Ничего. Вы лестницу загораживаете.

Вот балда. Я машинально подвинулась. Она ступила на закидной трап, опустилась по грудь и поплыла, загребая сильными руками.

— Странно, — обернулась она к мужу, — я считала, что вода будет холоднее.

— А здесь вода слоями, — объяснил шкипер. — Верхний слой теплый. А если хотите попасть в холодный, придется хорошо нырнуть. Но я бы не рекомендовал...

Этого оказалось достаточно, чтобы все колеблющиеся оказались в воде. Щетинистый по примеру «сынули» сиганул с борта, остальные воспользовались трапом. Последним по ступеням съехал подросток — вцепился в нижнюю перекладину и прилип с визгом к яхте. Сопровождающая его дама на чадо даже не оглянулась — она уже уплывала в темень грота.

Осталась только я.

— Вы боитесь, — хмыкнул шкипер. — Утонуть не успеете, не бойтесь.

— А глубина здесь большая? — обреченно спросила я.

— А кто же ее мерил, — пожал плечами Боря. — Метров тридцать — сорок. У этих скал в девятнадцатом веке английские корабли в охотку тонули.

Я разделась и вошла в воду. Не будет злоумышленник при всех чинить мне каверзы. А утонуть по неосторожности я не боялась. Такие, как я, умирают от рук тех, кого они достали!

На борт я тоже поднялась после всех, когда последнее подозрительное лицо покинуло воды грота. Позже мы опять пару раз останавливались, когда догнали одну из яхт нашей туристической группы (я хотела перескочить на нее, но, пока грызла ногти, терзаемая сомнениями, лодки расцепились), и второй раз — у весьма подозрительного отверстия в монолите, из которого под напором выдувало брызги воды.

— Салон красоты, — туманно бухнул Боря. — Пока все туда не поднырнут, дальше не поеду. Сами потом благодарить будете.

— А чего она плюется? — удивился отрок, наблюдая, как из отверстия с громким шипением через каждые семь-восемь секунд осуществляется «пульверизация».

— Ага, — поддержал «папуля». — Можно подумать, там сидит здоровяк вот с такими щеками и дует.

— Просто замечательно, — устранила сомнения экстремалка. — Чем труднее, тем лучше. Замкнутое пространство с единственным отверстием. Воздух поступает с волной, ему необходим выход, что он и делает. Элементарно. Полагаю, в полный штиль ничего такого не наблюдается.

— Совершенно правильно, — разулыбался шкипер. — Если вы поднырнете, то окажетесь в красивейшей пещере, окруженной нежно-зеленым мерцанием. Не нужно думать, будто это искусственная подсветка: хотел бы я посмотреть, как ее туда проведут.

Диаметр полуотверстия составлял полторы человеческих головы. Я нырнула раньше всех — не оттого, что я такая смелая, а во избежание сюрпризов внутри пещеры. Но сюрприз

поджидал значительно раньше. Я дождалась, пока выдует струю, и, очевидно, просчиталась — поднырнула в тот момент, когда в лицо ударила вода под давлением! Я потеряла весь запас воздуха в легких. Забарахтала руками, проплыла под водой метра два и в панике вынырнула, хватая ртом воздух. Пещера в самом деле была озарена мягко-салатным цветением. Томное мерцание исходило от воды — она была настолько светла и прозрачна, что даже поднятая мной волна не помешала разглядеть продолжающиеся под водой стены. Но радость моя была недолгой — кто-то врезался мне в ноги и потащил на глубину. Я неистово заработала пятками и устремилась в сторону. Кто-то другой уткнулся в спину, придав дополнительное ускорение. Мокрая голова, за ней другая вынырнули напротив, ошарашенно отфыркиваясь.

— Женщина, вы создаете помеху, — возмутился щетинистый. — Отплывайте скорее.

— Вы мне чуть голову не пробили! — воскликнула дама, любительница мелкого стриптиза. — Ну нельзя же так в самом деле!

Забурлила вода, еще одно тело вознамерилось всплыть. Мы пустились врассыпную. Я отплыла подальше — к стене, переходящей в купол над головой. Ухватилась там за выступ, подтянулась и провисела с ним в обнимку, пока народ, шумно восторгаясь, барражировал по гроту. Голова пухла от воды. Разболелось ухо. Изловчившись, я пыталась выбить из него воду. Стало немного легче.

После этого подныривания я больше не рисковала. Вернувшись на яхту, быстренько оделась, зашнуровала «греческие» сандалии и стала ожидать конца экскурсии. Но оказалось, что удовольствие еще в самом разгаре. Мы поплыли дальше. Обогнули скалистый замшелый мыс и за исполинским драконообразным камнем свернули в тихую живописную бухточку, где вода у берега играла голубым перламутром, а камни отступали, создавая идеальное для купания место. Сразу за пляжем, метрах в четырех, начинались каменные лабиринты. За ними, вверх по склону, кустарник, а далее — высоченный холм, до самой макушки усыпанный тонкоствольными мохнатыми сосенками.

— Сорок минут купаемся, — объявил Боря. — Вещи можно не брать, сигареты тоже — курить вредно. А я пока к своим ребятам сметаюсь. С пляжа никуда не разбредаться.

Не пойду, решила я. С Борей останусь, в лодке. И пусть думает, что хочет, мне наплевать. Ни за что не поплыву на этот берег, там — готовая западня...

И снова пронизывающий взгляд в затылок! Лютый холод по коже, несмотря па несусветную жару. Да когда же это кончится, боже ты мой!.. Я суетливо задвигалась — и опять загородила спущенный в воду трап.

— Опять она трап загородила, — посетовала тетка с крепким телом. — Ну что ты будешь с ней делать! Как нарочно...

Кто-то рисковый уже падал в воду. Остальные намеревались воспользоваться трапом. Нырять здесь было небезопасно. То и дело в прозрачной воде просвечивали огромные валуны, покрытые разноцветным лишайником. Меня уже обступали. Шоркались. Самый драматический момент я, конечно, проворонила. Не могла я просто так потерять равновесие! Что произошло? Кто-то пихнул меня, я присела, дабы не грохнуться в воду, и тут последовал четкий толчок!

— Тетя Таня, — завизжал пацаненок, — я ныряю!!!

Не удержав равновесия, я камнем бухнулась в воду! От удара в голове совсем померкло. Бултыхалась в воде кривым поленом, а когда наконец всплыла, двигатель работал на полную мощность, а яхта уже неуклюже виляла задницей.

— Женщина, ну зачем вы так, не раздеваясь-то?! — задорно кричал с кормы Боря. — Постираться решили?

Гнаться за яхтой смысла не было. Всласть позубоскалив, Боря повел яхту в море. Решение созрело внезапно, вместе с первой судорогой, пробежавшей по ноге. К берегу, бегом, раньше всех! Пока остальные весело перекликаются и явно никуда не спешат, я успею доплыть — здесь рукой подать. К черту экскурсию, смыться надо.

Я поплыла широкими размахами к берегу. Краем глаза отмечала, что головы экскурсантов поравнялись со мной, затем начали отставать. Они, вероятно, были удивлены: с чего это вдруг их спутница пошла на олимпийский бросок?..

Я достигла берега секунд за двадцать. Уткнулась в разноцветные камешки, которые лениво облизывала вода. Спокойно, больная, спокойно, не надо резких движений... Стараясь сохранять невозмутимость, я поднялась и побрела на сочно-коричневую глыбу, с которой и начинались хитросплетения заваливших берег камней. Оперлась о него рукой, перешагнула баррикаду из гнилого топляка, выброшенного штормом, свернула за соседний камень... По нужде мне надо, кому непонятно? Выпав из поля зрения экскурсантов, я обошла еще несколько препятствий и встала, напряженно вслушиваясь. Если я правильно рассуждаю, то вражья сила непременно поинтересуется, куда это я намылилась. Так и есть — жуткий страх меня тряхнул! — хрустнул топляк, и где-то рядом грубо чертыхнулись! Какие еще доказательства?..

Пока отпустил столбняк, я метнулась в просвет между камнями, взмыла на гладкий, с прожилками белый валун, перепрыгнула низенький кустик, прошмыгнула между двумя покрупнее... Далее пошел склон, но у меня уже не было времени расстраиваться. Я бежала по мягкому, податливому мху, запинаясь о сучья, виляя между морщинистыми соснами, очень непохожими на наши, сибирские...

Бесподобная экскурсия! Иногда участки леса обрывались, я карабкалась по голым камням, заполнявшим трещины и впадины, опять вбегала в лес, хваталась за стволы, чтобы не упасть, секунду отдыхала и гнала дальше.

Пропоров ногу о сучок, я вскрикнула от боли, схватилась за дерево и машинально оглянулась. Опять меня подбросил страх: через кусты, которые я одолела буквально секунды назад, ломались двое! Трещали ветки, тряслась листва. Их лиц я не видела. Стоять и всматриваться, теряя последние секунды? Нет! Подвывая от ужаса, я бросилась дальше. Уже виднелась вершина холма, свободная от деревьев. Но силы мои таяли — я одолела не меньше трехсот метров по склону, с препятствиями, отбив и изрезав до крови ноги. Я задыхалась, а в глазах уже начинались сумерки, и цвета окружающего мира стали какими-то блеклыми, тускнеющими...

Я уже не бежала, а плелась. Деревянные ноги отказывались нести. Какой смысл? Эти двое все равно выносливее. Я запнулась о корягу — лютая боль пронзила щиколотку — и полетела лицом в мох, но успела сгруппироваться и упала на бок. Потом повернулась на спину, сделала попытку приподняться, но тщетно. Задрав голову, обреченно уставилась на небо, которое в Крыму ясное-ясное, просто нереально лазурное и такое высокое, что в него можно падать бесконечно...

Запыхавшись, подбежали двое. «Папаша» с «сынулей». Оба в плавках, оцарапанные, вроде меня, неприлично возбужденные. У «сынулей» в руках пластиковый кулек. У «папаши» ни черта нет, кулаки сжимает и разжимает — узловатые, мозолистые.

— Допрыгалась деточка, — сплюнув, объявил «папаша». — Все ноги, сука, из-за тебя изрезал...

— Я говорил тебе, Сергеич, — на чистом русском затараторил «сынуля». — Гроты — это херня. Не могла она там спрятать. Прикинь и отправь команду спецов, они за неделю эти гроты прошарят и найдут. Подвези собаку — да она за полчаса этот долбаный схрон локализует. Баба умная. Ночь была, прикинь, да? Бензина в лодке — до усрачки... Она проплыла бухту — и сюда... Помяни мое слово, Сергеич, под Балаклавой где-то укрыла. Стаскала с лодки, закопала, законопатила, а резину сдула и утопила. В игры решила поиграть, Сергеич. Рокоту нервы потрепать и нас одурачить... Ты подумай сам, ну на хрена ей эта экскурсия, ей о деньгах думать надо...

— Да хрен ее знает, — сплюнул «папаша». — Поди теперь допытаться у нее... Неуклюже сработали, Сашок.

— А это мы мигом исправим. — «Сынуля» присел па корточки, потрепал меня по щеке: — Эй, детка, подъем, мы уже прибежали.

Я лежала, равнодушно рассматривая то его, то подельника. От неба я устала — эта бесконечная синева над головой может до одури довести. Однако рановато мне сдаваться. Думать надо, не все я еще додумала.

«Сынуля» ударил посильнее:

— Поднимайся, крошка, есть у нас с тобой одно незаконченное дельце, порешать надо... Поднимайся, сука! — Звонкая пощечина трянула меня. Ублюдок встал и занес надо мной ногу. — Ты что, падла, издеваться будешь? Не наиздевалась еще?!

Нет, я, кажется, все додумала. Вы — самое слабое звено! Прощайте! До чего мне не хотелось подниматься. Не буду, полежу еще...

Прозвучали два слабых, но отчетливых хлопка. Я открыла глаза. Удивительное дело. Просто beautiful life в чистом виде. Пули срезали обоих моих преследователей под коленными суставами. Оба взвыли от боли. Их лица исказились. Рухнули одновременно и принялись кататься по земле, матерно ругаясь...

Подошел щетинистый в «ковбойских» плавках. В одной руке целлофановый кулек, правда пообъемнее, в другой пистолет с навернутым глушителем. Покорябав ребром глушителя висок, задумчиво обзрел орущих, затем направился ко мне. Присел на корточки:

— С вами все в порядке?

Не такой уж безобразной показалась мне его щетина. А лицо не хмурим, а задумчивым. Даже грустным. Правда, волосы были слипшиеся, перепачканные землей — тоже растянулся, бедный, — мне захотелось поднять руку и зачесать их на затылок. Чтобы покрасивее было. Но он бы не понял такого странного жеста.

— Не знаю, — прошептала я. — Дышу, моргаю... Я продолжаю создавать вам помехи?

Он улыбнулся. И сразу перешел к более важным делам. Сидеть у ног дурочки у него, видимо, не было времени. Устало поднявшись, размяв ноги, склонился над «сынулей», который перестал кричать и теперь со злостью смотрел на противника.

— Сука, — сказал он, демонстрируя ограниченность лексики.

Щетинистый ударил его по виску рукояткой. «Сынуля» дернул головой. Щетинистый подошел ко второму. «Папаша» скрипел зубами, извернувшись в неловкой позе. Он пытался обеими руками зажать рану, но кровь продолжала сочиться.

— Падла, — зло прошептал он. Щетинистый ударил и его. «Папик» успел дернуться,

металл рассек кожу.

Щетинистый поднялся, высыпал на траву содержимое трофейного кулька. Внимательно осмотрел компактную японскую рацию фирмы «Сони», отложил в сторону. Остальное небрежно перебрал. Не найдя ничего интересного, бросил на камни. Затем опорожнил свой пакет. Натянул велюровые джинсы, рубашку-мятку, «кухонные» тапочки. Пистолет убрал под рубашку, а из нагрудного карманчика извлек красные корочки и небрежно сунул мне их под нос.

— Вадим Казарновский, Служба безопасности Украины.

— Я уже догадалась, — прошептала я. — Волосы со лба зачешите, а то некрасиво...

Он посмотрел на меня с немым изумлением, поднял руку, помялся, но все-таки сделал, что я просила.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Теперь значительно лучше. И за помощь спасибо, вы как нельзя кстати, а то я уже начала нервничать.

Он тоже позволил себе улыбнуться. Щетинистые губы чуток разъехались.

— А вы думаете, у нас одни дураки работают? — спросил он. И сам же ответил на свой вопрос: — Уверяю вас, не одни дураки.

На этом месте наша милая беседа прервалась. Он поднял рацию, отошел в сторону и безжалостно разmozжил ее о ближайший камень. Затем вернулся, осмотрел мои израненные щиколотки, лодыжки. Мне кажется, ничего серьезного там не было. Мелкие порезы да синяки. Кровь уже не сочилась. Казарновский помог мне сесть, предложил сигарету. Я не отказалась — мой раскисший «Парламент» даже видеть не хотелось. Он дал мне прикурить, затем прикурил сам, молча поднялся и подошел к тем двоим, которые уже начинали шевелиться. Я думала, Вадим опять их ударит. Но он не стал. Постоял, задумчиво покачиваясь на носках, потом вопросительно посмотрел на меня: дескать, не гореть ли нам в аду за такие кандебоберы?

Лично я этих ребят не любила. Оклемаются. О чем и сказала.

— А вот недавно в Бразилии, — добавила я, с наслаждением затягиваясь паршивой украинской сигаретой, — прооперировали человека с одиннадцатью пулями в груди. Они так удобно у него в теле устроились, что приняли решение не вынимать. И не вынули. Он стал тяжелее на сто граммов. Сейчас человек чувствует себя хорошо, идет на поправку.

Он посмотрел на меня, как на не вполне нормальную.

— А вот тоже был случай, — несло меня. — Пожилой немец пришел на осмотр к дантисту. Сделали рентген и обнаружили в шее у старика русскую пулю. Думал фашист, думал, вспоминал и вспомнил, как в сорок четвертом в Восточной Пруссии его танк попал под обстрел, и что-то легонько царапнуло по шее. Представляете? Шестидесять лет с пулей прожил, и никакого беспокойства. Решили оставить — не дело же будоражить человека на старости лет...

Я думала, он хотя бы кулаком по голове постучит. Но нет, не стал. Он затушил сигарету, помог мне подняться, отряхнул одежду. И делал это с таким невозмутимым лицом, что я подумала, будто он женат. Причем безнадежно счастливо. Хотя кольца на руке не носил.

— Вы совершаете необъяснимые поступки, Лидия Сергеевна, — сказал он, когда, по его мнению, я стала выглядеть лучше. — Это не мое, конечно, дело, я рядовой исполнитель, но хотелось бы знать: с вами это часто случается?

— Сколько помню, всегда вела борьбу с превосходящими силами зла. Меня постоянно пытаются убить.

Тут я, конечно, набивала себе цену. Во-первых, только раз пытались убить, в злополучной дачной истории, во-вторых, хотели ли это сделать «папик» с «сынулей» — вопрос сложный. Хотя как сказать — Ларису Куценко тоже сначала убивать не планировали, а чем кончилось?

Гэбэшник угрюмо помолчал. Профессиональная выдержка не позволила выразиться по-военному прямо.

— Приготовьтесь к затяжному переходу, — вздохнул он. — За холмами должна быть дорога, но я не уверен. Эта местность сильно изрезана. Можем потерять время. Пойдем параллельно берегу, через бухту Робинзона... И не шагайте широко, — он позволил себе ухмыльнуться в стальную щетину, — штанишки порвете. Узенькие они у вас.

— А на экскурсию не вернемся?

— Вам не хватило развлечений? — Гэбэшник посмотрел на меня строго, но в глубине глаз притаилась улыбка — Вам не кажется, что по возвращении с экскурсии вас могут ожидать?

Крым не тайга, здесь гораздо уютнее. Мы шли по холмам, мимо редких кустиков и сосенок. По приветливой травке. Обходили скалистые утесы. Хорошая беседа сокращает дорогу, но мы почти не разговаривали, поэтому тянулись целую вечность, пока не уперлись в стену кустарника. Неподалеку шумел прибой, кричали чайки, доносился гул цивилизации.

— Сбиться не могли, — пожал плечами гэбэшник. — В этих краях единственная бухта — Робинзона. Я не был в ней целый год, в принципе она не должна переехать.

— Эта бухта чем-то знаменита? — поинтересовалась я.

— Да нет, ничем. Если за год не произошли изменения... Песочек там особенно красивый. Теплый такой.

Он раздвинул ветви и помог мне пробраться через карликовые деревца, усыпанные овальными кожистыми листочками. Мы уткнулись в какую-то каменную изгородь — вроде тех лабиринтов, по которым я уносилась от «папика» с «сынулей», только более плотную. Предстояло либо идти в обход, либо пытаться перелезть, рискуя последним здоровьем.

— Пойдем в обход, — вздохнул Вадим. — Должно же это несчастье где-то кончиться.

— Эй! — раздалось у нас за спиной. — Вы что, новенькие? Сюда проходите, здесь тропа.

Мы резко обернулись, он даже бросил руку за спину... Но так и оставил ее под ремнем, на шершавой табельной рукоятке. Мы онемели от изумления. Из кустарника выбралась абсолютно нагая девица в шлепанцах — крутобедрая, со взбитой шевелюрой. Когда мы обернулись, она одной рукой чесала попу, другой указывала прямо перед собой. Убедившись, что мы ее услышали, девица мазнула глазками по Вадиму, игриво вильнула кормой и скрылась.

Мы посмотрели друг на друга. Помолчали. Поняли по глазам, что каждый увидел примерно то же, что и другой.

— Что думает по этому поводу всезнающий чекист? — спросила я.

На мой вопрос был единственный правильный ответ: мол, когда видишь эта, то вообще перестаешь о чем-либо думать. Он и ответил примерно так, не покривив душой. Потом добавил, что следует воспользоваться указанным проходом, поскольку неизвестно, во что выльется «объездная» дорога, а выйдя к бухте, уже не промажешь, и минут за сорок мы дойдем до Жемчужного.

По узкой, снаружи почти невидной тропе мы вышли к бухте. И за первыми же камнями, в тени развесистой белой акации, напоролись еще на одно потрясающее явление.

В самом действии, свидетелями коего мы стали, не было ничего возмутительного. Тем более неестественного. Нормальное, заурядное действие. По-английски говоря — акт. На подстилке раздувающимися ноздрями вверх лежало существо мужского рода и ничего не делало. На нем в позе наездницы восседало существо женского рода. Оно и выполняло за мужика всю трудную работу. Причем делало это вдумчиво, с интересом. Буря в от ношениях полов еще не грянула, поэтому на самом кончике носа у существа женского рода скромно покоились очки. Не такие, что для пляжных понтов, а для людей с ослабленным зрением. Возможно, в параллельной жизни существо работало либо библиотекарем, либо учителем музыки.

Заметив, что кто-то идет, верхнее существо проявило зачаток разума, чуть скосило глаза (нижнее существо никак себя не проявляло, возможно, оно было резиновое). Мы остановились, остолбенев. Девчонка сделала умоляющие глаза:

— Ребята, ну вас на фиг, проходите. Сейчас начнется...

Мы чуть не побежали, пока не «началось». За акацией Вадим неожиданно остановился, повернул ко мне разгоряченное лицо. На загорелом лбу парня играли солнечными зайчиками бисеринки пота.

— Влипли, Лидия Сергеевна, — заговорил он возбужденно, — раньше здесь ничего подобного не было... Хотите вернемся? Обойдем это поле разврата? Подумаешь, часок потеряем, ничего страшного.

И тут вдруг в моем мозгу вспыхнуло словосочетание «бухта Робинзона». Его произносила Соня Зырянова сегодняшним утром в связи с «недавно открывшимся» под эгидой мафии пляжем любви — эдаким теплым местечком, где все поголовно предаются пороку. Повального соития здесь, впрочем, не наблюдалось (было бы странно заниматься этим в режиме нон-стоп). Но даже увиденное повергло меня в шок. Это было очень красивое местечко. Мыс на востоке служил частичным волноломом: волны с моря набегали до предела сплюснутые, гладенькие. Золотистый пляж замыкали скалы, образуя почти идеальный полукруг. Народу хватало — и в воде, и на суше. Мы брели через пляж, привыкая к новизне. Одежды на присутствующих почти не было (в основном шляпки, панамки, у кого-то пляжная обувь), но отличие от нудистского пляжа, разумеется, было. Главное — на нудистском пляже никто не занимался любовью. Там не было откровенных поз и прилюдных эякуляций. Там все было чинно. В бухте Робинзона позволялось все! Даже однополые и групповые соития!

Наплевать на все! Не хочешь присутствовать — убойся и уйди. Не приветствовалось лишь одно: домогаться человека, вас не хотящего! Тоже своего рода кодекс, правда максимально упрощенный.

Ближайшая от нас парочка уже закончила. Девушка стыдливо прикрыла носик панамкой, партнер тяжело дышал, обливаясь потом. Напротив двое однополых голубков — одни во всем мире! — поедали друг дружку глазами и хрустели шоколадной оберткой. Не доев, бросились целоваться. Меня чуть не вытошнило. За ними, замерев в восхищении, наблюдала женщина с плоской грудью. По понятным причинам, партнера у нее не было. А видимо, хотелось. Даже самого заваливающего...

— Послушайте, — прошептала я, — Вадим... Как, простите, ваше отчество?

— Андреевич... — слишком долго вспоминал чекист.

— Послушайте, Вадим Андреевич... А у вас жена есть?

Это был, наверное, самый дикий вопрос в данной ситуации, но мне до зарезу хотелось знать.

— Пока нет, — почти без запинки ответил Вадим.

— Хороша формулировочка, — пробормотала я. — Это как?

— У меня невеста в Симферополе... Галей зовут.

Ненавижу имена, начинающиеся на букву «Г». Особенно женские. Особенно «Галя». Впрочем, какая разница? Главное — фамилия у будущих супругов будет знаменитой...

— Послушайте, Лидия Сергеевна; я понимаю, вы не готовы к данному зрелищу. Давайте пожалеем ваши нервы. Вы закроете глаза, а я возьму вас за руку и переведу через майдан... в смысле через этот начиненный грешниками пляж...

Я живо представила себе эту картину (особенно Олега в роли собаки-поводыря) и истерично захохотала. Он посмотрел на меня с испугом, глаза завязывать не стал, но на всякий случай взял за руку. Оборвав смех, я уверила его, что все нормально, что нужно если и не испытать, то рассмотреть все. Особенно такое. Мы двинулись дальше, держась, словно первоклашки, за руки. «Робинзонада» продолжалась.

Выход с пляжа просматривался на северо-восточной оконечности бухты — из зарослей выходили люди. На той стороне, очевидно, имелась тропа, ведущая в город. Нам осталось пройти совсем-немного.

— Вы платили? — строго поинтересовался совершенно одетый господин на выходе. Он сидел на раскладном стульчике, собирал плату с входящих и пристально рассматривал выходящих.

— Д-да, — сказала я.

— Не помню, — покачал головой субъект. — У меня идеальная память на лица, а вас я вижу впервые. Оплатите, пожалуйста.

— Сколько? — полез за деньгами Вадим.

— По десяточке.

— Однако... — Он отмусолил от тонкой пачки две коричневые купюры и вручил служителю.

Служитель вежливо поблагодарил. Вадим сдержанно выразил признательность за полученное удовольствие.

— Приходите еще, — ответствовал стражник. — Мы всегда открыты для вас. Ночью дешевле.

— Я должна вам десять гривен, Вадим Андреевич, — серьезно заметила я, когда мы отделились на безопасное расстояние. — Мои деньги жутко промокли. Не хотелось бы отдавать их вам в таком гадком виде.

Казарновский наконец отпустил мою руку, сел на камень у обочины и стал нервно хихикать. Я села с другой стороны камня и тоже разразилась нездоровым смехом.

Глава десятая

Из телефонной будки в кривом переулочке вблизи Береговой он кому-то позвонил. После чего довел меня до санатория.

— Дальше шагайте самостоятельно, — сказал он, пряча глаза. — Вас охраняют люди Полипчука, не забывайте.

— Подождите! — растерялась я. — А как мне вас найти?

— Никак... Не надо меня искать. Мы всегда рядом... Не я, так кто-нибудь другой.

Он торопливо кивнул и растворился за кустами. Я опять ощутила страх. словно не было двухчасового перехода, не было чекиста, а двое уродов в плавках засели где-то в кустах.

— Сволочи, — горько заявила я в пространство. — Все вы — безнадежные сволочи. А вы, Вадим Андреевич, в первых рядах, глупый вы моллюск...

Тащиться через кусты, отгибая доску зеленую, не было ни сил, ни желания, ни настроения. Я потащила в обход, через «официальную» калитку — пусть меня встречают. В комитет по встрече на сегодняшний день входили Бронька, ее хахаль Павел и обе мои соседки — Соня с Ритой. Все они обсуждали на крыльце мое отсутствие. Бронька возмущенно жестикулировала, Павел отмахивался, дескать, все преходяще, а Софья с Маргаритой дружно пожимали плечами. Первая при этом активно работала эспандером, а вторая старалась произвести впечатление на Павла. Он-то и заметил меня первым — боязливо мнущуюся у калитки. Робко тронул бушующую Хатынскую за плечо. Бронька отмахнулась — отстань, не до тебя. Он снова тронул. Она повернула к нему раздраженное лицо. Павел взял ее за плечи и развернул в мою сторону. У Броньки аж кудряшки зашевелились.

— Что за хрень, Лидок! — затрещала Бронька. — Мы поехали встречать твой автобус! Нам сказали, что четверо экскурсантов пропали, что милиция ищет их по всему взморью! Ты что, подруга, вконец сбесилась?!

— Спасибо за экскурсию, Бронька, — сдержанно ответила я. — Ты будешь удивляться, но меня по твоей милости опять чуть не ухайдакали.

Как так! Она затянула старую песню с известными словами: горбатого могила исправит, свинья везде найдет грязь, а волка сколько ни корми, а смотрит он исключительно в лес. Потом внезапно заткнулась и внимательно стала изучать мое лицо, словно впервые увиденную карту мира.

— Ну хорошо, — сказала Бронька, сбавив обороты, — я готова допустить, что тебя чуть не ухайдакали, косвенное подтверждение тому — расцарапанные ноги. Но объясни мне, где ты была еще?

— Я была на пляже любви, — гордо объявила я.

— С кем?.. — побледнев, прошептала Бронька.

— С гэбэшником.

Она временно выбыла из дискуссии на тему «где меня носили черти». Подошел Павел, немного привел Броньку в чувство. Рита с Соней остались на крыльце, посчитав нетактичным вмешиваться в дружеские разборки. Соня продолжала разминаться с эспандером, а Рита и вовсе удалилась в дом.

По заявкам слушателей я обрисовала некоторые энергичные моменты уходящего дня, скрыв некоторые другие. Павел как-то странно морщился, хотя слушал с интересом, а

Бронька просто сходила с ума. Она разжимала и сжимала кулачки, глядя на мои травмированные ноги, а когда я закончила, объявила торжественно:

— Ты должна немедленно депортироваться из этой страны. Хватит, Лидок, попила ты моей кровушки.

— Паспорт похищен гэбэшниками, — терпеливо объяснила я. — А без паспорта я депортируюсь только в тюрьму. Можно, конечно, подать жалобу в российское консульство в Симферополе, если такое есть, или, скажем, в посольство в Киеве, или в международный трибунал в Гааге...

— Мы будем жаловаться во все инстанции, — отрезала Бронька. — Так я этого не оставлю!

— В самом деле, Лида, — улыбнулся Павел, — надо вам поскорее выбираться из этой страны. Доотдыхаете где-нибудь на Алтае...

Остаток рабочего дня мы с Бронькой только тем и занимались, что жаловались во все инстанции. Почему я купилась на очередной ее задвиг, объяснить невозможно. Было ясно с самого начала — нам дадут от ворот поворот. В лучшем случае поиграют нами в футбол, в худшем — упекут за решетку...

Мы крутились на «кефире» по административному центру городка, хотя лично мне все уже было по барабану. Но Бронька упорно давила на принцип. «Никакой пощады жалким чинушам», — весьма туманно сформулировала она. Мэрия, милиция, бюро регистрации приезжих, суд...

Заколдованный круг, из которого единственный разумный выход для постороннего — через повешение. «У этой женщины, — заявила Бронька в первом же кабинете, случайно оказавшемся дежурной комнатой милиции, — человек, представившийся работником СБУ, без объяснения причин изъял паспорт и мешает выехать из страны. Я требую немедленно выдать этой женщине документ, в крайнем случае заверенную справку за подписью и печатью официального органа, и препроводить ее на территорию Российской Федерации. В противном случае я обещаю задействовать посольство и Министерство внутренних дел, где имею обширные связи...»

На наше счастье, у молоденького лейтенанта за пультом заканчивалось дежурство. Поэтому он просто постучал кулаком по голове и показал на дверь. К начальнику почтенного учреждения нас не пустил плечистый гренадер с добродушными усами. «А ну тикайте, девки...» В бюро регистрации приезжих нас охотно выслушали, раскрыли здоровенный талмуд. «Какого числа вы зарегистрировались?.. Ах, вы не зарегистрировались...» — «Позвольте, — гневно полезла на стенку Бронька, — регистрация российских граждан отменена особым распоряжением правительства! Не пудрите нам мозги!» — «Вы можете не регистрироваться. А можете и регистрироваться. Дело ваше. У нас свобода выбора. Вот кабы вы зарегистрировались, мы бы охотно проконсультировались с представителем СБУ по автономной республике Крым на ваш счет...»

Дальнейшее было непробиваемо. В суде на нас посмотрели, как на закоренелых уголовниц, и быстренько стали прикидывать, сколько нам дать. Народ Украины против... Как, вы говорите, ваши фамилии? Насилу смотались. Представительница мэрии и вовсе была по пояс деревянная. Она тупо смотрела на мерцающую заставку компьютера и невыразительно жевала бутерброд с сыром. Ее проняло лишь после того, когда Бронька обозвала всех работников градоуправления равнодушными бездельниками. «Женщина, —

сказала она, отрываясь от заставки, — вы находитесь на территории чужого государства, будьте любезны вести себя уважительно к его гражданам. Вы же не хотите неприятностей? Или хотите? — Дама многозначительно положила свободную руку на телефон. — У кого из вас, говорите, нет паспорта?»

— Я больше не могу, — обреченно вздохнула Бронька. — Это сущий маразм. Невозможно пробить стену, если нет штурмового орудия.

— Давай выпьем? — робко предложила я.

— Давай, — автоматически согласилась Бронька. — Хотя нет, не могу, извини, Лидок. Павел ждет... Ну что ты смотришь на меня в упор? — Она начала стремительно закипать. — Ты все равно не поймешь. Надо мне! Истосковалась я по приличным мужикам. Ты, слава богу, жива. Спать будешь ночью. СБУ тебя охраняет. Если не врешь. Меня бы кто охранял. Эх, да что тебе объяснять...

Она остановилась у ограды, за которой стоял мусорный контейнер с протухшим желтым парео (если не вывезли), и долго кусала губы.

— Бред, Лидуня, не могу сообразить, башка как неродная... Может, тебе к Лешке перебраться?

— А смысл? — Я пожала плечами. — Глупая передислокация. Буду бегать от тех же парней. С Оксанкой ругаться. С Лешкой по разным лестницам ходить. Брыська порвет.

— Тогда держи. — Бронька вынула из сумочки мобильник, любовно погладила по детски разукрашенный чехол. — Это мой. Пин — четыре семерки. Там в памяти Лешкины номера — домашний и сотовый. У него тоже есть мобильник, правда, не оплачен — денег нет, им киндер орехи разбивает. До семи, думаю, оплачу. — Бронька посмотрела на часы: — Ого, без пятнадцати. Ладно, Лидок, выметайся.

Тут мобильник противно заверещал, не успев дотянуться до моей руки.

— Слушаю, — приделала Бронька говорилку к уху. Выслушала, процедила: «Вы что, охренели?» — и уставилась на меня дикими глазами.

— Что случилось? — У меня сердце упало.

— Ничего, — пробормотала подруга, — ты знаешь, что они спросили?

— Что?

— «А вы куда звоните?» Представляешь? Я куда звоню! Идиоты!.. — и разразилась отвязной руганью.

Я отняла у нее мобильник, вылезла из машины и побрела в бунгало.

— У тебя неприятности? — хмуро спросила Соня, выглянув из комнаты.

— Хуже, — буркнула я.

— Хуже у нее... — пробормотала из своей берлоги Рита. — Сегодня родители Ларисы приезжали — вот у них хуже. Тело забирали из морга, зашли посмотреть, где она провела последнюю ночь...

Я ничего не ответила. Войдя в номер, прошлась по всем углам, убедилась в отсутствии посторонних, заперлась. Положила на стол Бронькин мобильник и долго смотрела на ряды симпатичных кнопочек, издающих голубоватое мерцание. А вдруг позвонит? Я скажу «алло», а на той стороне будут долго молчать, зловеще пыхтеть, а потом металлический, обезчеловеченный голос с надрывом произнесет...

Да черта с два, ничего он не произнесет! Я нажала правую клавишу и держала, пока не проиграл браваурный марш и по экрану не проплыло печальное «good bye». Вот так-то лучше.

А надо будет позвонить — активизирую обратный процесс, секундное дело.

Я хотела распахнуть окно, взялась за шпингалет и в испуге отдернула руку, увидев, что запор зафиксирован в верхнем открытом положении. Страх вернулся ко мне, заняв привычное место. Но тут же вспомнила, что сама оставила его открытым, — уходила через окно, наврав Алику, что вернусь. И все же страх не исчез.

Я растворила окно. Еще не стемнело — солнце медленно клонилось вправо. Оно всегда так клонилось: неторопливо, враскачку, а потом все быстрее, быстрее, а у самого горизонта просто падало, окрашивая золотистую корочку неба в густо-красную... По пляжу праздно шатался народ: лежащих становилось все меньше, зато прибывало бесцельно бродящих.

Появился Алик. Он медленно шел от турбазы, бросая камешки в воду. У него сегодня был печальный профиль. Парень старательно делал вид, что не замечает ни окна в бунгало, ни меня в том окне. А самому невтерпеж — аж затылок горит. Он остановился почти напротив, кинул один камень, другой. Наконец не вытерпел, обернулся. Я успела отследить движение, убралась за занавеску. Через полминуты осторожно высунула нос. Алик стоял ко мне вполоборота, руки у него висели плетями, а ногой в сандалете он угрюмо ковырял песок. Бедный Алик... Ну что же я стою, как дура? Человеку плохо, тебе плохо... Так сделай так, чтобы вам обоим стало хорошо. Подойди к нему, заговори. Будете сидеть весь вечер, болтать ни о чем. Он будет твердить, какая прекрасная женщина сидит рядом с ним, что нет ему покоя в этом мире, а разница в десять лет — право, пустяк. Ведь он в душе очень взрослый и по профессии отнюдь не учитель пения... Ты будешь слушать, думать о своем, он, может быть, возьмет тебя за руку, ну и пусть берет, только мама твоя считает, что от рукопожатий случаются дети, а мы народ бывалый, утверждаем обратное...

Я уже хотела отойти от окна, бежать к Алику, каяться, просить снисхождения, но тут его заслонил собой сутулый невзрачный тип. Он тоже проходил по пляжу. Тоже повернул голову, уставился на меня... Я похолодела. Неприятный тип с облезлыми ушами! Ищейка пляжная!.. Попятившись, я налетела на стул. Потом опомнилась, подбежала к окну, задернула занавеску и упала на кровать. Залезла под одеяло, попыталась унять дрожь. Но лихорадка не отпускала. И страх обуял — окно не закрыла! Какой толк от задернутой занавески? Подскочила к окну, зажмурившись, захлопнула раму, заперла и бегом помчалась в кровать...

Я проснулась около полуночи от мерзейшего ощущения, что ко мне в постель запустили змею. Лежала, оцепенелая, пытаюсь что-то вспомнить... Потом принялась лихорадочно ощупывать постель. Змею не обнаружила, просто простыня от потных метаний смоталась в жгут. Я скинула ее на пол — все равно впору выжимать, растянулась на матрасе. Сделала попытку уснуть. И уснула. Часа через три. Пережив во всех подробностях свою несчастную жизнь, спев все известные песни и выкурив — при закрытом-то окне! — десяток сигарет из найденной в вещах пачки... Про слезы даже не буду упоминать. Ничего удивительного, что проснулась я с распухшей головой. Броньки нет, мобильник под столом, дышать нечем.

Море за окном бурное, дурное, бьется волнами о пляж...

Я не помню, как приводила себя в порядок. Но как-то, видно, сподобилась. Перед уходом из бунгало посмотрелась в зеркало — там стояла вполне приличная, хорошо одетая женщина с подобием прически и неброским макияжем. О безумной ночи говорили лишь глубокие окологубные складки и отечные круги под глазами. Но этим никого не удивишь: многие женщины проводят на юге безумные ночи. Для того они сюда и едут...

Я включила мобильник, отыскала в памяти номер Лешкиного сотового. Думаю, Броньке

ничто не помешает выбраться из объятий любимого и ответить лучшей подруге... Дьявол! Приятный женский голос с легким южным акцентом поведал, что на счету у меня осталось пять долларов ноль центов, и пока я не пополню счет, на связь могу не рассчитывать. Ворона вы, Хатынская! Поехала платить за Лешкин телефон, а о своем даже не вспомнила!.. Я со злостью бросила мобильник в сумочку. Ладно, оплачу где-нибудь.

Невозможность связаться с Хатынской меня не остановила. Решено — я уеду из этого города! Без вещей! Главное — доллары из-под плинтуса не забыть. В таком виде я не вызову подозрений. В город баба пошла, кому какое дело? Хрен с ним, с паспортом! Главное — вырваться из бухты, добраться до любого нормального городка, позвонить в Россию, Бересту, пусть думает. Нет Береста — позвонить Акулову, кому угодно, у них имеется связь с Берестом, обязана быть! А пока они будут думать, я сниму неприметное жилище, не везде же требуют паспорт, просижу там, как мышка под печкой, пусть шум уляжется...

Я вышла из бунгало нарочито медленно. Раскланялась с Костюковичами. Они чинно переносили термос на террасу. Поздоровалась с бродячей собакой, откопавшей желтое парео Царицыной (как жаль, что не узнать мне этой тайны...). Продефилировала по аллее за забором и через пять минут уже дышала ароматами санаторных аллей. Поймать такси у корпусов — дело пустяковое, один из таких вымогателей как раз выгружал семейку, прибывшую полным составом на беззаботный отдых.

— На Топтунова, — твердо сказала я, падая на заднее сиденье.

— Десять гривен, — расцвел кудлатый водила.

— Да хоть пятнадцать...

Трудно сказать, велось ли за мной наблюдение. Слишком много машин в городе. Даже на убогой Лешкиной улочке в этот час был явный перегруз. В нашем направлении тащились сразу три автомобиля. Желтый «седан» полувековой давности, зеленая «Газель» и невзрачная «жулька» четвертой модели. Я попросила водителя остановить, предложила подождать, после чего добежала до Лешкиных ворот. На резкий звонок вместе с лаем Брыськи появился сонный Кольцов в надетой наизнанку майке. Я протянула ему пакет с позорными сабо.

— Привет... — растерялся так, как будто я ему исполнительный лист принесла и целую стопку детских метрик.

— Доброе утро, Лешик, — сказала я. — Ты, главное, не волнуйся, я не буду проходить в дом. Ответь лишь на один вопрос: где я могу найти Хатынскую?

— Не знаю, Лида. — Он пришел в себя и начал поедать меня глазами. — Она почти не появляется. Опять со своим, этим... У них вроде любовь, логово где-то на улице Рублева, не знаю, где точно... У нее мобильник не отвечает...

— Почему не отвечает?

Насчет Броньки расстраиваться уже сил нет. Нормальная баба, но уж если клинит — никакие молитвы не проймут.

— Да откуда я знаю?.. Она вещи в комнате бросила, а сама там не живет, понимаешь? Вчера клиент из Одессы позвонил... Я «шевроле» ему в девяносто восьмом перекрашивал, мировой парень, между прочим. Просит жену с сестрой пристроить до конца августа, не могу же я ему отказать, у него новый заказ назревает, а комната одна... А тут эта Хатынская, то ли квартирует, то ли нет... Войди в мое положение, Лида.

Я кивнула:

— Считай, вошла. У тебя майка наизнанку, Лешик. Опасная примета.

Развернулась и пошла прочь, лавируя между фрагментами отживших автомобильных конструкций. Сегодня у меня получалось очень даже уверенно.

— Ты не хочешь со мной встретиться? — робко выговорил он в спину.

Какой храбрый! Видно, Оксанка в туалете сидит. Извини, Лешик, ты не просто пройденный этап, ты давно минувшая эпоха, возврат к которой невозможен даже по спирали.

Я покачала головой — be happy, Лешик, — и села в такси. От невозможности связаться с Бронькой еще больше привалило решимости. Это рок судьбы. Нужно двигать напролом, и только так я обрету долгожданную свободу и воссоединюсь с родиной... Две дороги ведут из Тихой бухты — на восток и на запад. Сверху — горы, через которые я перелечу только на вертолете. Снизу — море...

Но сегодня шторм, ветрено, ни один моряк не поведет лодку незнамо куда. Да и вертолет искать — не самое легкое дело.

— Едем куда или хмуриться будем? — поинтересовался шофер.

— В Балаклаву, — бухнула я.

— Сорок гривен, — обрадовался шофер.

— Да хоть пятьдесят. Погнали!..

Нас блокировали в километре от Жемчужного, где дорога нависала над морем, а полосатые столбики стояли на самой кромке обрыва. Неприметная «хонда» обошла на повороте, резко затормозила и встала поперек дороги. Испуганно матюкнувшись, шофер вывернул руль до упора вправо. Ржавая «жулька» обернулась вокруг оси, прошла по инерции и чуть не вывалилась за обрыв.

— Какого хрена! — завопил шофер. — Я этим козлам уже платил! Не дождутся!

Вот именно. Зачем платить больше, если не видно разницы? Я осторожно выглянула в окно. Даль безбрежная! Бесконечная синяя гладь, а внизу, ух ты — дух захватывает! Будем падать, не то что костей — фрагментов не соберут...

Делиться на фрагменты я пока не собиралась. Это было что-то новенькое в моих приключениях — я даже испугаться как следует не успела, но оценила событие должным образом.

— Успокойся, юноша, — пробормотала я, — это не по твою, а по мою душу.

Водила вытаращился и уважительно притих. Явление из «хонды» троих людей в штатском не могло не произвести впечатления. Ну прямо как в импортных молотилках про таинственные спецслужбы. Насмотрелись работнички. Три двери открылись одновременно. Из задних вылезли бугристые хлопцы в цивильных рубашечках. Аналогия с боевиками Рокота не проходила даже поверхностно. Те ребята в школе не учились, в лучшем случае посещали физкультуру. А эти если и не получили высшего образования, то, по крайней мере, пытались. Брезгливо глянули на нас с водилой и отвернулись. С переднего сиденья выбрался мой старый знакомец, подошел к нашей машинке и опасно глянул вниз.

— Лидия Сергеевна, я вас предупреждал, что не надо со мной играть? Полюбуйтесь, вы чуть не упали.

Я впервые увидела майора СБУ Полипчука при дневном свете. Ошибиться невозможно. Во-первых, голос, во-вторых, выразительный нос, напоминающий обкусанную морковку. В-третьих, глаза в косматой чаще бровей — он высветил их ночью при свете зажигалки: угрюмые глаза гнома, стерегущего тайны своего леса...

Я не стала ничего говорить. Не пошла моя игра. Молча уставилась в лобовик, игнорируя

представителей спецслужб. Хоть этим успокою свое надломленное самолюбие.

— Так и тянет вас, Лидия Сергеевна, на подвиги, — продолжал глумиться Полипчук. — Понимаем, вы себя не щадите. Между прочим, зря. Вы просто не осознаете своей роли в борьбе с преступностью. Да и женщина вы привлекательная. Но пожалейте хоть подругу! У нее красивое романтическое свидание на Рублева, двадцать шесть. Неужели вы хотите, чтобы мы враз лишили ее романтических эмоций и сделали больно?

Я перестала созерцать монолитную глыбу за дорогой и перевела презрительный взгляд на Полипчука. Избитый, примитивный трюк, а популярен в любом тысячелетии. Они ведь не умеют ничего другого. Слежка, шантаж, запугивание. Не проймет — физическое воздействие. Не проймет — физическое устранение. И не объяснишь, как это низко и подло. Кому, простите, объяснять?

— Хорошо, майор, — согласилась. — Будь по-вашему, я возвращаюсь в город. Считайте, что ничего не было.

— Договорились, — кивнул майор. — На первый раз мы вас прощаем. На второй это будет сделать значительно труднее.

Он не устоял перед дешевой демонстрацией силы — подошел к самому краю обрыва и смачно плюнул вниз. Зачарованно проследил за полетом плевка и отправился к своему автомобилю.

У шофера на носу набухла здоровенная капля пота. Густела, провисала, наконец, преодолев поверхностное натяжение, громко шлепнулась на ширинку. Он очнулся.

— Ёксель-моксель...

— Не говори, дружок, влипли мы с тобой в историю, — подбросила я дров. — Давай-ка возвращаться. Только двигай без рывков, умялю, и заднюю по ошибке не включи, а то будет у нас с тобой... логическое завершение.

Он довез меня до начала Народной, где разгульных заведений еще не было, а имелись лишь цветущие палисадники да несколько крохотных кафешек для публики со средним достатком.

Я отдала ему десять гривен, он не возражал. Был напуган до такой степени, что не стал требовать доплаты «за риск».

— Слушай, — прошептал он, складывая купюру, — а кто это был, а?

— Бандиты, — так же шепотом ответила я. — Работники ножа и доллара.

— Да ну, — он недоверчиво похмыкал, но на всякий случай поглядел по сторонам. — Не больно-то похожи. У них номер на машине знаешь какой — государственный... У всех местных «КР», а у этих — «КС» и цифирь блатная...

— Много ты понимаешь в бандюганах, — компетентно заметила я. — Эти — самые натуральные. Бабки отмывают. Настригут с конкретных лохов, вроде нас с тобой, забашляют «крыше» в Киеве, отстирают и балдеют потом на Канарах...

Он покосился на меня с испугом. Вторая капелька пота сползла по переносице и пристроилась на кончике.

— А ты у них... чего?

— А я у них приманка, — гордо объяснила я.

Через десять минут я сидела в уютном заведении под грибком и пыталась протолкнуть в себя какую-то еду. В стороне за газончиком проносились машины, но обилие зелени заглушало звуки. Это кафе было вполне подходящим местом для занятий аутотренингом.

Десять столиков, грибочки, рядом бар с пристройкой для поваров — девочки в нарядных кружавчиках выносят заказы и раздают клиентам. Мне тоже принесли, объяснив, что этот гоголь-моголь — коронное блюдо заведения. Я оставила в покое коронное блюдо, пристроилась к трубочке с колой и начала анализировать сложившуюся ситуацию. Судя по всему, меня продолжали «пасти». Но зачем? Чтобы окончательно заинтриговать людей в «фантомасках»? Они же не слепые, видят, что я подвергаюсь усиленному контролю со стороны СБУ. И на что надеется майор Полипчук? Что те постараются меня выкрасть? А чекисты пойдут по следу и выведут чужаков на чистую воду? Бред собачий. А может, и не бред, если допустить, что других вариантов у Полипчука нет.

Я начала потихоньку озираться. Половина столиков была занята. Публика благочинная, и никто из присутствующих не оказывал на меня психологического давления. Рослый тип с газетой «Крымский вестник» съел коронное блюдо, теперь насыщал себя информацией. Дальше — две подружки проблемного возраста. Многодетная семья — с одной «коронкой» на всех. У кого-то проснулся мобильник. Нужно оплатить, вспомнила я. Бронька явно не догадается.

— Вы не подскажете, где ближайший офис УМС? — полюбопытствовала я у парочки за соседним столиком. Судя по густо-кремовому загару, отдыхали они долго и не напрасно.

— Везде, — широко улыбнулся брюнет.

— В частности, напротив, — добавила его подруга.

— Большое спасибо, — улыбнулась я. — Вы мне здорово помогли.

За бордюром недобро скрипнули тормоза. Проехавшая машина неожиданно прижалась к обочине, остановилась и медленно сдала назад. Этот уморительный шарaban со значком «бьюика» на капоте был мне вроде знаком. Появившийся оттуда Паганель с соломенными патлами и сигарой в зубах — о боже... Помнится, с него и началась моя драматическая эпопея на украинской земле. То ли десять, то ли двенадцать дней назад. Глаза б мои его не видели...

Дергаться было поздно, поэтому я осталась на месте.

— Лида! — закричал на всю улицу Паганель. — Здравствуйте!

— Лорик? — Я со скрипом попыталась приподнять кончики губ, но, видно, не слишком преуспела.

— О, вы такая грустная. — Долговязый американец беспардонно протиснулся через кустарник и, минуя приглашение, плюхнулся рядом. — Как вы поживаете, Лида?.. Я так рад, что вас встрѣтил... Вы не представляете, как я рад, Лида...

Зато легко можно было представить, как я рада. Я постаралась зафиксировать так называемую улыбку и лихорадочно схватилась за стакан с колой.

— Чем вы занимаетесь, Лида? — демонстрировал здоровый американский идиотизм Лорик. — Я ехал мимо, я сразу вас замѣтил, вас невозможно не замѣтить, Лида... Я вас часто вспоминал, вы знаете, я очень раскаивался, что вел себя как настоящее животное... Вы не обижаетесь на меня, Лида?

Улыбка Лорика пахла дешевым португальским табаком. Он искренне плевал на сидящих рядом. Американцы видят только себя, а о нормах этики вспоминают лишь тогда, когда отсутствие этих норм задевает их самих. Я начала неудержимо наливать краской. Сидящие в кафе уставились на нас. Особенно дамы сложного возраста, для которых любая пикантная ситуация — как тосол на ржавый карбюратор.

— Ты не уехал в свою проблемную Америку, Лорик? — спросила я, чтобы хоть как-то

остановить процесс моего публичного раздевания. — Ты говорил, что контракт истекает...

— Две недели, Лида, две недели... — Лорик поднял указательный перст размером со средний человеческий фаллос. — Мне осталось три дня, представляете? О, как это грустно... Вы не представляете, Лида, как я сокрушаюсь и нервничаю... Я хочу, чтобы эти последние три дня оставили в моей душе... м-м, как это говорят у вас, неизгладимый след. Вы проведете со мной эти три дня, Лида?

Я чуть не поперхнулась. А потом вдруг подумала: «А что?» Это было бы забавно. Невольный телохранитель. Остатки здравого смысла во мне протестовали, да шут с ним, со здравым смыслом! Лорик зеленеет от счастья, я мучительно терплю, Бронислава покрывается слоем зависти, эсбэушники грязно ругаются, а их оппоненты в страшных лыжных масках лихорадочно выясняют происхождение этого хрена из-за бугра. Имеем маленькую передышку для подтягивания резервов.

Вот только как быть со рвотной реакцией моего существа?

— Извини, Лорик, — с сожалением пробормотала я, — но все твои дороги ведут мимо. У меня уже есть человек, которому я готова отдать душу, и не только. Я как раз его жду, он подойдет через несколько минут.

Вы бы видели, как он взбеленился! Заговорил о каких-то проходимцах, которым не место у ног порядочной дамы, о высоких нравственных качествах, изуродовавших его истинный облик. Да их не сразу видно, возможно, но они есть, он их чувствует каждый день, особенно в присутствии меня...

Публика зубоскалила, как на цирковом представлении. Еще немного — и начнут аплодировать. Дипломатия в этой острой ситуации уже не годилась. Я собралась открытым текстом дать понять Лорику, на какой стадии эволюции — между человеком и обезьяной — он находится, но тут из кулинарной подсобки высунулся официант и сказал:

— Прошу прощения, вас к телефону...

Я растерянно оглянулась. Никого за моей спиной не было: только кустики и ограда перед бордюром. Вопросительно посмотрела на официанта.

— Вас, вас, — кивнул тот. — Подойдите, если не трудно.

— Меня? — изумилась я. — А почему вы так решили?

— Но вы же Лидия Сергеевна... — Официант обеспокоенно облизывал губы и бегал глазками. Такое поведение очень к лицу человеку, у которого к спине приставлен нож. — Мне сказали: позовите Лидию Сергеевну, красивую брюнетку, она сидит за одним столиком с долговязым придур... прошу прощения, человеком, у которого во рту сигара...

Я попала на эту нехитрую наживку. На белые пятна, покрывающие физиономию парня, я внимания не обратила. Удивление затмило. Я встала и направилась к двери, заметив краем глаза, как напрягся человек с «Крымским вестником...». Возможно, он успел бы вмешаться, не попадись ему на пути возмущенно подпрыгнувший Лорик. Но Лорик, к несчастью, попался... И я попала. Официант растворился, остался только тревожный голос: «Здесь направо, пожалуйста...» Я шагнула в темный коридор... Сильная рука сжала мой рот, другие сильные руки подхватили меня за руки и за ноги... Темнота понеслась, застучали подошвы...

Глава одиннадцатая

Вот и свершилось наконец то самое. «Наглая, циничная, беспредельная» организация объегорила чекистов, свистнула меня у них из-под носа и увезла в неизвестном направлении. Меня протащили головой вперед по темному коридору и выгрузили на крыльцо черного хода. Я помню тихий хозяйственный дворик, складированные друг на друга столики, дырявые шезлонги, горы пластиковой тары от прохладительных и хмельных напитков. Распахнутое чрево пыльного микроавтобуса.

— Ни звука, — предупредил один из похитителей, утверждая меня на ноги. — До первого крика с вами будут обращаться по-человечески.

А после второго Женевская конвенция не работает. Я не успела рассмотреть его внешность. Делать мне было нечего — таращиться и все подряд запоминать. Я пронзительно завизжала. Мой визг подхватили птицы, вспорхнувшие с деревьев, подхватило эхо, отразившись от безликих стен. Оглушительная затрещина сделала свое черное дело: я подавилась воплем, и меня забросили в микроавтобус. Сильные руки ловко поймали обмякшее тело и швырнули на сиденье.

— Тварь, — резюмировал кто-то, гремя подножкой. Забрался еще один, хлопнула дверца, поехали...

Круги перед глазами постепенно выравнивались, через минуту их стало меньше...

— Сам ты тварь, — сказала я.

Напротив сидел гуманоид с ледяными глазами. Слева еще один, предусмотрительно сжимавший мне локоток. Третий поместился справа, через проход, и добродушно улыбался. Он-то и врезал мне по кумполу — видно, от избытка расположения.

Автобус неторопливо выписывал повороты. На окнах качались шторы. Даже на теоретическую возможность бегства я не могла рассчитывать. На информацию о текущем моменте — тем более. А может, это и к лучшему? Рано или поздно это должно было случиться, от судьбы не убежишь. Чем раньше раскроется недоразумение, тем лучше для меня. Надо перестать прятаться и дрожать. А уж насколько далее повезет — это чистая лотерея. Стоит ли переживать досрочно? Вся наша жизнь барабан с ручкой — крути да надейся...

Кричать сейчас бессмысленно — второй удар неминуемо приведет к сотрясению мозга. Я сидела и смотрела на шторку. Трое парней помалкивали, а четвертый где-то там, в огороженной кабине, увлеченно крутил баранку. Автомобиль резво взлетал на колдобинах, из чего я делала вывод, что мы съехали с Народной и трясемся по каким-то параллельным переулочкам.

Я откашлялась:

— Куда меня везут?

Сидящий напротив чуть склонил голову — словно барбос, увидевший косточку. Глаза его при этом не сделались менее холодны. Отрешенные, равнодушные и напрочь безразличные ко мне как к индивидууму.

Сидящий через проход простодушно улыбнулся, приложив палец к губам: тсс... Я озадаченно покосилась по сторонам. Нас подслушивают? Очевидно, позволила себе недопустимую степень свободы — цербер слева сжал мой локоть, глубоко вонзив пальцы между косточками. Я замерла, охваченная болью. Сжала зубы, закрыла глаза и не

шевелилась до конца поездки.

Ехали минут двадцать пять. Если допустить, что это было восточное направление (а легче допустить восточное, чем западное), то получалось, что мы отделились от Жемчужного километра на восемь. Десять минут по городу (машины гудели), остальное — по ровной дороге с короткими зигзагами и болтанкой на финише.

Отдирали меня от сиденья так, будто я приклеилась самолетным клеем. Видно, страхом сжало мышцы, руки впились в сиденье так, что я представляла с ним неразрывное целое.

— Это ничего, крошка, это нормально, — снисходительно похлопал меня по плечу добродушный похититель. Цепко взялся за мою руку и рванул так, что я вылетела из автобуса прямо в объятия хладноглазого. Под усиленным эскортом меня препроводили через заброшенный грушевый садик и ввели в деревянный дом с мансардой. На первом этаже было опрятно. Правда, полностью отсутствовала мебель — когда-то, видно, производили ремонт, а потом забросили. Меня протолкнули через кухню с компактной электроплитой, через гулкий зал с камином и зарешеченным окном. По винтовой лестнице подняли наверх.

На мансарде было очень пыльно. Пыль царила везде: на нестроганых стропилах-укосинах, на отслаивающихся панелях, из-под которых торчали клочья утеплителя, на разболтанных деревянных стульях. Про пол и говорить нечего — серая плотная масса покрывала неподогнанные доски, будто вулканический пепел после мелкого извержения. Меня посадили на скрипучий деревянный стул. Просто посадили, и все. Привязывать не стали. Ни словом не прокомментировав событие, развернулись и затопали по лестнице. Я осталась одна. Захлебнулась тишиной. Очевидно, мои похитители сочли, что у меня хватит благоразумия не шевелиться.

Я подняла голову. Перед глазами располагалось крохотное оконце. Через пыль и изолену проступал фрагмент скалы, на котором сиротливо обреталось одинокое криворукое деревце. Дальний фон делили пополам небо и море.

Я выносливая женщина. Выносливее большинства мужчин и половины знакомых мне женщин. Если злоба давит отчаяние, я выдерживаю многое. Заплыву за буюк своих возможностей и не сдамся. Я стерплю одиночество, вынесу гонения, унижения и даже не закричу, увидев мышку из-под разохшейся половицы. Но если злоба не в силах задавить отчаяние...

Я не сдвинулась с места. Сидела тихо и равнодушно смотрела на море. А потом уснула. Или просто выключила на время сознание, дабы не расходовать то теплое, что еще сохранила.

А когда очнулась, вокруг меня были люди.

Первый и второй. Первый сидел напротив, оседлав задом наперед стул, и грыз дичку из заброшенного сада. При этом он рассматривал меня сверху донизу. Подобный типаж в моих последних криминальных похождениях пока не проходил. У него было умное молодое лицо, очки, в которых он, видно, родился, и аккуратный проборчик на правую сторону. Что касается второго, то с этим обстояло проще. Абсолютно лысый, он имел несколько мужских «украшений» поперек лица и довольно сварливый характер. В данную минуту второй попытался вытереть газеткой пыль со стула, проклиная некоего Феликса, халатно отнесшегося к поставленной квартирнерской задаче.

— Надо уважать пыль... — прошептала я.

— Совершенно верно, Ольга Юрьевна, — хрустнул дичкой очкарик. — Пыль является

прародительницей всего сущего. Очень рад, что в условиях затрудненного понимания мы находим какие-то точки соприкосновения.

Он прекрасно говорил по-русски. До того прекрасно, что возникало подозрение, будто это его родной язык.

— Я не Ольга Юрьевна, — прошептала я.

— Начинается сказка про белого бычка, — забрюзжал лысый. — Идет бычок, качается. Ни хрена себе понимание.

— А кто вы, Ольга Юрьевна? — с интересом спросил очкарик.

— Я посторонняя женщина...

— Обоснуйте.

— Обосновать? — Мой рот приоткрылся от изумления. — Выходит, я должна обосновать, почему не являюсь Ольгой Юрьевной Царицыной, которая достала уже всех, кого только можно?

— Я не называл фамилию Царицына, — сверкнул глазами любитель груш. — Вы сами назвали. Проявляете неосторожность, Ольга Юрьевна.

— Да бросьте! — вспыхнула я. — Вы не называли — другие называли. Все уши прожужжали. Отстаньте от меня с вашей Царицыной, а?

— Невежливо, — хмыкнул лысый. — Рисквая вы женщина.

— Ольга Юрьевна, — поморщился очкарик, — если хотите поссориться, то мы всегда к вашим услугам. Но нельзя ли обойтись без конфронтаций? Мы все заинтересованы в скорейшем восстановлении истины. Если вы не Царицына, полагаю, у вас найдутся убедительные доводы, к которым мы могли бы прислушаться?

— Да куда уж проще, боже ты мой... Во-первых, мой домашний телефон, на котором дежурит мама и которая уверенно представляет, кто я такая и откуда произошла. А также какого числа я выехала из Сибири. Да это просто смешно! У меня авиабилеты, у меня день вселения в санаторий, меня помнит американец, лично доставивший меня в Жемчужное (хотите, найду?), меня помнят Костюковичи, уже проживавшие в бунгало в день моего приезда. Меня лично вселяло руководство санатория. Маргарита Львовна Запрудная, «ключница» Габри... Да можно найти десяток свидетелей, которые присягнут, что я приехала пятого, а не одиннадцатого, когда шхуна контрабандистов выбросила на берег Ольгу Юрьевну с каким-то залежалым товаром... (При словах «залежалый товар» на лица моих собеседников легла тень.)

Надо отдать должное очкарику, он умел слушать. Надеюсь, он умел и думать. У него имелось как минимум одно законченное высшее образование, что подразумевает некоторое умение шевелить мозгами.

— Грущу хотите? — спросил он.

— Не хочу. Сыта по горло.

— Как хотите. — Он достал из оттопыренного кармана очередную зеленую дичку, вытер о рубашку и впился в нее молодыми зубами. — Все, что вы сказали, безусловно, интересно, кроме факта вашего непосредственного появления в Жемчужном. На этом пунктике, уважаемая дама, мы начинаем дружно зевать. До дыр истертый вопрос. Впрочем, согласен, — не вами. Некоторые лица уверены, будто Ольга Юрьевна Царицына прибыла в бухту одновременно с катером и, собственно, грузом. А у других некоторых лиц по этому поводу возникают резонные сомнения.

Я выдала всю иронию на лицо, и очкарик рассмеялся.

— А между тем достаточно логично. Царицой ни к чему сопровождать груз. Уж как-нибудь доплывет. Быть ответственной за доставку вовсе не подразумевает сидеть на баулах. Она знает, какого числа, какой участок бухты и примерное время прибытия. Все, больше знать не нужно. Главное — появиться в момент разгрузки, чтобы сдать с рук на руки. Ради этого можно прилететь и из Сибири. В чем проблема? Сколько летит самолет из Стамбула до Энска? Пять, шесть часов? А из Энска до Симферополя? На час меньше? Неужели не стоит потерять полдня, чтобы обрести нормальное, убедительное алиби?

— Да идите вы к шайтану... — простонала я. — У меня мама в Сибири... У меня дочь в Сибири... Как вы не понимаете? Не бродила я ночью одиннадцатого августа по Тихой бухте, чтобы встретить ваш груз. Я никогда не брожу ночью одна по диким местам, мне просто страшно...

Очкарик продолжал считывать с моего лица информацию. Хочется верить, что он читал именно ТУ информацию.

— Алиби вас, конечно, нет, — вздохнул он. — Ну, конечно, кто бы мог подумать, что оно вам понадобится. Дочь и мама в Сибири — это, конечно, серьезный аргумент. Но давайте рассуждать вместе, дорогая инкогнито. Что мешает Ольге Юрьевне Царицой иметь маму в Сибири? У всех есть мамы. По крайней мере, были. Особа с российским гражданством, вероятно, русская; надо думать, и дочь под боком у мамы смотрится естественно. А теперь рассмотрим пункты, откровенно уходящие в пассив. Вы — женщина в желтом парео, отдыхающая под скалой Обмана. Вас увозит к Рокоту Шлепень. Вас радушно принимает Рокот. Он ошибся, ладно. Но спасает вас той же ночью от наших людей. Он катает вас на яхте. Он оказывает вам всяческие знаки внимания. Окажись вы посторонним предметом, разве такое возможно?

— Тогда почему я не отдала ему груз?

— Не знаю, прекрасная незнакомка, — раздумчиво произнес очкарик. — В вашей «истории болезни» это самое туманное место. Вы его не отдали, совершенно верно. За вами и Рокотом следили. Надеюсь, вы развеете туман? Что за игру вы затеяли с Рокотом?

Я заплакала от отчаяния. Размазала по лицу жирную слезу, отсморкалась и рассказала им все. Почему я должна хранить чужие тайны? Почему я должна подыгрывать СБУ, которая готова меня продать при первой же okazji? Там единственный приличный человек — Вадим Казарновский, и тот не брился четыре дня! Не волнует меня контрабандная возня, отчетная раскрываемость преступлений и переделка сфер влияния между мафиозными кланами. Меня волнуют собственный покой и безопасность! Итак, я рассказала все. Даже про группу «прикрытия» СБУ, не дающую мне выехать из города. Даже про изъятый паспорт. Даже про Броньку, кувыркующуюся с Павлом и являющуюся гарантом моей идентификации. Я умолчала только об одном — о находке желтого парео, что означало некоторую конкретизацию личности загадочной дамы. А значит, дальнейшие страсти, поскольку признание практически гарантирует мою ликвидацию как личности компетентной и никому не нужной. Удивляюсь, как мне удалось объехать эту тему. Но как-то удалось: притормозила, объехала, порулила дальше...

Завершающую часть моего чистосердечного признания очкарик почти не слушал. Он сделал для себя выводы. Облазив карманы и не найдя больше груш, вытер рот платочком. Переглянулся с лысым — тот сидел на скомканной газетке и скептически посматривал на меня.

— А я-то думаю, почему возле нее СБУ крутится? — хмыкнул очкарик. — Сначала

Рокот, потом чекисты — причем до того бездарно, что возникает вопрос: а не намеренно ли это?

— Ты учти главное, коллега, — напомнил лысый, — если эта выдерга не в теме, мы теряем груз. Лично я ума не приложу, где его искать.

— Вот именно, — кивнул очкарик. — И сколько раз подлинная Царицына могла его перепрятать. Не остается ничего другого, — он подмигнул мне невеселым глазом, — как делать Царицыну из того, что есть. Из уважаемой Лидии Сергеевны. Выражаясь языком анекдота, мы будем искать не в кустах, где потеряли, а под фонарем, где светлее.

Лысый раздраженно сплюнул.

— Да поймите вы, — простонала я, — СБУ, что так навязчиво обо мне печется, — это удочка. А я — червяк. А вы — рыба. Они ждут оглушительного клева, и если вы не начнете работать головой, то дождутся...

Я не договорила, услышав звук подъезжающего автомобиля. Кто-то с лязгом отомкнул калитку. Машина въехала в сад. Водитель заглушил двигатель. Очкарик посмотрел на часы. Лысый посмотрел на очкарика. Раздались приглушенные голоса, под нами хлопнула входная дверь. Заскрипела лестница — либо гость, либо кто-то из охраны поднимался на второй этаж. Одолел винтовой подъем, распахнул разохшуюся дверь.

— Ну и пылища... Как вы тут сидите?.. — Заскрипели половицы, новоприбывший обошел нашу теплую компанию и остановился напротив меня, упорно глядевшей в окно.

Я повернула голову, хотя могла и не поворачивать. Сразу, по голосу, с чувством глубокого сожаления я поняла, что пришел Павел, умудрившийся свести с ума Броньку.

Эти люди не были дураками. И им, судя по всему, было по силам подмять под себя империю Рокота. Правда, и они делали ошибки. Но ошибки не всегда являются признаком глупости. Признак глупости — неумение эти ошибки исправлять. Они умели думать. Они опутали этот город паутиной своего незримого присутствия, и даже вокруг меня крутилась целая прорва этих деятелей: двое в масках, совершающие полуночный «киднеппинг»; пиратская дружина, захватившая яхту Рокота; «папик» с «сынулей», азартно преследующие меня по пересеченной местности; очкарик с лысым, тошнотворный тип с облезлыми ушами; трое в микроавтобусе; Павел... «Наглая, циничная, беспредельная» организация и впрямь имела способных работников. Даже Рокот, давший своим людям команду просветить Павла, не нашел в его личине ничего подозрительного. Даже Бронька, имеющая нюх охотничьей собаки, разглядела в этом хищнике лишь гениального любовника. И тем не менее они завязли. Даже этих способных ребят умудрилась достать хитроумная бабенка по фамилии Царицына. Неужели этот груз настолько ценен? Неужели без него проблематичен переход империи под крыло «циничной, наглой, беспредельной» организации?..

— Нас пустили по ложному следу, — сообщил очкарик приятное для меня известие.

— Похоже на то, — кивнул Павел. — У нее подруга абсолютно «левая». Рассказала про Лидию Сергеевну даже такое, о чем я и не просил. Зверь, а не баба... — Очевидно, последняя фраза не имела непосредственного отношения к болтовне Хатынской между приступами самозабвенной «любви». Непроизвольно вырвалось. Что и подтвердило его дальнейшее поведение. Павел опустил на корточки, положил руки мне на колени и уставился в мои глаза своими голубыми гляделками идеального самца. — У вас замечательная подруга, Лидия Сергеевна. Мне было очень жаль с ней расставаться. Видит Бог, я не представлял, что в Сибири живут столь горячие почитательницы секса без

границ...

Но я не видела в его глазах воспоминаний о той Броньке, что он оставил в своей постели. Его глаза несли вселенский холод, а слова не содержали эмоционального заряда. Он произносил их с усмешкой, а не с сожалением. Господи, ужаснулась я, какими же глазами он смотрел на Броньку, когда уходил от нее?..

— Что вы с ней сделали?.. — прохрипела я. Жуткий страх ударил под дых, как боксер, пошатнув сознание. Никогда не думала, что бояться за других куда опаснее, чем за себя.

— Ничего, — не отрывая от меня глаз исследователя, покачал головой Павел. — Мы не доставляем человеку страданий, если нет суровой надобности. С вашей подругой все в порядке, Лидия Сергеевна. Немного поскучает, немного понервничает. Ерунда. Я не вижу, к сожалению, оснований поддерживать с ней дальнейшее знакомство.

— Нужно работать, — резко заметил очкарик. — Мы убили целый день на болтовню, скоро вечер. Будем наверстывать упущенное?

— Работа заждалась, — согласился Павел. — Это плохо. — Он прищурил глаза и прожег меня голубым светом, достав до самого сердца. — Остается перед уходом решить последний вопрос: что нам делать с дражайшей Лидией Сергеевной?

Наступила тишина. Все трое уставились на меня с интересом. Я открыла было рот, чтобы заявить: Лидия Сергеевна — не последняя дура и будет молчать, как старая, замшелая могила... И проглядела, как Павел поднял руку. Он надавил на какие-то точки на моем горле. Словно вставил заслонку на пути протока воздуха в легкие. Я даже не успела подумать, а есть ли жизнь после смерти и где будет храниться моя душа, просто провалилась в какой-то молочный кисель, без прощания уйдя из мира ощущений в мир предсмертных видений, где и сложила лапки.

А из мира видений я возвращалась своим ходом. Всплывала в молочном киселе, раздвигая ладони. Лениво шевелила пятками. Переворачивалась, тонула. Снова шевелилась... Мне постоянно что-то мешало.

Что-то сползало с моих плеч и путалось в руках. Вероятно, это был особой важности предмет, потому что я не желала с ним расставаться. Я забрасывала его за спину и плыла дальше. Постепенно кисель расплзался, становился прозрачнее, тоньше. Обозначились цвета. В разрывах зеленого проплывали островки голубого. Голубое чередовалось с серым, серое дырявилось желтым, лучистым... Я всплыла, перевернулась на спину и лежала, плавно покачиваясь, на поверхности молочного киселя, который вдруг стал холодным и колючим...

Я очнулась в глубине сосновой чащи на грубоватом ложе из сухой травы. Кто-то специально приготовил для меня эту постель — сгреб траву и уложил в сырую промоину, отороченную губчатым лишайником. Мои руки лежали крестом, но не на груди, что было бы по-христиански, а на собственной сумочке из кожи годовалого ягненка. Очевидно, эта сумка и мешала мне всплывать — за нее я и цеплялась, даже в краю видений несогласная расставаться с собственностью...

Как ни странно, ничего не болело. Было трудно глотать, и в глазах витали остатки фиолетовой дымки. В остальном я казалась живой и здоровой. Скосила глаза — по руке карабкался муравей. Машинально его стряхнула и села. Фиолетовая дымка замерла. Я подождала, пока она придет в движение, рассосется, после чего начала озираться.

Меня окружала дикая чаща. Из гущи темно-зеленого леса торчала острая, как парус, скала. Остальное пространство занимали деревья — хвойные, шершавые, но не такие, как в

Сибири. На одних деревьях ветви торчали параллельно земле, усыпанные непричесанными шипами. Другие, казалось, только вышли из цирюльни — красовались густо-сочной зеленью, аккуратно сведенной в пышные чаши. Чаши устремлялись ввысь, а деревья — вширь. Буйная трава закрывала землю. Кое-где виднелись цветы с серебристо-белыми листьями, заросшими частыми волосинками; низкостелющиеся кустики с игольчатой хвоей и раскидистыми стеблями. От скалы отпадали россыпи белесых камней — словно мелкие кряжики от большой материнской горы...

Я поднялась на ноги... и сразу же присела. Где-то совсем не за горами проехала машина! Посидела, прислушавшись, опять поднялась. Наверное, не самые приятные создания в этом мире — люди. Но без них мне будет невыносимо одиноко. Люди везде. Да и вряд ли оставившие меня в лесу разбойники согласились бы тащить дамочку в самую чашу. У них времени не было заниматься глупостями.

Я забросила сумочку через плечо и побрела навстречу новым неприятностям, убежденная, что уже никогда из них не выпутаюсь.

Дорога в лесной чаще была вся в колдобинах и кочках. Определив по ряду признаков, где запад, где восток, я встала лицом туда, где восходит солнце, и принялась терпеливо ждать.

Часы показывали половину пятого (у меня приличные часы, по заверению продавца, они способны идти даже в горловине мартеновской печи). Когда проехал первый автомобиль — пятидверная «Нива», они уже показывали без четверти. Машина не остановилась — за рулем горбился дедок в соломенной шляпке, а рядом — бабка из сказки про разбитое корыто. На золотую рыбку я сегодня не тянула, поэтому, наверное, они проигнорировали протянутую руку. Я отошла в сторонку, села на пенек, представила пирожок и тихо загрустила. Через семь минут вновь раздалось автомобильное рычание. На этот раз машина шла с запада, однако я на всякий случай подняла голову.

И не пожалела. Там было на что посмотреть. Серебристый Бронькин «кефир» тащился по колдобинам, как кораблик по бушующему штормовому морю.

Когда она съезжала с бугра, то царапала по земле передним бампером, когда выезжала из рытвины, то уродовала задний. Из закрытого салона доносилась крепкая моряцкая ругань, хотя с кем таким образом общалась моя подруга, непонятно: кроме нее, в салоне никого не было.

Не доехав до меня метров пять, «кефир» остановился и резко сдох. Распахнулась дверца, явив Броньку, презлющую, как доберманиха из зондеркоманды СС. Она сменила бесстрашный розовый прикид. Сегодня на ней была прозрачная черная косынка, черный пояс и узорчатая юбка цвета маренго.

— Ну наконец-то, — сказала я, — сбылась мечта идиотки.

— Это ты? — на всякий случай уточнила Бронька, швыряя носом и вытирая испарину ладонью.

— Это я, — на всякий случай подтвердила я.

— А ты должна здесь находиться? — сдувая с глаз слезы, спросила Бронька.

— Нет, не должна. А где я, кстати, нахожусь?

— Там же, где и я.

— А ты где находишься?

— А хрен его знает. Лес тут какой-то, дорога... Задолбалась я по этой дороге, Лидок.

Назад уже поздно, остается вперед, вот и еду, еду... Только не говори, что тебя в третий раз чуть не убили.

— Хорошо, не буду, — покладисто согласилась я. — Меня просто похитили из кафе, вынесли головой вперед, привезли в деревянный домик, разговорили, а когда исчерпали все доступные темы, слегка придушили и выбросили за ненадобностью. Убивать не стали. А у тебя сегодня траур?

— Господи ты мой! — Бронька задрала голову в небо и на полном серьезе перекрестилась. — Я дурею на глазах, Лидок... Да, у меня сегодня траур, я исполнена скорбных переживаний, но тебе не понять моих чувств, поэтому давай не будем развивать эту тему. Других плохих новостей нет?

— Есть, — вспомнила я. — Враги украли твой мобильник, извини. Впрочем, нет, постой. — Я открыла сумочку и поворошила внутри. — Все в порядке, Бронька. Правда, толку от него... Можешь отдать Лешкиному киндеру, пусть орехи долбит.

— Все, хватит с меня, — озлилась Бронька. — Садись в машину. Едем дальше.

— Жемчужное за спиной, — резонно заметила я.

— Да что ты говоришь? — взвизгнула подруга. — А как я, по-твоему, развернусь? Подпрыгну?

Мы стремительно сходили с ума, одновременно и дружно. Еще немного — и мы начнем таскать друг друга за волосы. Нужно было срочно спасать психику.

— Стоп, — сказала я, — никто никуда не едет. Спешка неуместна. Сейчас мы стоим, мирно курим твои сигареты с ментолом и ведем содержательную беседу о твоём разрушенном счастье. Начинай...

О том, что счастье разрушено, Бронислава Хатынская догадалась поутру, не обнаружив в глазах любимого огня всепожирающей страсти. Его терзали более мирские проблемы, о которых он предпочел не распространяться. С трудом исполнив положенный «долг», он облегченно вздохнул и принялся выяснять у Броньки подноготную некой Косичкиной. При наличии обнаженной до зубов Хатынской, требующей продолжения, и немедленно, это выглядело по меньшей мере нелепо. Но ладно. Завершив душевную беседу, Павел куда-то смылся на «дефендере». Через час вернулся, разделся, осушил Бронькины слезы, но в роли, отведенной ему Хатынской, он сегодня явно не блистал. Кончилось тем, что Павел путано извинился, испросив у Броньки прощения за все (она аж похолодела), собрался и попросил, уходя, захлопнуть дверь. Доведенная до бешенства Бронька тут же хлопнула дверью снимаемой Павлом халупы в барачном доме на Рублева. Бросилась вон. За любимым. Она догнала его на своем «кефире», когда «лендровер» топтался на красном светофоре у пересечения Народной с Красноармейским тупиком. Далее Павел порулил на восточную окраину, к санаториям. Дважды сделал полукруг у моего бунгало и выехал на прибрежную дорогу. Далек он, впрочем, по ней не проехал. То ли засек наблюдение, то ли по каким иным соображениям, но свернул на объездную через лес, потом вильнул на проселочную и растворился в зеленых просторах прибрежной полосы. От этой точки Бронька и колесит по заколдованному лесу, пытаясь отыскать след зеленого «дефендера».

— Объясни, Лидок, какое отношение имеет Павел к твоему бунгало? — разобиженно вопрошала Хатынская. — И почему его так интересуется твоя биография? Он бы еще книжки твои попросил почитать.

— Да дерьмо твой Павел! — взорвалась я.

Она застыла с перекошенным ртом, глаза ей залило бешенством, но она не успела его выплеснуть, как замузицировал мобильник у нее в сумочке. В глазах Броньки вспыхнул огонек надежды, она схватила трубку:

— Алло...

По мере того как она слушала, надежда в глазах сменялась полнейшим безразличием.

— Да тут она, — буркнула Бронька и сунула мне трубку.

— Вас слушают, — удивленно произнесла я. Опять похищать будут?

— Фу... — облегченно произнес мужской голос. — Слава богу. А мы уж не знаем, где вас искать, Лидия Сергеевна. Это Вадим Казарновский. Возможно, вы меня уже не помните...

— Ну отчего же, помню, — промямлила я. — Веселая экскурсия по морю, пляж любви... Я должна вам десять гривен, Вадим Андреевич. Вы потому и звоните?

Бронька резко вскинула глаза — попалась, голубушка.

— Перестаньте! — отрывисто бросил Казарновский. — С вами все в порядке?

— Да пока не преставилась. Хотя и могла — благодаря вашему усердию... — Я минутку подумала, что бы еще такого добавить, вредного, и добавила: — Только вам, Вадим Андреевич, от моей персоны навара больше не будет. Я рассказала вашим оппонентам, кто я такая, и они охотно мне поверили, даже не тронули. Между прочим, очень милые люди...

— Это неважно, — нетерпеливо перебил чекист. — Главное — с вами все в порядке. Где вы находитесь?

Неплохой вопросец.

— Где мы находимся? — спросила я у Броньки. Подруга мрачно пожала плечами.

— А это тест на сообразительность, Вадим Андреевич. Здесь разбитая дорога, лес, то ли буковый, то ли... грабовый; какие-то сосны... или ели. Перед нами пенек, на котором я недавно сидела. По этой дороге ходят машины, но как-то, знаете, не сплошным потоком...

— Перестань мои баксы мотать, — оборвала Бронька. — А то по шее получишь. Ишь разговорилась.

— Хорошо, — принял мои условия Вадим. — Находитесь на месте, никуда не уезжайте. Постараемся прибыть через двадцать минут.

Я отдала Броньке мобильник. Она убрала его в сумочку. Коротко спросила:

— Ну?..

— Тело движется к развязке, — не очень уверенно сообщила я. — Через двадцать минут мобильные группы украинских чекистов наводнят этот лес и выведут нас. Если сами не заблудятся.

— Объясни, почему мой Павел дерьмо? — Злопамятная Бронька неприязненно сжала губы.

Я объяснила. Не одной же мне, в конце концов, страдать на этом свете. И не надеждой единой жив человек — существуют иные стимулы к существованию. Например, суровая женская дружба, образец которой я смогла ей продемонстрировать.

— Дерьмо, — подтвердила Бронька, выслушав пронзительную правду. А я что говорила?

Но дальнейшей эскалации эпитетов, вопреки ожиданиям, не случилось. Бронька горестно замолчала, я тоже, и такое безмолвие, от которого хотелось кусать локти, мы сохраняли до прибытия «спасательной» группы.

Они опоздали всего на четыре минуты. Подкатил третий «крузер», до отказа набитый сотрудниками службы безопасности. Вышел Казарновский, направился ко мне нетвердым шагом. Я думала, он улыбнется хоть разок, но этого не произошло. Подошел, начал мяться. Я перехватила завистливый Бронькин взгляд. «Не трясись, голубушка, влипла так влипла, будешь знать...» — мстительно подумала я. Казарновский был побрит, волевой подбородок обрисовывался в полный фас, и смотрелся он очень привлекательно.

— Судя по лицу, — начала я, — у вас две новости: плохая и хорошая. Начните с плохой.

— Погиб майор Полипчук.

— О господи...

— Полтора часа назад... Заехал в гостиницу переодеться. Он снимал номер в «Приморской» — должны же мы, командировочные, где-то жить... — Он потерянно развел руками, словно извиняясь за такой недальновидный поступок. — В номере его ожидали. Ударили ножом в горло. Майор скончался, не приходя в сознание. Смысл действия предельно ясен — мы никого не боимся...

— А хорошая? — пробормотала я. — Простите...

— Мы начали распутывать клубок. Один из ваших вчерашних преследователей, Лидия Сергеевна, попал нам в руки. Раненные, они далеко не ушли. Их взяли в клещи, когда они пытались добраться до дороги. Молодой оказался вынослив, вырвал у нашего работника пистолет... Его пришлось ликвидировать. Второй дает показания. Уже выявлен ряд лиц, причастных к преступному сообществу. В частности, некий Павел Нестеров... — Вадим покосился на Броньку, но из тактических соображений ушел от подробностей. — Еще трое-четверо. Впрочем, это капля в море, работа продолжается. Ваши услуги, Лидия Сергеевна, руководству службы отныне не нужны. А вас, — Вадим поворотился к Броньке и слегка покраснел, — высылают с Украины. Примите сожаления. Это не мое решение, но я обязан его выполнить. Двое наших людей проводят вас до Перекопа. Не возражаете?

Что тут началось! Половецкая пляска! Бронька взвилась на дыбы и начала орать так, что все местные лешие попрятались в норы, а птицы разлетелись по соседним лесам. Она махала ручонками и топала ногами, заверяя, что не оставит это безнаказанным! Пусть только попробуют! Она будет жаловаться, и ее услышат! Она дойдет до министерства любых дел и президента чего угодно! Она уйдет в леса — партизанить! Еще товарищ Сталин нас учил, что сын за отца не ответчик, а уж любовница за любовника — тем более!..

К сожалению, ее глас остался вопиющим в лесистой местности. Двое крепких ребят при помощи третьего загрузили Броньку в ее же «кефир» и увезли, вихляя по колдобинам. Я не вмешивалась. Это было больно, гадко, тоскливо, но для Броньки, как ни верти, лучший выход. Эти парни — оперативники, не бюрократы, они прекрасно понимают, что Хатынская не в теме, отпускают ее с миром... Но ведь со временем в тему вцепятся бюрократы! И тогда потянут всех, имеющих даже косвенное касательство к делу. И Броньку в первую очередь. Я угрюмо наблюдала, как исчезает ее машина. Мне казалось, что Вадим покривил душой. Он принимал живейшее участие в решении Бронькиной судьбы, не такой он рядовой. Может быть, именно этим сомнительным ходом, за неимением других возможностей, он стремился выразить ко мне свое расположение? Неуклюже, некрасиво, но почему бы нет?

«Кефир» исчез из поля зрения. Я осталась одна в этом бредовом мире. Я растерянно обернулась. Вадим мялся на краю дороги. Ему самому требовались носилки. По крайней мере, анальгин. Но он сумел заглушить головную боль и приятно улыбнуться. Запавшие морщинки в районе губ показались мне в эту минуту самыми уставшими в мире.

— Не волнуйтесь, Лидия Сергеевна, все уляжется. Вы тоже вернетесь домой и будете вспоминать это лето с улыбкой. Вы свободны, я не отказываюсь от своих слов, но не могли бы вы вкратце обрисовать, что с вами произошло. Наши люди потеряли вас у кафе «Душа караима». Вы просто растворились в воздухе.

Я поведала в двух словах. Он задумался.

— И последняя просьба. Не могли бы мы с вами поискать этот дом?.. Ну тот самый, где с вами... беседовали. Это может быть важным.

У меня просто не хватило духу ему отказать.

Глава двенадцатая

Мы нашли этот дом «специального назначения» — ради этого мне пришлось мобилизовать последние резервы головного мозга. Этот домик соседствовал с морем — куда проще обнаружить скалу с одиноким косоруким деревом, печаль которого я наблюдала из оконца. Потрясенный моими мыслительными способностями, Казарновский тут же вызвал катерок, замаскированный под рыбачий (очень убедительно замаскированный, вероятно, и был рыбачий).

Мы обнаружили эту скалу в трех милях к востоку от Тихой бухты. Она была одна такая — неприступная, хотя и значительно ниже скалы Обмана. Косорукое деревце на ее вершине со стороны моря смотрелось совсем безжизненным. С него давно опала хвоя, оно высохло, разделось, почернело, но продолжало стоять.

Оповещенная по радиации группа в штатском немедленно взяла садик в кольцо. Ошибиться не могли — другого здания у скалы не было. Кинулись на штурм с трех сторон... и вбежали в пустой дом с помпезным камином. Оппоненты давно ушли, сохранив порядок в боевых рядах. Остались лишь отпечатки протекторов в саду да разлохмаченная пыль в мансарде. Опрос соседей ясности не привнес: дома разбросаны, укрыты садами. Поди пойми, что творится по соседству. Приезжали какие-то машины, доносились мужские голоса, но чем они там занимались — неизвестно. Позже выяснят, что одна подозрительная фирма сдала домик под склад другой подозрительной фирме. Следов ни той, ни этой уже не сыскать, товар отсутствует, фигуранты смылись. Логично допустить, что дом использовался для конспиративных встреч работников искомой конторы.

Я свою партию в «концерте» отыграла, за что и получила благодарность от Казарновского.

— Надобность в вашем присутствии отпадает, Лидия Сергеевна. Всему миру известно что вы именно та, за кого себя выдаете. Держите паспорт. — Он отдал мою книжицу, аккуратно завернутую в целлофан, помялся: — И не держите на нас зла, хорошо? Вы же знаете методы работы органов безопасности... Они во всем мире одинаковы.

С вами поступили не самым худшим образом, согласитесь. *

Я охотно закивала, вспомнив, что для некоторых людей эта история закончилась куда печальнее.

— Вы любите свою работу? — спросила я.

— Очень, — признался Вадим. А подумав, добавил, что невозможно не любить работу, исполненную риска, романтики, приключений, погонь и грохота стрельбы, невнятной идеологической и политической окраски, лишённую справедливости, жалости к гражданам любых стран и благодарности от начальства. Не говоря уже про смешную зарплату и невозможность побыть дома.

— Допекло... — кивнула я. — Понятно. Отвезете меня до бунгало?

— Давайте, — согласился он. — По скорому. Здесь работы, Лидия Сергеевна, — непочатый край. Простите за спешку.

Громыхающий «круизер», набитый молчаливыми джентльменами, высадил меня у калитки напротив крыльца.

— Отдыхайте, Лидия Сергеевна, — улыбнулся на прощание Казарновский. — Все ваши беды — в прошлом. Я уверен, вы отлично проведете остаток отпуска. Обещаю заехать к вам,

когда появится минутка. Не возражаете?

— Да уж сделайте милость...

Я стояла, теребя в руках платочек, и смотрела, как драндулет, набитый бойцами невидимого фронта, исчезает в пыли. Я не замечала, как поземкой несется по дороге эта пыль, поднятая усилившимся ветром, как гнутся деревья, указывая на поворот в погоде, как по краям темнеющего неба собираются серые кочевые тучи. Ничего я не замечала... Пустота царила в душе, вакуум. Говорят, что любовь в вакууме не распространяется, и во избежание необратимых последствий при данном состоянии души лучше найти себе другое занятие...

На мое счастье, никого из соседей я не встретила. На скорую руку переодевшись (скоро не во что будет!), схватила сумочку и побежала к доске зеленой. На аллее перед главным корпусом санатория меня подхватил ветер и вместе с пылью погнал к танцплощадке. За ней всегда тусуются такси, даже в пыльную бурю, и сегодняшний вечер не стал исключением.

— На Топтунова! — крикнула я, падая на продавленное сиденье. Вдруг успею?

— Будет сделано, — добродушно согласился таксист. — Скверная погода, дамочка, как вам это нравится?

— А что это значит? — спросила я, безрадостно наблюдая, как гнется кустарник и трещат беседки.

— Это бывает, — отмахнулся водила, выруливая в город. — Циклон, видать, с юга идет. Турция опять подкузьмила. Этим летом в третий раз. Меняется погода на планете, дамочка, ох как меняется... В июле смерч бушевал в трех милях от берега, волну поднял страшную, а эти придурки — отдыхающие, — представляете, стояли на берегу и снимали на камеры. И детишки рядом с ними резвились. Хорошо, что рассосался, а ведь как могло быть? Долбанет по пляжу — всех разбросает... Да вы не волнуйтесь, дамочка, до ночи дождик вряд ли соберется, а там уж как-нибудь перетопчетесь. День-два, и снова солнышко глянет, море уляжется, а пока полощет, можно и в ресторане посидеть, так?..

Веселенькая перспектива намечалась. Впрочем, что мне до этой перспективы? Он домчал меня до Топтунова за десятку. Вежливо предложил:

— Подождать?

Какой приятный дядечка. Предложи я ему еще одну купюру — так и удочерил бы.

— Подождите, — не воспротивилась я. Мой визит даже не назвать визитом вежливости, так — визит отчаяния, в расчете непонятно на что.

— А ее уже увезли, Лидочек, — развел руками, не скрывая удовольствия, Лешка. На лице его, однако, обозначилось не только удовольствие, но также испуг и возбуждение.

— Давно увезли? — вздохнула я.

— Давно, давно, — закивал он. Потом, воровато озираясь, спросил: — Слушай, не пойму, куда она влипла? Это из-за ее хахаля, верно? — Не дождавшись ответа, забормотал: — Такие серьезные мужики... побросали ее шмотки в машину, сунули корки нам с Оксанкой под нос и сказали, чтобы молчали, а не то привлекут... Ты бы слышала, как она материлась, Лидок. Заслушаешься, просто песня года... Одному пыталась по мордалам съездить, да он свольтировал — фехтовальщик, видать, другому обрезать кое-что обещала, дабы ручонки не распускал... Я думал, они ее на месте и зашибут, а они не стали, терпеливые, словно и не наши... Повезли куда-то за Перекоп, без права последующего возвращения в Крым... Слушай, Лидок, — нахмурился вдруг Лешка, осознав, что здесь что-то не так, — ты ведь к ее неприятностям не имеешь отношения, верно?

— С чего бы? — удивилась я.

— А знаешь что, — он опять воровато оглянулся, — ко мне мужик должен подъехать, увезти в Запашный переулок — у его брата «жулька» тормозами навернулась. Давай через пару часиков встретимся в «Южном сиянии» на Художников, посидим, старое помянем... Ну пожалуйста, Лидок. Я ведь скучал по тебе просто нечеловечески...

У него аж волосики на висках от храбрости вздыбились. Глазки, правда, бегали быстрее обычного, но это ведь не Лешик виноват, просто жизнь у него такая собачья...

— Извини, Леша, — покачала я головой. — У тебя — семья, а у меня — вообще другое государство. Мы с тобой недавно поминали старое. А кто дважды старое помянет, тот ослепнет...

Ветер усиливался. Где-то недалеко он, похоже, прямым попаданием взорвал мусорку — по воздуху летали обрывки какой-то пленки, цветные обертки от еды.

Шофер нетерпеливо посигналил.

— Чао, дорогой, — сказала я.

Грозовые тучи перестали жаться у края неба — подступили к побережью. Ветер дул свистящими порывами: то стояло относительное безветрие, то начинало выть и верещать. Хлесткие серые волны бились о берег, гнуло кусты, редкие люди в одетом виде выходили на пляж и тут же убегали обратно — в море не лезли, даже серфингисты предпочли в этот вечер не спорить с волной, а переждать до лучших времен.

Весь остаток светового дня я провела у окна, пуская дым в открытую форточку. Разлеглась, будто кошка, на подоконнике и терлась носом о стекло, наслаждаясь прохладой. Апатия снизошла — убийственная. Ни переживать, ни сопереживать я уже не могла. В голове — пустота. Я не хотела ехать домой. Не хотела оставаться. Не хотела спать, мыться, пить, есть (бутерброды, приобретенные в буфете, засыхали на столе). Мне не хотелось даже лежать на подоконнике, но я лежала, поскольку встать с него мне не хотелось еще больше.

С наступлением темноты за окном перестало свистеть. Но и дождь пока не собрался. Природа погрузилась в тишину, означающую лишь одно — затишье перед бурей. Я отметила это последним отмирающим органом — слухом. Потом сверху что-то заскрипело — видно, Костюковичи дружно перевернулись на другой бок. Я тоже перевернулась — сработала синхронность — и... свалилась с подоконника. Однако, будучи в этот вечер кошкой, свалилась на задние лапы, не переломав ни одной. Ко мне вернулись отмирающие органы и какой-то интерес к жизни. Вернее, не к самой, а к одной из ее составляющих — свежему воздуху.

В бунгало было очень тихо. Костюковичи давили на массу, Соня с Ритой то ли спали, то ли нет. Я вышла на крыльцо и была заморожена красотой вечернего неба. Тучи подступили совсем близко, со всех сторон, над головой осталось лишь быстро сжимающееся рваное оконце. Чем сильнее оно сжималось, тем ярче светили в нем звезды. Тем больше их становилось. Светлячки превращались в яркие сверхновые, созвездия — в переплетенные между собой гирлянды. Звезды протестовали против безвременного ухода со сцены, им было жалко себя, ведь они привыкли здесь находиться, в этом месте, в это время...

Я спустилась с обрыва, села под лестницей, стала смотреть, как приутихший шторм выбрасывает на берег волны. К удивлению, здесь оказалось довольно многолюдно: привлеченные тишиной отдыхающие повылазили из санатория, бродили по пляжу, кто-то смеялся, кто-то горько сетовал, что не к погоде прибыл, а путевка всего на неделю. Подошел

Алик, постоял, колеблясь, не обозначить ли обиду из-за моего вчерашнего поступка, решил, что не стоит, — все равно ведь пришел. Опустился на корточки.

— Я не сразу вас узнал, Лидия Сергеевна. Вы спустились незаметно.

— Я сегодня кошка, — объяснила я.

— А вчера вы были кем? Хитрым лисенком?

— Испуганным хитрым лисенком, — уточнила я. — Не обижайся, Алик. Я попала в неприятную историю, перепугалась до смерти, сама не знаю, что на меня нашло. Не обижайся, пожалуйста.

Он молча ковырял песок.

— Я помню, вас испугал какой-то тип на пляже... Не расскажете?

— Зачем? Неприятная история подошла к завершению. Она оказалась досадным недоразумением, не более. Будем надеяться, все позади.

— Я рад за вас, — буркнул он. — А попросить у меня помощи не догадались?

— Нет. Не догадалась. Зачем беспокоить чужих людей?

— Чужих людей... — Он повторил мою фразу, будто эхо, долго вдумывался в ее смысл. — Я многое бы отдал, Лидия Сергеевна, чтобы вы не говорили про меня «чужой»...

А что бы он отдал, интересно? — вдруг подумала я. Что вообще готовы отдать мужики, чтобы заполучить расположение сводящего их с ума объекта? Именно на первом этапе, поскольку про последующие речь уже не идет. На последующих этапах ни черта они не отдадут.

— А что бы ты отдал, Алик? — спросила я.

— Полжизни, — не задумываясь, рубанул он.

— А другую половину?

Он задумался. Перестал ковырять песок и попытался отыскать в темноте мои глаза.

— Извини, — сказала я. — Не подумала. Удовольствие, конечно, ниже среднего — быть «не чужим» посмертно. Умереть мы пока не готовы.

— Вам мало половины? — расстроено спросил он.

— Много, Алик. Слишком много. Я не стою того. К тому же я недавно выяснила, что любовь в вакууме не распространяется. Забавно, да?

Мерцающее светлячками «окно» над Жемчужным продолжало сжиматься. Оно напоминало диафрагму фотоаппарата. Через полчаса захлопнется, и наступит мрак на всей земле. Луна уже исчезла. Оставалась еле видимая туманность выше светлячков — очень мелкие звездные завихрения, метущие небо тонкой метлой.

— Завтра на базе мероприятие, — заговорил он о другом. — Все желающие в девять утра будут штурмовать Ай-Чу. Ну не саму, конечно, для этого надо слишком много выпить... а один из отходящих от нее отрогов. Там вполне проходима тропа, места ужасно красивые... Вы не бывали в Большом каньоне под Бахчисараем?

— Я даже в Аризоне на Большом каньоне не была, — посожалела я. — Хотя, полагаю, между ними есть определенная разница. О чем ты говоришь, Алик? Сезон дождей и ураганов с завтрашнего дня — не самое подходящее время для скалолазания.

— Неправда, Лидия Сергеевна. Есть сводка метеослужбы. Циклон уйдет стороной, на Севастополь, мы попадаем в самый край непогоды. Ночью обещают дождь, без разрушительных, впрочем, последствий, а вот завтра — навряд ли. Понижение температуры, облачность, давление — общим числом на пару суток, местами мелкие осадки — для похода в горы самый климат, не находите?

— Не слышу энтузиазма в твоём голосе. Ты, похоже, не собираешься присоединиться к экспедиции?

— Не знаю, Лидия Сергеевна, настроения нет. Вот если бы вы со мной пошли, я бы даже не раздумывал...

У меня-то точно настроения не будет. Я попыталась ему это втолковать красноречивым молчанием. Он меня понял. Он и не мог рассчитывать на нечто большее. Даже по завершении великих потрясений, чуть не сделавших из меня покойницу, я упорно не желала расставаться с реноме госпожи «Нет».

Я проснулась с колотящимся сердцем. Почему? Открыла глаза и сразу вспотела. Что послужило причиной пробуждения? Мои нервы перестали служить связующим звеном между внешним раздражителем и внутренним «приемником». Нервы не при деле. Остаются органы чувств, которые продолжают тянуть ляжку в облегченном режиме. Скажем, слух... Тишина не была абсолютной, за стеной моросил дождь, отчетливо шурша по земле и кустарнику. Что прорезалось через это шуршание?

Чу! В коридоре что-то скрипнуло. Еще раз! Вот он — раздражитель. А первый — стук закрываемой двери. Я не успела перевести дыхание, как превратилась в энергетически заряженную вещь. Лежала, напрягшись, и слушала. Кто-то вышел из комнаты на первом этаже и скрипел половицами в коридоре. Еле слышные шаги, и снова — скри-ип... Тишина. Постоял. Опять шаги. Открылась и закрылась входная дверь. Она не имеет запора, в отличие от остальных дверей, ее держит плотная набивка из кожи, не позволяющая распахнуть ветру. Зато ее может распахнуть любой человек.

Но сейчас распахнул не любой...

Действуй, Маня!.. Я вскочила с кровати, на ощупь нашла окно и распахнула занавеску. Щелкнула шпингалетом — толстая рама не успела скрипнуть, как я подала ее вверх — в таком положении она отворяется тяжело, но без скрипа... Я высунулась по пояс, мгновенно окунувшись в ночную свежесть. Капал дождь, мелкий и частый. Я успела к самому действию. Не слышала, как хрустел гравий на восточной стороне дома, между калиткой и крыльцом, но различила, как звякнула щеколда на калитке. Самая примитивная, из плоского огрызка стали, с крючком на конце...

И в тот же миг что-то серое проскользнуло по аллейке в сторону моря. Ага, вот оно! Та аллейка не доходит до пляжа, сворачивает налево. Пляж под обрывом, а аллейку ограничивает высокая ограда из ракушечника, она идет параллельно берегу, уходит влево, огибает дикий кустарник и за короткой цепочкой кипарисов сливается с дорогой на Форос. По ней легко одолеть полпути до гротов восточной стороны бухты...

Вот оно! Дама козырной масти! У Царицыной наступают непростые деньки. Этой мымре надо что-то делать. Рокот на том свете, «княжество» трещит по всем швам. Договариваться с его преемником нереально — это все равно что договариваться с людьми в «фантомасках». Разговор у них короткий. Выходить на СБУ? Опасно. А вдруг честные попадутся? Сомнительно, но вдруг? Ей надо либо увозить груз, либо искать нового покупателя. Либо... консервировать. Первые два пункта проблематичны, третий реален.

Я привыкла действовать мужественно. Одно лишь мужество и осталось. Кто бы еще подумал за меня о последствиях! Злая блажь ударила в голову — узнай! Не напрасно ты страдала, а потому можешь рассчитывать хоть на малую толику возмещения за расшатанное здоровье — информацию! Наглость города берет! Я метнулась к двери, но опомнилась — в

чем я? Быстро натянула шорты, мягкие тапочки, сорвала с лески в душевой микроскопический топик. Надевала его уже в коридоре, бочком пробираясь к двери. Не могу ходить прямо, когда темнота пронзает глаз!..

Не успела добежать до аллейки, как промокла насквозь. На хрена тебе этот геморрой? — робко поинтересовался проснувшийся здравый смысл. Интересный вообще товарищ мой здравый смысл. Просыпается в крайне редких случаях, причем далеко не в тех, когда необходимо. Может, не такой он и здравый?..

Размышляя таким образом, я бежала по аллее. Если мои предположения верны. Царицына уже далеко.

Я промчалась через все зигзаги аллеи, кустарник, вереницу кипарисов... и чуть не обогнала свой объект! Бог ты мой, она не бежала — она шла! Неплохим спортивным шагом, но куда медленнее, чем я. Серое пятно за густой пеленой дождя. Две руки, две ноги, а главное — совсем рядом. Я метнулась с дороги, присела на корточки. Вероятно, она что-то услышала — серое пятно перестало двигаться, застыло. Постояло, чуть колеблясь из стороны в сторону. После чего развернулось и продолжило путь. Хоть ты тресни, я не могла угадать, кто это. Ночь, непроницаемая завеса дождя и это чертово пятно, словно досадный офтальмологический дефект...

Я поднялась и, прижавшись к обочине дорожки, пошла дальше. Я так напряженно всматривалась перед собой, что заболели глаза. Но не напрасно это делала — несколько раз объект впереди останавливался. Его, видно, насторожил первоначальный шум, когда я неслась следом как угорелая, это очевидно. Но в дальнейшем ошибок не допускала: едва пятно останавливалось, я тоже замирала. Ночь и плотная стена дождя неплохо способствуют «лягушачьему» зрению: ты видишь движущиеся объекты и не реагируешь на неподвижные...

Объект опять начал перемещение, я — за ним, и таким образом мы двигались вплоть до выхода на Форосскую дорогу.

Здесь пятно стало заметнее. Оно постояло пару минут, постепенно обрастая очертаниями человека, затем побежало по правой обочине. Такое развитие событий мне понравилось: бегущему бессмысленно озираться. Мир трясется перед глазами. А надумай остановиться, я имею дополнительные секунды, чтобы уйти с «линии огня». Я тоже побежала, но по левой стороне, вдоль канавы водостока и густого кустарника, покрывающего подножие холма. Мы бежали довольно долго — мимо скалистых нагромождений у моря, мимо памятной скалы Обмана, палаточного городка, нудистского пляжа...

А затем пятно исчезло.

Тихий ужас охватил меня. Я решила, что меня увидели! Готовят засаду у того места, где я буду пробегать. «Чушь собачья, — проворчал мой здравый смысл, поневоле вынужденный перейти на мою сторону. — Эта дамочка не оборачивалась, ты сама видела. Она просто сошла с дороги, потому что ей гуда надо». Понятное дело, ей надо к морю. Приведя в порядок сердцебиение, я перебежала на правую сторону и довольно быстро уткнулась в тропу, круто падающую с обочины. Вплоть до моря здесь только груды камней. Край дороги окаймляли кусты. Я боком ступила на тропу, присела, чтобы не растянуться на скользком грунте, и неуклюже съехала в кустарник. Опять шла боком, выставив согнутую руку. По счастью, тропа худо-бедно просматривалась, а хищные ветки не доставали до моего лица. Растительность осталась позади, со стороны моря замерцала высокая скала, похожая на

спину двугорбого верблюда. Все подходы к ней преграждали беспорядочно наваленные камни. Начинался мир пещер и гротов — самое зловещее место, где бродят души убиенных контрабандистов...

Я прошла метров десять в сторону моря и неожиданно обнаружила, что сбилась с тропы. Попыталась вернуться, ступила на плоский валун, однако потеряла равновесие, поскользнулась, а когда поднялась на ноги, то вновь заговорил мой здравый смысл: «Вернись в бунгало, еще не поздно. Целее будешь!» Я попыталась успокоиться. Встала на камень, замерла, принялась всматриваться в причудливые очертания висящих над водой скал. И вдруг метрах в пятидесяти отметила шевеление! Я перестала дышать, сконцентрировалась... Есть! Еле различимая фигурка, точно крабик, карабкалась по камням, направляясь к левой впадине в спине «верблюда». Я отправилась туда же, карабкаясь по холодным глыбам, самые опасные участки преодолевала на коленях, на четвереньках, сползала, подтягивалась... И, опять потеряв объект из вида, застывала в отчаянии, но, заметив колебание в пространстве, мгновенно успокаивалась и продолжала черепаший гонки...

К моменту, когда особа, которую я заранее люто ненавидела, добралась до впадины в скале, я имела в активе нарывы на пятках и ушиб плеча.

Она выкарабкалась на гребень впадины и распрямилась. Обернулась и замерла. Я скрючилась в расщелине. Все мои предположения оказались верны. Женщина. Молодая, сильная. Явно не мадам Костюкович. Она никуда не спешила. Ее фигура бледно прорисовывалась на фоне туч. Потом нагнулась, осторожно сползла с гребня и стала потихоньку исчезать. Сначала исчезли ноги, затем гибкий бюст, затянутый во что-то обтягивающее, руки, все остальное...

Я устремилась к скале, перестав заботиться о скрытности передвижения. Это был стремительный бросок, чреватый опасными последствиями. Но я отделалась лишь ушибом косточки на щиколотке. Ужом вползла на шершавый гребень, подтянулась.

До воды оставалось метров десять. Впрочем, трудно сказать, где непосредственно обрывался берег. Береговая полоса была сильно изрезана. Под обрывом — все те же нагромождения, но здешние валуны представляли собой гладкие, отшлифованные волной плиты. Отдельные камни лежали в самой воде, образуя крохотные живописные островки. Другие вздымались монолитно над морем, создавая под собой извилистые пещерные пространства, наполненные водой и воздухом, — гроты...

Метеосводка, похоже, подтверждалась. Циклон лишь краем мазнул Тихую бухту. Ветер стих еще с вечера, через несколько часов — и шторм. На берег набегала почти неслышная, безобидная волна. Не мороси занудливый дождь — стояла бы прекрасная погода. Женское тело скользнуло меж двумя приземистыми окатышами — словно погрузилось в параллельный мир. Там она что-то сняла с себя. Вероятно, обувь. Раздался тихий всплеск. Наступало самое интересное. «Не прощелкай клювом, раз уж взялась», — пробурчал под черепашкой здравый смысл. Он тоже исполнился азарта. Я на корточках спустилась с гребня, подобралась к одному из окатышей. Распростерлась на скользком камне и осторожно выглянула. Женщина плыла неторопливо, широкими саженками. По поверхности скользила лишь голова в шапочке — гладкий черный шарик. Вот она обернулась. Я прижалась к валуну и постаралась максимально окаменеть. Она плыла дальше. Завернула за островок из выступающего над водой обломка скалы, показалась с другой его стороны. Не успела я моргнуть, а шарик уже скользил под полусводом нависающего над водой обрыва.

Она плыла вдоль берега, как раз в той его части, где на берег выбраться невозможно — слишком круто вздымались над морем мрачные глыбы. Через минуту я могла ее потерять. Отлепившись от камня, я уселась на утомленную приключениями пятую точку и бесшумно сползла в воду. Плавно загребая, подалась к островку, отстоящему от берега метров на двадцать. Обогнув его, вцепилась в зазубрины и, болтая ногами, стала наблюдать. Объект продолжал двигаться в полуметре от обрыва. Делать нечего, я была вынуждена плыть дальше параллельно ее курсу — до аналогичного островка, похожего на подтопленного носорога. Еще метров сорок. Я не выпускала из вида ее голову, готовая при первых же признаках вращения погрузиться в воду. Но женщина не оборачивалась. Ее теперь волновало другое: она вплотную приблизилась к изрезанному трещинами обрыву и водила по нему рукой. Я доплыла до второго островка, ухватилась за выступ в камне и, уперев ногу в аналогичный под водой, выбралась на поверхность. Меня уже нешуточно потряхивал озноб. Першило в носу. Приподняв голову над зубцами в камне, продолжала наблюдать. А женщина продолжала плыть, но уже очень медленно, настойчиво ощупывая стены...

Тут у меня в носу вновь запершило. Яростно потеряв переносицу, я стала хватать ртом воздух. Бесполезно. Не видя иного выхода, разжала руки, вертикально вонзилась в воду и уже там чихнула. Потрясающе! Вы никогда не чихали под водой? И не рекомендую. Голова потом долго кружится...

Я вынырнула, ошарашенная, вцепилась в островок, опять вскарабкалась, сбивая пальцы на ногах. Женщина пропала!..

Волны тихо плескались под нависающим карнизом, просматривалась вся поверхность воды. Женщины не было. Далеко уплыть она не могла: я отсутствовала всего несколько секунд! «А ты подумай, — забрюзжал «консультант» в черепе, взявший на себя право меня учить. — Она зачем сюда плыла? Тебя дразнить? Или дела делать?..» Боже, она исчезла, потому что приплыла. В грот она канула.

Я забыла про озноб и про опасность. Разжав руки, вошла в воду, обогнула островок и подплыла к тому месту, где в последний раз видела голову. Втянулась под козырек, прижалась к обрыву. И принялась ощупывать рукой склизкие стены — холодные, покрытые мраком и непредсказуемостью...

Первым делом провалилась нога. Затем рука за крупным наростом на стене, похожим на гигантский наплыв монтажной пены, уткнулась в пустоту. В стене обнаружился провал. Высотой около метра над уровнем воды и шириной — в аккурат для плеч человека. Я нашла таинственное место, где неопознанный объект спрятал контрабанду...

Невозможно описать мои чувства! Эйфория вскружила голову. Я нашла! Не СБУ, не мафия, не люди в горнолыжных масках с непомерными амбициями... Совершенно не соображая, что творю, я прижала правую руку к бедру и, загребая левой, боком втиснулась в пролом...

Очевидно, здесь большая пещера. Было просторно и неплохо дышалось. Натянутая дрожащая тишина с запахом затхлости — совсем не тот мир, что остался за стенами. Капала вода, разбиваясь о камень. Эхом отдавались шлепки...

Я успела притормозить в метре от пролома. Куда разогналась? Снова вернулся страх. Заплыви я подальше — а как назад? Тыкаться в стены? Изнутри пролом почти не просматривался. Я вообще ни зги не видела. Как ослепла. Развернулась, сделала два взмаха и, найдя на ощупь трещину, приклеилась к ней. Стала слушать.

Я не одна находилась в этой пещере. За монотонной капелью прослушивался шорох, плеск воды. Звуки отдалялись: человек уплывал. Очевидно, он тоже не блестяще ориентировался в темноте, двигался по стенам. Пещера оказалась не единственной в этом гроте. Она соединялась извилистыми ходами с другими пещерами. Недаром Рокот говорил: можно искать годами, не зная, что искомое рядом...

Звуки затихали. Затем в приличном отдалении, за толщами стен, раздался треск, свалилось в воду что-то тяжелое. Затем опять. Вроде тело вошло в воду. Донесся характерный стук — такое впечатление, что отодвигали камни. Но слишком глухо, можно подумать, будто под водой. Опять всплеск, шорох... Отблеск отраженного света (фонарик?) ... И загадочная продолжительная тишина, окончания которой я предпочла не ждать: оторвалась от камня и, извиваясь угрем, выдавилась из трещины. Хватит... Вразмашку поплыла к каменному островку. Опять забралась на скользкий выступ, скрючилась; дрожа от холода, стала ждать.

Женщина появилась минут через пятнадцать — с пустыми руками. Что она там делала? Ревизию проводила? Сохранность проверяла? Перепрятывала?..

Из ниоткуда возникла голова, поплыла вдоль обрыва, покачиваясь по волнам. Я от холода уже ничего не соображала. Стуча зубами, дождалась, пока она минует один островок, другой... Затем фигурка выбралась на берег, вынула из-под камня обувку, натянула на ноги и начала карабкаться на гребень. Лишь дождавшись, когда она скроется из виду, я пустилась вразмашку по проторенной дорожке. Выползла на валун, примостилась на гребне. Я ее быстро вычислила: серое пятнышко по разбросанным камням пробиралось к дороге. Но не спешила за ней вслед, терпеливо дождалась, пока она скроется в кустах. После чего, не пригибаясь, запрыгала по камням...

Я догнала ее за кипарисовой аллеей, когда дождь усилился и встал вертикальной стеной. Обмороженная голова разрывалась от боли. До бунгало оставалось метров сто с двумя поворотами. Она бежала не спеша, размеренным спортивным шагом. И тут меня осенило: я должна первой попасть в дом! Иначе половина трудов насмарку — забежит эта мымра в комнату, гадай потом — в какую. Я аж похвалила себя — верно мыслишь, разведка... Свернув направо, помчалась напрямик — через тополя и кустарник. По времени легко успеть, если не упасть... Я почти и не упала. Обожгла ноги о колючие ветки, перебежала аллею перед калиткой (я сегодня черная кошка, несу зло). Замешкалась со щеколдой, но наверстала перед крыльцом: влетела на него как ошпаренная, распахнула дверь. Протиснувшись в коридор, прикрыла за собой дверь. Все. Это дом, где и стены помогают... И почувствовала, как напряжение уходит вместе с ознобом. Испытывая невыразимое облегчение, я на цыпочках отправилась по коридору, в самый дальний конец. Дверь собственного номера решительно миновала, раскрыла застекленную дверь на террасу, присела за ней на корточки, оставив узкую щель.

И всего лишь за мгновение до ее появления.

Она и здесь умудрилась войти бесшумно. Тонкая тень обрисовалась в проеме. Переступила порог, натянула до упора дверь. Я прищурила глаза, концентрируясь на узком пространстве. Какая бы темень вас ни окружала, а понять, куда пойдет человек — налево или направо, — можно без усилий. Это можно элементарно услышать!

Я услышала. И даже увидела. Провернулся ключ в замке. Закачался мрак — серый сгусток материи вошел к себе в номер и заперся.

Теперь я знала все: где укрыта контрабанда, и кто ее привез. Можно было с чистой

совестью уезжать домой.

Глава тринадцатая

Первым делом я сняла с себя все, даже часы, показывающие половину третьего. Растерлась махровым полотенцем, обмотала его вокруг себя. Сверху завернулась в одеяло. Во всем этом добралась до холодильника и извлекла не допитый с Рокотом «бряг». Бокал нашелся на столе. Опустившись на кровать, я залпом выпила первую порцию. Вторую тянула глоточками, — впервые в жизни получая удовольствие от сорокаградусного пойла. Потом сидела, неподвижно впярься в стену. Коньяк неспешно разливался по сосудам, голова плыла.

Почувствовав себя человеком, не собирающимся в могилу, я переоделась. Из всего сухого и неободранного остались только джинсы — транспортная униформа — да голубая сорочка. Еще какие-то зеленые тапочки наподобие кед, обнаружив которые в боковом кармане сумки я страшно удивилась. Не помню, чтобы их брала. Для закрепления эффекта вновь приложила к бутылке. На дне еще что-то плескалось. Я аккуратно завинтила горлышко и поставила бутылку на середину стола. Уходя, в последний раз взглянула на часы: почти три. Самое время для визита.

Дорога в рай, наверное, выстлана телами дур. Выходя из номера, я почувствовала, что меня повело. Но не придавала этому значения. Я уже ничему не придавала значения. И не стала запирасть за собой дверь — какой смысл, не за тридевять земель иду. Подошла к интересующей меня двери и постучала. Разумеется, никто мне не открыл. Тогда я постучала снова, погромче.

— Кто? — спросил преувеличенно сонный голос.

— Откройте, Ольга Юрьевна, это Лида, — чуть запинаясь, проговорила я.

За дверью какое-то время помолчали, потом открыли. Я вошла. Женщина отступила в глубину комнаты, села на кровать. Ее правая рука как бы невзначай забралась под подушку, где и обосновалась. Над кроватью горел торшер, но слишком маломощный, чтобы нормально освещать комнату. Под ним даже читать было невозможно.

— Что ты хочешь? — спросила женщина.

— Потихе говорите, Ольга Юрьевна, — сказала я, плотно прикрывая дверь. — А тс Риту разбудите.

Она вынула из-под подушки пистолет и направила мне в живот.

— Ух, как страшно... — ухмыльнулась я.

Через пару минут бессловесной напряженной дуэли Соня повторила вопрос:

— Что ты хочешь?

Я бы тоже хотела знать — чего я хочу? Возможно, хотела посмотреть в глаза этой женщине. Благодаря ей я успешно похоронила свой отпуск. Но глаз ее я так и не увидела — они находились в темной зоне. Она была готова к любой неожиданности — пистолет на взводе, волосы высушены и стянуты, облегающее трико, футболка. Остаток ночи она собиралась провести в боевой готовности.

— Не знаю... — Я присела на краешек стула. — Женщине вроде меня трудно сформулировать, чего она хочет. Проще сказать, чего она не хочет.

— Да ты пьяна...

— Не без того, — кивнула я. — Полночи за тобою бегала, замерзла. Уж лучше буду пьяной, чем трезвой, но с двусторонним воспалением легких...

Она умела маскировать свои чувства. Эта женщина вовсе не походила на Соню Зырянову, что жила напротив и была в целом сносной бабенкой. Интересно, а сколько у нее личин?

— Значит, это ты топала по дорожке, как слон... — догадливо вымолвила Соня. — А я-то всерьез надеялась, что мне померещилось.

— Я тоже на это надеялась, — закивала я. — Представляешь, смех какой — чуть не обогнала тебя. Пришлось бы прикинуться физкультурницей — во срамотень-то...

Пистолет по-прежнему был направлен мне в живот, Я, кажется, слишком мало выпила, чтобы отнестись к этому безразлично.

— Откуда тебе известно имя Ольга Юрьевна? — мрачно спросила Соня.

— От верблюда, которого зовут Иван Валерьянович Рокот — милейший человек, но, к сожалению, мертвый. Давай поступим так, Соня. Ты уберешь пистолет — ну или, по крайней мере, сделаешь вид, что ты его убрала. Отвлекает, знаешь ли. А я расскажу тебе историю об одном досадном недоразумении, которая очень увлекательна, но, думаю, тебя расстроит.

— Давай...

— Отлично, — обрадовалась я. — Только ответь мне для начала на один вопрос: как тебе удалось заставить Ларису Куценко выйти на скалу Обмана, да еще в желтом парео? И почему именно в желтом?

— Такое было у меня в багаже... — Она равнодушно пожала плечами и сунула пистолет под подушку.

— Ты купила его в Турции, замечательно. Не поверишь, но примерно аналогичное я купила в заснеженной Сибири. А насчет Ларисы?

Она затягивала молчание. Я не стала ее торопить. Уселась поудобнее и приготовилась слушать.

— Тринадцатого числа мы сидели с ней в столовой... Ужинали. Ей приглянулся один парнишка из санатория, я видела. Она смотрела на него, как на сало. Вот бы, говорит, познакомиться. А парнишка ничего такой, румянький. Ей бы подошел. А я и говорю, как бы в шутку: я вас познакомлю, из меня мировая сваха... В общем, похихикали. А вечером я к ней поднялась, готовь, говорю, желтое парео, это его любимый цвет, и вообще, твой паренек у тебя в кармане, я обо всем договорилась. Она же простая, как три гривны, Ларису обдурить — что со стула встать...

— А парнишка что?

— А что парнишка? — Соня усмехнулась. — Утром четырнадцатого уехал в свой Трускавец — путевка у парня кончилась. Он же не знал ничего...

— А тебе ее не жаль?

— Перестань. Я ее смерти не желала. Все под Богом ходим. Ты хотела рассказать увлекательную историю?

Я рассказала... Мне не привыкать. У меня общепризнанный талант рассказчицы. А когда рассказ повторяется многократно, ничто не мешает отточить его стилистически и сбавить эмоциональность. Мое повествование произвело на Соню впечатление. Она слушала внимательно, ни разу не вмешавшись.

— Очень жаль, — закончила я, — что в ту ночь, когда меня похитили, а потом вернули, а потом мы под коньячок общались с Рокотом, в том числе говорили и о тебе, ты спала как последняя клуша. Это был твой единственный шанс свидеться с Рокотом без посредников и

решить все проблемы. Других шансов у тебя не было. При малейшей попытке связаться с ним ты попадала в лапы его конкурентов.

— Да, обидно, — не скрывая досады, призналась Соня. — Я действительно спала, как клуша. И не могла ничего слышать — мои окна выходят на другую сторону.

— Ты расскажешь, что случилось в бухте?

— Кому? — Она вскинула голову.

— Мне.

— Ты питаешь слабость к батальным сценам?

— Даже странную любовь. С той поры как стала участницей одной из них, ощущаю нелепое притяжение. Ты — единственная, кто выжил в батальной сцене. Я — почти единственная...

— Я всего лишь сопровождала груз, — пожала плечами Соня. — Ты понимаешь, что требуешь невозможного? Знающий долго не живет. Подумай хорошенько, Лида.

— Я не дура... — Это прозвучало довольно убедительно. — Мне плевать на твой груз и на то, сколько тонн баксов ваша банда заплатила пограничникам. Расскажи о том, что случилось в бухте.

— Странные у тебя капризы... — Она помолчала, будто настраиваясь на воспоминания. — Ладно, слушай... Это был гром среди ясного неба. Неприятностей ожидали в море, на берегу это было исключено. Никто не предполагал... В бухту вошел не катер, а легкая шхуна с мотором, наподобие тех, что используют коммерсанты, выгуливающие в море туристов за двадцать гривен... Кроме меня на борту было трое парней: Кемаль, Антон Сыромятко, Вадик Стрижак. Не волнуйся, все погибли. Их имена доподлинно известны органам. Нас атаковали, когда шхуна пришвартовалась у скалы, — мы встали к самому камню, там огромная глубина... Я находилась в трюме, готовила груз к подъему. Вдруг ударили огнем. В упор, из всех стволов. Антон погиб сразу, Кемалья ранили в живот. Я бросилась наверх, лежала на последней ступени, все видела. Опять спустилась в трюм — наверху невозможно было находиться. Это какие-то демоны... Стояли и строчили во весь рост, не прикрываясь, сметали с палубы все живое. Четыре демона с автоматами. Ужас. Кемаль как-то сумел бросить гранату, убил двоих, остальные прыгнули на палубу, добились Кемалья... Я притаилась под лестницей в трюме. Вадик бежал вниз, ко мне, его срезали в спину. Я стала стрелять, высадила обойму в какого-то удальца. Потом притворилась раненой, упала под лестницу, стонала... Этот гад, финальный, загремел по лестнице, я ему швабру между ног. Он как грохнется лбом, автомат выронил, ну я его и...

— А потом ты таскала свой груз на палубу, грузила в динги, шныряла на лодке по гротам...

Даже для обученного человека это непомерно тяжелый труд... Желтые фонарики на небе, тихая ночь, ядовитая луна в полный формат... В лихорадочной спешке, запинаясь о лежащие там и сям трупы, хрупкая женщина бросает в лодку тяжелые мешки, сползает за борт, гребет на веслах, в панике меняя дислокацию... Привязывает лодку то к одной скале, то к другой, заплывает в гроты, держа фонарик в зубах, ищет место, достойное ее дорогостоящего груза... Перетаскивает пакеты, испытывая жуткие неудобства... Топит лодку, отогнав на безопасное расстояние (рядом с гротом нельзя — найдут водолазы рваную резину, определят, где тайник)... Она переодевается (в герметичном пакете есть какие-то шмотки), пробирается в Жемчужное. Утром покупает сумки, барахло для «отдыхающей», прочую атрибутику, идет в «Савелов ключ», где настойчиво интересуется, не осталось ли

«свободной койки» для дамы из России, способной отстегнуть в фонд администрации кругленькую сумму...

— Ты знаешь про грот, — не совсем уверенно сказала Соня, — ты знаешь про меня. Не все, но знаешь. Что ты собираешься делать, подруга?

Хрупкая ручонка, способная грамотно свалить двух мужиков и выполнить уйму прочей хлопотной работы, сместилась на пару дюймов в сторону подушки.

— Ничего, — заверила я. — Разве что книгу написать. Художественную. От слова «худо». Сюжет будет основан на случайности совпадений имен и событий. Да не дергайся!.. Меня не интересует твой груз. И против тебя лично ничего не имею. К сожалению. Не хочу делать щедрые подарки ни ментам, ни мафии, ни СБУ. Они того не стоят. Они не изживают зло — они его плодят. Я совершенно равнодушна к их игрищам и вообще уезжаю завтра утром. Пошли вы все к черту! Будь иначе, зачем бы я сюда пришла? Ты же не думаешь, что я в стельку пьяна и не задумываюсь о последствиях?

Я внимательно следила за ее рукой. Можно было броситься на Соню, накрыть вместе с пистолетом да испытать судьбу в расчете один шанс из трех. Но что-то не хотелось. Соня помялась. Рука ползущая затормозила на полпути между ее бедром и подушкой. Остановка, несомненно, временная, но даже то, что она способна призадуматься, бесконечно радует.

— Хорошо, — задумчиво подытожила Соня, — это логично. Дополнительных неприятностей ты постарайся избежать. Но, извини, я буду вынуждена проследить, как ты уедешь, а то наделаешь по инерции новых глупостей. А поэтому сейчас мы с тобой...

С оглушительным треском распахнулась дверь.

— Замечательно, девочки!.. — громогласно приветствовал мужской голос. Грубая рука врезала по выключателю — вспыхнул яркий свет! — Внесем коррективы в ваши планы. Не возражаете? А ну не шевелиться!..

На пороге, сверкая глазами, стоял Павел...

Право слово, демон... Где ослепительная улыбка искушенного самца? Куда она подевалась?.. Перед нами стоял Мефистофель, порождение темных сил в изначальной богоборческой ипостаси... Черный трикотажный костюм, облегающий тело; темная шапочка с «закаткой», в две секунды преображающая ее в маску. Голубой огонь из глаз, на губах ухмылка торжества и дьявольского ехидства. В руке ствол. Здравствуйтесь, девочки.

Алкоголь еще не выветрился, поэтому не сказать, что я очень испугалась. Соня напряглась. Пальчики, лежащие на простыне, как-то нервно вздрогнули, сместились. Это видела только я, сидящая напротив. Павел не мог этого видеть — она сидела боком к двери.

— Вам привет из пятого отдела, Ольга Юрьевна. Персонально от майора Свешникове Всеволода Аркадьевича — он вас помнит... Не сказать, что любит, напротив, считает несколько некрасивым ваше исчезновение с документами по «героиновой базе»... Нуда ладно, сколько лет прошло. Все меняется. Он и помнит вас не совсем такую, и имя вы носили тогда несколько странное — Мария Петровна Стоцкая... Проиграли, уважаемая Мария Петровна, признайтесь, обошли мы вас?

— Волчара ты позорный, Нестеров... — процедила Соня, прокладывая пальчиками в простыне неглубокую «лыжню».

— Как вы догадались? — прошептала я.

Он повернул голову в мою сторону:

— Желтое парео, Лидия Сергеевна, пропади оно пропадом... Рано утром позавчера,

помните? Вы с подружкой слишком долго препирались у себя в комнате. Мне было скучно, понимаете? Я с детства обожаю шарить в чужом мусоре. Отходы жизнедеятельности — это изнанка человеческой природы, Лидия Сергеевна. Плавно переходящая в лицевую сторону. Изучая мусор конкретного человека, мы узнаем об этом человеке все. Изучая мусор группы лиц, мы начинаем с изумлением задумываться. Проще говоря, мне надоело болтаться у машины, я сходил на задний двор, поворошил в контейнере прутиком и зацепил какую-то желтую тряпку. Оказалось — парео. Оно не было рваным, зачем его выбросили? Я просто удивился. К сожалению, лишь на следующий день в голове сверкнуло. А не странно ли это, подумал я. А не поставить ли некоторые точки над «и»? Тормозим, Лидия Сергеевна, тормозим, не все такие сообразительные, как вы...

Тут он осознал свою ошибку — слишком долго голова его была повернута в мою сторону. И начал обратное вращение... Пальцы Сони между тем доползли до подушки, забрались под нее...

— Не шевелиться! — заорал Павел.

А дальше было страшное замедленное кино, в котором мне на первых порах отвели роль зрителя. Почему я запомнила этот эпизод до последнего штриха? Да потому что красиво, черт побери!.. Их действия оказались удивительно гармоничны! Они работали синхронно: из-под подушки явился черный ствол, плавно вычертил дугу, а подушка свалилась на пол... Павел завершил движение головой, что-то выкрикнул, оскалив зубы, сместил пистолет... Они вытянули свои стволы одновременно — друг в дружку, едва не сомкнув их черными пулеисущими отверстиями... Соня приподнялась — в глазах угар, решимость идти до конца... Павел отпрянул. Соня выпалила на полсекунды раньше: вспышка из ствола, удар Павлу в грудь... Ответный выстрел — машинальное нажатие на спусковой крючок... Голова у Сони дернулась, ее швырнуло на кровать, затылком о светильник... Павла бросило к двери, он взмахнул руками, пистолет полетел в стену, оттуда — кому-то под ноги. А далее — Соня с изумленными очами, вздетыми в потолок, и отверстием во лбу. У Павла — кровь фонтаном, ногти яростно скребут неровные половицы... Кто-то третий хватает пистолет — уж не я ли? — совершает фантастический скачок. Шлепок по выключателю — комната погружается в беспросветную темноту. Дергаю дверь — на пороге кто-то есть, пытается ввалиться в комнату. Наклоняю голову — быстрота, натиск! Человек не ожидает, а во мне кипучей энергии — через край. Тараном в живот — сгинь! Некто поддается, пятится под напором бешеной мегеры. Спотыкается, теряя равновесие. Выразительное слово «суки!» — на весь коридор. Мол, знай наших. А я уже лечу по диагонали — примерно туда, где ручка от моей двери. Лечу и горько думаю: вот и финиш твой, Косичкина... Сама напросилась.

Зато теперь точно знаешь место сокрытия груза. И злодеи знают, что ты знаешь, поскольку подслушивали вашу беседу. В аккурат успели.

А никто другой не знает. Ни одна живая душа на этом свете... Можно им, конечно, рассказать обо всем, но уж больно умирать неохота...

А дальше вновь пошло быстрое кино, и успех действия зависел лишь от моей сноровки. Я внеслась в свою комнату, провернула рукоятку замка. Кое-как втиснула пистолет в задний карман. Не успела доскакать до стола, повесить сумочку с деньгами и паспортом на шею (чтобы руки были свободны), как дверь затрещала от удара. Я в отчаянии схватила со стола недопитую бутылку бренди, замахнулась... Но только потеряла секунды — дверь держалась. Тогда я бросилась к окну, отжала шпингалет — впервые, что ли? Второй удар проломил тонкостенную среднюю часть двери. Я распахнула обе створки, села на подоконник,

развернулась на сто восемьдесят, поджав колени. Можно было посидеть, свесив ножки, подышать бодрящей послегрозовой свежестью, но после третьего сокрушительного удара дверь разлетелась на куски. Я спрыгнула на землю и побежала к доске зеленой (ночью, разумеется, серой), не замечая, что тащу с собой эту злосчастную бутылку бренди, благодаря которой и ввязалась в новый виток кошмара. А могла бы и избежать, не употреби третью дозу...

Эта ночь была самой отчаянной из всех моих ночей. Проверять на прочность уже было нечего — от характера остались рожки да ножки. Как от лампы, разбитой мертвой головой то ли Сони, то ли Ольги Царицыной, то ли некой Марии Петровны Стоцкой...

Я плутала по темным аллеям санатория, а когда услышала топот бегущих за мной людей, забралась под проломленный помост танцплощадки (в боковой его части висели разбитые доски), где, скрючившись в благоухании кошачьих ароматов, мелкими глоточками тянула бренди. Губы шепотом напевали старые песенки о любви, глаза закрывались от бессилия и нечеловеческого желания спать. Они протопали мимо, потом вернулись, обозначили на общедоступном русском отношении к моей персоне и перспективу на дальнейшие поиски. Заглянуть под помост они почему-то не удосужились. Да и черт с ними! Я допила «бряг», отложила в сторонку использованную тару. Достала из кармана пистолет и на ощупь начала изучать неведомую конструкцию. Что я знала в этом деле железно — так это три вещи. Во-первых, оружие — детям не игрушка. Во-вторых, в рукоятке пистолета должна присутствовать обойма. Если она пустая или не присутствует, оружие, как правило, не стреляет. Думаю, обойма была. Вряд ли Павел снарядил пистолет одним патроном. В-третьих, в современных конструкциях пистолетов есть такая хреновина, называемая предохранителем. Если оружие с него не снято, то оно опять же, как правило, не стреляет. Зато охотно может бабахнуть, когда предохранитель спущен, но у тебя еще нет желания стрелять. Например, от внезапного падения. От удара. Или от неловкого шевеления под помостом танцплощадки. Не думаю, что после выстрела Сони у убитого Павла было время ставить пистолет на предохранитель. А значит что? Значит, эта штуковина может бабахнуть от одной лишь мысли. Следовательно, нужно быть поосторожнее и переложить пистолет в сумочку.

— Перекрыть все дороги, — услышала я раздраженный начальственный голос. — Передайте Ляхову — не хрен сидеть без дела. Всех гаишников — в строй. Осматривать каждую машину. План «Перехват» или «Сирена», придумайте что-нибудь.

— Дороги перекрыты, командир, она не уйдет.

— Хорошо. Отправить людей в город, пусть прочешут. Трех — в яхт-клуб, держать бухту. Готовность — ноль. Контролируйте СБУ — никаких контактов с этой профурой. Не забывайте, что у нее пистолет.

Эго я-то профура?..

Я сидела под вонючими подмостками, а когда совсем невоготу стало, вылезла и кустами спустилась к берегу. На часах половина восьмого, народ пробуждается, погода неопределенная — дождь прошел, ураганы и прочие смерчи затаились, однако дует ветерок, и небо затянуто. Косматые тучи совсем низко, плывут, переплетаясь седыми завихрениями, — ни разрыва, ни просвета. Море волнуется. Черненький нырок с маленькой головкой бесстрашно раскачивается над водой, привязанный к волне...

Я сидела, трясясь от холода, под лохматым глиняным обрывом и сквозь бреши в

кустарнике наблюдала, как смельчаки и физкультурники наполняют пляж. Кто-то бродит по пенистой полосе, эстетствуя над беспокойным морем, кто-то всем смертям назло выполняет комплекс упражнений на счет «триста». Кто-то производит солевые ингаляции. Кто-то лезет в море, отмываясь от «вчерашнего»... Бухта заперта. На дорогах — «операторы машинного доения», сосредоточенные на несвойственной им задаче, а потому жестокие и злые. Море перекрыто, город — капкан, вертолеты не летают, до Вадима Казарновского — как до пещеры с тайником. Есть единственный путь, хотя и достаточно сложный.

Паспорт есть, деньги найдутся; махну через горные кручи — и ищи Косичкину в поле...

— Молодой человек, вы мне не поможете?

Парень в парусиновой панаме с заклепочками оторвался от важного дела — он скрупулезно пересчитывал волны, вычлняя, видимо, девятую, которая по внешним признакам отличается от предыдущих, и с интересом глянул на плывущую по песку особу. По такому торжественному случаю я распустила волосы, рассортировала их по плечам, а на губы налепила чуть дрожащую улыбку.

— Конечно, в чем вопрос... А что бы вы хотели?

«Ботаник», — с облегчением подумала я. На носу у парня красовались огромные, облезлые, в старомодной оправе «канцелярские» очки.

Я призывно облизала губы. Хотя столь отъявленные площадные жесты некоторых представителей «ботанической» среды могут отвергнуть.

— У вас есть несколько минут свободного времени?

— Только для вас... — Не такой уж он и ботаник, с сомнением подумала я. Уж больно репа расплылась. У допрашивающего меня молодого человека в загородном доме на носу также красовались очки. Но парень был хоть куда.

— Видите ли, в чем дело, молодой человек, — скромно начала я. — У меня очень ревнивый муж. Он грузин из Гурджаани — есть такой городок на востоке Грузии. Он приревновал меня ночью к официанту в баре «Под штурвалом», сильно избил и наклюкался, как скотина. Урод несчастный. Понимаете, я уверена, что он спит у своих дружков, но не могу избавиться от наваждения, что он бродит где-то по городу и норовит со мной разделаться. Я хочу уехать в Форос. Вы мне не поможете? Я могла бы обратиться к кому-нибудь другому, но у вас такие серьезные мускулы...

Мужиков надо периодически хвалить. Даже если у них не мускулы, а разлохмаченная бельевая веревка.

Молодой человек отрывисто сглотнул.

— А делать-то чего надо?

— Суший пустяк. Вы одолжите на несколько минут свою панамку, покрепче меня обнимите и станьте моим проводником ориентировочно до конца пляжной линии...

Это было заманчивое предложение. Устоять невозможно, особенно когда беззащитная женщина с надеждой взирает на ваши не очень мощные плечи, а муж-грузин где-то дрыхнет.

— Пойдемте, женщина, — решился мой новый рыцарь. Он протянул мне свою панамку, которую я немедленно натянула на глаза, и обнял так, что кости затрещали...

Я не ощущала ни брезгливости, ни отвращения. Только страх. Он тискал меня и облизывал мой висок, пока мы медленно смещались вдоль береговой полосы. В меру сил я тоже бормотала какие-то глупости, даже пыталась обнять его за потную спину, когда глаза случайных отдыхающих, как мне казалось, подозрительно нас рассматривали. Мы миновали санаторные пляжи, прошли бунгало, на которое я старательно не смотрела, первые

каменные россыпи. Здесь я собралась отделаться от «проводника», но это оказалось непросто.

— Спасибо вам, молодой человек, — вежливо поблагодарила я. Предчувствуя скорую разлуку, он вцепился в меня, как в свою собственность. Забрался под майку, погладил мои мурашки. Он думал, что я тут же разомлею.

— Зайдем за скалу, детка, ты же не будешь упрямитесь... — Он подтолкнул меня к увесистой каменной глыбе, перегородившей пляж.

— А ты ничего не хочешь надеть? — поинтересовалась я, переходя на «ты».

Очкарик несколько сконфузился.

— Да знаешь, детка, как-то не подумал. Ну ничего, мы сделаем это нетрадиционно. Ты умеешь?

Мог бы и не спрашивать, дурачок. При живом-то муже-грузине — и не уметь?

Он завлек меня за скалу, где без церемоний приступил к делу.

— Подожди, — попросила я, — у меня в сумочке, кажется, остался один.

Он сразу поверил, что я таскаю с собой изделия из натурального гипоаллергенного латекса! И нехотя меня выпустил. Но ручонки далеко не убрал. Мог схватить при неверном движении. Я забралась в сумочку и достала пистолет. Очкарик аж отпрыгнул.

— Ты что, охренела?

— Слушай, я правда не хочу. Ты понял? Ну не тянет сегодня! Ночка трудная была. И жить осталось — до понедельника. Обманула я тебя. Давай по-доброму расстанемся.

Он попятился. Я подняла пистолет на уровень глаз. Очкарик хрипло втянул воздух, нащупал за спиной край утеса и по шустрому исчез. Даже шляпку назад не попросил.

Я минутку постояла, затем осторожно высунула нос. Очкарик торопливо уходил, оглашая пространство визгливым матом. Руки судорожно застегивали брюки. Я почувствовала себя бессовестной обманщицей. Подождала еще минуту, убрала пистолет в сумочку и запрыгала по камням — в направлении скалы Обмана...

Глава четырнадцатая

— Это потрясающе! — Алик восхищенно поедал меня глазами. — Я вас правильно понял, Лидия Сергеевна, вы хотите вместе с группой психов подняться на Ай-Чу?

— Да, — кивнула я. — Меня зовут горы. И ты, Алик, пойдешь вместе со мной.

— Потрясающе, — повторил Алик. — Это совершенно невероятно! Дайте время, чтобы обрадоваться, Лидия Сергеевна. Это просто не укладывается в голове.

— А в моей голове сегодня вообще мало что укладывается, — сообщил похмельного вида бородач в брезентовой штормовке на голое тело. — Лучшее средство от похмелья — это горы, уверяю вас. Причем чем выше, тем надежнее. Лучше гор могут быть только горы. Как и лучше баб... — увел он тему при появлении из палатки лохматой девицы в аналогичной штормовке на голое тело, — могут быть только бабы...

— На которых еще не бывал, — зевнув, закончила девица, на корточки присела у костра и уставилась на котелок, в котором энергично заваривался чай.

— Между прочим, очень верно, — присоединился к компании возникший из соседней палатки крепыш с той же похмельной туманностью во взоре. — Горы крайне бодрят. Наличие отрицательных ионов в воздухе — главная причина. Попадая через легкие в кровь, они усиливают обмен веществ, улучшают кровообращение, оказывают благотворное влияние на весь организм. Возрастает количество эритроцитов, повышается процент гемоглобина в крови, расширяются легкие, глубже становится дыхание, реже пульс. Можно пить дальше. Лазарев. — Он протянул мне мозолистую руку. — Кострома, мон амур. По медицинской линии.

— По линии медицинского спирта, — слабым голосом поправила девица.

— Косичкина, — пожалала я крепкую ладонь. — Сибирь, по части непознанного.

— Уфолог, что ли? — зевнула девица.

— Да какая разница. Ворончук. Андрей, — сипловато представился бородач. — По линии правительственной связи. Вы не думайте, девушка, это мы только выглядим кошмарным народцем. А на самом деле мы милые, интеллигентные люди и, когда пьем, беседуем исключительно на интеллектуальные темы.

— Тамара, — пробормотала девица. — Подруга вот этого...

— Ага, Круэллочка моя, — ухмыльнулся бородач. — Подруга дней моих суровых. Кстати, именно благодаря ей они и выглядят такими суровыми. И за что я ее люблю?

Девица и впрямь была довольно страшенькой. Но чертовски обаятельной — в особенности курносый носиком, усеянным смешными веснушками. Вся компания, окружившая меня в этот ранний час, казалась свойской, обаятельной. В ней было то, чего мне так не хватало, — компанейство. И безопасность. Их было много, и они такие разные. Чем больше вокруг меня людей, тем меньше шансов у злодеев. Именно так я считала, и на первых порах в этих умозрительных выводах были свои резоны.

— Но ведь это неспроста, Лидия Сергеевна? — Алик среди этих милых людей казался самым озабоченным. — С вами происходят странные вещи. Вы пугаете меня. Вчера я не мог уговорить вас отправиться в горы, а сегодня вы выглядите еще больше испуганной, замотанной, но готовы сами не понимаете на что. У вас спина в паутине, вы об этом знаете?

— А ты не проявляешь излишнее любопытство? — поинтересовалась Тамарка, поднимая хитрые глаза. — Если женщина не хочет говорить, она имеет на это право.

— Она имеет право прежде всего на защиту, — проворчал Алик, — которую мы всегда охотно предоставим. Во всяком случае, я.

— Вот и защищай, — хохотнул бородач. — Желательно молча. А мы посмотрим.

— Я сидела под танцплощадкой, — призналась я. — Там жутко пахло кошками, было сыро и страшно. В это самое время злые люди пытались меня найти, и если бы нашли, то я была бы самой несчастной женщиной на свете.

Компания, сгрудившаяся у костра, многозначительно помолчала.

— Как все запущено, — почесал бороду Ворончук.

— Черт меня побери! — Алик гневно полыхнул глазами. — Я вам, кажется, предлагал свою помощь, Лидия Сергеевна. Причем неоднократно! Признайтесь, где была ваша голова?

— Интересно, кому вы так крепко нагадили? — Спец по медицинской линии, обжигая руки, снял с рогатин жердину с котелком и установил котелок на грубо сколоченный столик.

— Не волнуйтесь, дамочка, — подмигнул мутным глазом бородач, — вот поднимемся на вершину, все ваши беды как рукой снимет. Круэллочка на пике горы стриптиз исполнит, бутылочку раздавим. Верно, Круэллочка? Вспомни, дорогая, как ты вечером в чем мама родила над костром летала?..

— А зачем вам в горы? — подняла раскулаченную голову Тамарка. — Это как-то разрешит ваши проблемы?

— Я хочу попасть на плато. Если кто-то из вас мне в этом поможет, буду искренне признательна. Я слышала, через яйлы есть дороги, по которым можно добраться до Симферополя...

Яйлы, иначе называемые «степи в горах» — холмистые, заросшие разнотравьем равнины, — встречаются на всем протяжении Крымских гор. Очень часто их пререзают укатанные автомобильные дороги.

— Это опасно, — покачал головой Алик. — Горы — не асфальтовая аллея. Но в принципе от вершины Урсулдага — мы будем через нее проходить — существует тропа на плато Урзрум. Она тянется через все Боковое ущелье, от горловины следует подняться на стену каньона, а там на север — рукой подать.

— Никогда не подозревал, что от горловины каньона есть тропа, — почесал невымытую голову Ворончук.

— Еще как есть, — ухмыльнулся Алик. — Только это козья тропа. Звери на водопой спускаются, а люди в тех краях вообще не бывают.

— Ворончук, ну тащи же шашлык, — умоляюще протянула Тамарка. — Есть хочется, сил нет. Лысенко, где наша кружка?..

Туристская заповедь гласит: хочешь увидеть больше — отправляйся в путь с восходом солнца. Сработай заповедь в этот день — и я осталась бы у разбитого корыта. Но образ жизни местных отдыхающих не располагал к раннему подъему, да и на солнце в этот день нельзя было рассчитывать. Старт назначили на девять. Я получила в качестве безвозмездной гуманитарной помощи стоптанные Тамаркины кеды и просоленную штормовку ее бородатого друга. Какое немыслимое облегчение — находиться среди множества людей, которые и слыхом не слыхивали о мадам Царицыной, о ее дурацком грузе, о каких-то мафиозно-гэбэшных разборках! «До обеда поднимаемся, — объявил «распорядитель» акции, тощий энтузиаст по фамилии Васинский. — А после обеда, ближе к вечеру, соответственно, спускаемся. Попрошу не ныть, спиртные напитки в движении не потреблять, а всячески

служить примером для массового подражания. Слабаки и непохмелившиеся могут остаться дома!»

Тропа вилась по холмистому плато, то поднималась на бугры, то убегала в лощины, поросшие травами. Пестрело множество цветов. Я никогда не видела такого разноцветья в естественной среде обитания. Незабудки, первоцвет, белые ромашки, фиалки... Они живописно контрастировали с угрюмыми глыбами серого известняка, мимо которых пролегал наш путь. Группа растянулась — хвост еще топтался в районе плато, а голова колонны, в которой я оказалась по чистой случайности, уже входила в сосновый лес, покрывающий подошву южного склона Главной гряды. Здесь было необычно тихо, не слышно даже собственных шагов. Их звук заглушали серо-зеленые мхи, устилающие землю. Лишь ветер трогает раскидистые кроны, которые, кажется, где-то высоко, а основной частью дерева является серовато-коричневый ровный ствол, загорелый на солнце... На голых скалах растут совсем другие сосны — приземистые и угловато искривленные, со срезанной плоской вершиной. И те и другие почему-то называют крымской сосной, хотя различия явные.

От сосняка мы пошли на приступ громоздкой, похожей на развалины древней башни скалы. Она была слеплена из беспорядочно нагроможденных каменных глыб; одна часть — в черных подтеках, другая — в желтых. Местами виднелись промоины — от давно иссохших водопадов. Тропа становилась круче, порой ее преграждали камни — от огромных искривленных глыб с прицепившимися стебельками плюща до россыпей белого известняка со всевозможными вкраплениями. За скалой я почувствовала легкое головокружение, заломило в ушах. Зато открылся превосходный вид на окружающие горы. Они напоминали оловянные слитки. Все разные: то верблюд, одетый в меховую шубу мелкого кустарника, то щетинистая голова, утыканная дикими соснами, то скалистая обнаженка с обрушенными краями и вертикальными обрывами. Одна гора — зверь перед прыжком, другая — морщинистый перст, воздвигнутый в небо, третья — остановившаяся в разбеге волна, четвертая — обломок крепостной стены. Между складками гор — огромные зеленые впадины... И лишь вершина Ай-Чу — это нечто особенное, выдающееся, корявая длань, подавляющая все окрестные красоты...

— Давайте руку! — Алик упер в расщелину посох и помог мне взобраться на относительно ровную площадку. — Осторожнее, Лидия Сергеевна. Смотрите, куда ступаете. Не забывайте, что первый враг скалолаза — замаскированные пустоты. Здесь таких предостаточно. У нас в прошлом году с Чатырдага парень ухнул — ни одной косточки целой не осталось. Десять месяцев полной парализации, чем и может пошевелить — так только глазами.

— Перестань пугать женщину, — пробурчал, громко отдуваясь, карабкающийся по пятам бородач. — Взгляните лучше, Лидия Сергеевна, на море — чем не картинка? Так и просится на полотно художника.

У горного воздуха удивительное свойство — скрадывать расстояние. Море казалось совсем близким, прямо у ног. Оно плавно колыхалось, будто от внутреннего напряжения. Кто-то живой дышал в его глубине. Над широкой гладью стелился разреженный белый туман — ватное одеяло с большими прорехами. Грудились тучи — им не было края: все небо от востока до заката устилала темная, мерно клубящаяся муть.

— А представляете, каково здесь при солнечной погоде, — мечтательно вздохнул Ворончук. — Ей-богу, даже пить не хочется, от природы пьян и страшно доволен... Особенно когда восток разгорается, пылает горизонт, и тучи летят из золота и пурпура... М-

да, Лидия Сергеевна, это не восход над вашей Обью, уж поверьте старому бродяге.

— Вы так красиво говорите... — улыбнулась я.

— А я скажу еще краше... — ревниво забурчала из-за спины бородача Тамарка. — Самая красотища — встречать восход на ай-петринских зубцах. Если не мучиться, конечно, похмельем... Первым делом появляется нечто красноватое, бесформенное. Потом краски сгущаются, играет багрянец... Но это еще не шар и даже не полушарие. Это оранжево-красный клин, что-то вроде факела. Он постепенно удлиняется, растет, превращается в полукруг, который пробивает воду и медленно вырисовывается из моря... Затем на месте полукруга образуется светящийся веер. Он постепенно раскрывается, отражается в море и наконец трансформируется в огромный красный шар... Море золотит, скалы оживают, и, разумеется, вы не наблюдаете столь мрачную картину, как сейчас...

Я охотно подтвердила, что это тоже красиво. Должна же я была что-то говорить. Первый привал мы сделали в тесной лощинке, зажатой между лесистыми обрывами. Дно лощины устлало поваленные деревья — многие прямо с корнями, а одно и с куском обрыва — увесистой глиняной лепешкой, задубевшей от времени. Люди с наслаждением вытягивали ноги.

Кто-то перекусывал, кто-то доставал курево, окутывая себя табачным дымом. Кто-то весело хохотал, бинтовал свежие мозоли. Хохмач с негроидными губами сообщал на всю честную компанию, что для полноты ощущений не хватает дождя, и с этой минуты он начинает его усиленно накаркивать.

— Я не знаю, зачем вам на плато, Лидия Сергеевна, но на вершину Урсулдага мы придем через полчаса, — заявил примкнувший к нашему бревну Лазарев. — От нее падает тропа в Боковое ущелье. Заблудиться в нем невозможно. Вот только существует реальная опасность свернуть себе шею. Если бывали в Бахчисарайском каньоне, то вы меня поймете.

— Я пойду с вами, — безапелляционно заявил Алик. — На сей раз, Лидия Сергеевна вам от меня не уйти. Вместе будем помирать. С музыкой. — С этими словами он извлек из прорезиненной штормовки таблетку радиоприемника и принялся крутить настройку. Толковой музыки, правда, у него не получилось. Единственную песню, которую ему удалось найти, глушили порывистые помехи. Это не помешало Алику с мрачным видом отстукивать ритм и взирать на меня с какой-то неясной надеждой. Мол, не будете ли вы так любезны, мадам, не благословите ли вы вас защитить?

Он излучал такую угрюмую решимость, да и вся компания, теснившаяся с нами на одном бревне, выглядела настолько монолитно, что я ощутила волны релаксации... «Прорвемся, — успокоенно подумала я. — Эти хорошие люди — мой щит, пусть не на все времена, но хотя бы до вершины Урсулдага. Доберемся, а там посмотрим, на что я могу рассчитывать...»

Привал безбожно затягивался. Ответственный за мероприятие господин Васинский — худосочный тип с козлиной бородкой, яркий образчик массовика-непоседы — отвлекся на говорливую даму с прошлогодними воспоминаниями о прорыве по Салгиру. Остальная публика инициировать подъем не желала. Люди сбились в кучки по интересам, увлеченно болтали. Небритый тип в капюшоне продемонстрировал самый насущный «интерес». Украдкой глянув на соседей, он запустил руку в карман. Белобрысая единомышленница прикрыла его широким тазом, но плоская фляжечка все же мелькнула. «Капюшон» перехватил мой безразличный взгляд, прыснул. Девица вознамерилась обернуться, но он положил ей руку на плечо, что-то сказал. Еще двое из их компании повернулись в нашу

сторону. И кто-то из соседней...

Я похолодела. Кровь отхлынула от головы. Этот «кто-то из соседей» только глянул и отвернулся, натянув на череп колоколообразный капюшон, а мне уже хватило. Я застыла, не в силах пошевелиться. Отчаяние и страх захлестнули меня. Тип с облезлыми ушами! Мерзкий взгляд, которого с другим не спутаешь. Выследили!..

— Эй, подруга, ты нас покинула? — Тамарка ударила меня плечом и удивленно засияла веснушками. — Ты что, первого мужа вспомнила? А ну перестань...

Видать, в моих глазах и впрямь было нечто нечеловеческое. Испуганный Алик соскочил с бревна и уселся передо мной на корточки. Положил руки на мои дрожащие колени. Заслонил собой подглядывающего.

— Лидия Сергеевна, что случилось? Опять перемены в лице...

— Банк «Империал», серия сто пятая, — съерничал Лазарев. — Между прочим, здесь горы, дорогая наша женщина, если вы еще не заметили. Советую не шизовать, если не хотите домой отправиться на носилках. Учтите, одно неверное движение с перепугу...

— Это что, — отвлекаяще гоготнул Ворончук. — Вы бы видели, как я переменялся в лице, когда впервые в тиши лаборатории узрел свою Круэллочку. Это был глоток соляной кислоты, ребята. Очевидцы сего рокового события утверждали, что мое лицо вывернулось наизнанку, сложилось гармошкой, а когда вернуло свой первоначальный облик, это была тупая маска Джима Кэрри, охреневшая от счастья... Хотите грушу, Лидия Сергеевна? У меня полные карманы этого счастья, могу поделиться. Очень сочная в этом году дичка, мы тут надьсь один садик ободрали наголо...

Услужливая память подкинула мне картинку в заброшенном домике... Острые зубы благообразного очкарика смачно перегрызают грушу... Превращаются в гигантские вампирьи клыки и загораживают обеспокоенного Алика. Новая волна ужаса — как хлесткая оплеуха. Обложили!..

— Надоела неясность, Лидия Сергеевна, — хмуро признался Алик. — Объясните, ради бога, что вас терзает?

— Ты следи за ней, Лысенко, следи, — бдительно заметил Лазарев. — Отныне она твой крест, тебе его и тащить.

— Да нет, я в порядке, — пробормотала я, обретя способность шевелиться. — Просто привиделось что-то. Алик, не смотри на меня, как на привидение.

— А ну-ка навьючились! — опомнился Васинский. — Забросили рюкзаки! Ишь разотдыхались... Вперед, тунеядцы!..

Попала я, конечно, круто. Но сумела справиться с собой. Какой смысл нервничать? Думать надо. После привала я взяла себя в руки и попыталась сосредоточиться на тропе. Мы поднимались все выше. Поскрипывали ремни рюкзаков, хрустели камни под ногами. Застывшая длань Ай-Чу не менялась в размерах — возвышалась дамочловым мечом, одетая в серые тучи. Зато менялись окружающие картины. Тропа сделалась еще круче. Поворот следовал за поворотом, и за каждым из них открывался какой-нибудь новый вид. То шапки колючих кустов, оседлавшие склон, то голые поверхности известняков, изъеденные рытвинами. В кустах журчали родники. Тропа меняла очертания, то углублялась в гору, то головокружительно зависала над обрывом. В иных местах тропа упиралась в стену, но когда мы подходили к этому месту, то видели, что, круто повернув, она огибает скалу и вновь каменной змейкой вьется дальше. Мы двигались практически в голове колонны. Впереди

Алик, остальные сзади, отстав метра на три. Несколько раз я оборачивалась, шаря глазами по растянувшейся колонне. Колоколообразный капюшон присутствовал, он не померещился! На первых порах он плелся сзади, но внезапно я стала замечать, что он уже не последний! Прошло минут пять — он оказался уже в середине... Вот прыжком обогнал какую-то пышнотелую матрону, сбрасывающую жир на крутых тропах... Поднял голову, оценивая расстояние до «объекта». Я сделала нелепый скачок, уткнулась Алику в спину. Поскользнулась на скользком камне и чуть не влетела рукой в густую травку с крупными розоватыми цветками.

— Осторожно, ну что же вы так! — Он поднял меня за руку. — С этой травкой лучше не связываться, Лидия Сергеевна. Обожжетесь — заработаете мокнущие волдыри, неделю ныть будут. Это ясенец — очень опасная штука. Его листочки напоминают листья ясеня, отсюда и название...

— Библейская «неопалимая купина», — прокряхтел карабкающийся за мной Ворончук. — Поднесите к цветку зажженную спичку, и вокруг него появится синеватое пламя. А сам цветок несколько не пострадает. Чудеса!..

Я замороженно наблюдала за приближающимся типом. Он обогнал еще одну группу туристов — какую-то дружную семейку с седовласым «экстремалом» во главе — и находился человек через десять от меня. Интересно, какие у него планы? Я начала судорожно вертеть головой. Мы одолели очередной крутой участок и вновь попали в другой мир. Перед нами расстилалось просторное плато с полого очерченными холмами. Всюду воронкообразные углубления. На дне воронок и впадин — буковые рощи. Окрест — кучи камней, заросшие лишайниками. Справа густая «зеленка», по курсу, в сизой хляби, — угловатая вершина, практически лишенная растительности. До типа с облезлыми ушами — уже восемь человек...

— Полюбуйтесь, — кивнул Алик на вершину в сизой хляби, — это и есть Урсулдаг, легендарный телохранитель Ай-Чу. Мы обойдем его у подножия и направимся к самому «воину».

Насколько я знаю, под пятой Ай-Чу и заканчивается туристический маршрут. Полдня в нашем распоряжении, Лидия Сергеевна...

— А ущелье где? — Я бросила быстрый взгляд назад. «Капюшон» все приближался. Перед ним оставались пятеро, из них трое — это Лазарев и чета Ворончук — Тамарка. — Алик, где ущелье? Ты говорил про тропу в Боковом ущелье...

Он удивленно открыл рот, словно уже позабыл, куда я, собственно, намылилась.

— Господи, Лидия Сергеевна, вы опять о своем безумии! Горы вас не лечат... Ущелье справа от Урсул-дага, там имеется вполне конкретная, правда, опасная тропа... Я думал, вы уже забыли об этом. Ну подождите, давайте спокойно дойдем.

Спокойно уже не получалось. Демон в мятом капюшоне наступал на пятки и дышал в затылок серой...

— Алик... — заикаясь, заговорила я. — Помнишь типа с ушами, который следил за мной на пляже? Ты еще побежал за ним, а он пропал в кустах за пивной палаткой...

— Разумеется, Лидия Сергеевна...

— Попрошу минутку внимания! — объявил, взбираясь на камень, командор Васинский. — Посмотрите налево. Это единственная точка на нашем маршруте, где мы видим Ай-Чу в доселе непривычном разрезе! Мы знали ее как растопыренную пятерню, созданную титаническим усилием вулкана, воды и ветра! А отсюда мы видим, что эти

фантастические, изумительные по красоте «персты» представляют из себя огромные голые утесы, в диком беспорядке нагроможденные друг на друга. Их фактически не пять, а шесть, просто Властелин-гора, если смотреть на нее с моря, заслоняет собой Черного Сфинкса, и мы практически его не видим. А посмотрите, какое это уникальное по форме образование! Каждый видит в нем свое...

— Я вижу в нем Ворончука в период брачных танцев, — иронично заметила Тамарка. — Вернее, одну его анатомическую деталь.

— Как странно, милая, как странно, — захохотал бородач. — У дураков мысли одинаковые. Я как раз об этом подумал.

— Ерунда, — опроверг Лазарев, — это просто уставший мужик с высокой шапкой на голове. А то, о чем вы говорите, уважаемые, имеет несколько другие анатомические особенности. Заявляю вам как врач.

— А я заявляю как пользователь, — фыркнула Тамарка.

— Вы не правы, — рассмеялся Алик. — Совершенно иной наклон к горизонту. Мне сдается, это гигантская окаменевшая пушка, когда-то давно, в девятнадцатом веке, разившая турецкие и английские суда, по неосторожности подплывающие к берегу.

О чем они говорят? Этот бред совершенно не имеет отношения к делу... На меня никто не смотрел. Все смотрели на эту долбаную гору, словно ее лицемерие было важнее, чем моя драгоценная, ни с чем не сравнимая жизнь!

«Капюшон» обогнул стоящего Лазарева, вышел на линию «прямой наводки», сунул руку в нагрудный карман. Вот так, да?.. Я совсем забыла, что у меня в сумочке за спиной есть пистолет! Я попятилась — они по-прежнему на меня не смотрели, — съехала, образовав веселый камнепад, с бугорка и понеслась вниз по холму. До зарослей кустов было метров пятнадцать...

Даже не помню, кричал ли кто мне вслед. Может, и кричали, но я уже без остатка отдалась своей цели — уйти ото всех. Никто мне не поможет, неужели не ясно? Будь Алик даже героем — какой от него прок! Пока раскачается, пока почешется, поинтересуется, в чем дело... Я пробуравила стрекучий кустарник, впрыгнула в овальное ложе промоины и побежала к спасительным грудам камней, за которыми высился обширный сосняк.

Бежать предстояло на северо-запад, к ущелью. Я сдала влево и петляла между деревьями, пока окончательно не сбилась с курса. Тогда, преодолевая страх, я остановилась. Беспорядочное бегство могло привести только к худшему. Попала я круто — это уже очевидно. Не пора ли перестать сопротивляться? Я лихорадочно огляделась. Глиняные глыбы в лощине неплохо сочетались с брезентом моей штормовки. Я забралась в расщелину между двумя камнями, спрятала ноги и принялась терпеливо ждать. Если будет погоня, я сразу это обнаружу. Побегут развернутым фронтом. Сомневаюсь, что тип с облезлыми ушами отправится в погоню в одиночку. Их должно быть несколько. Что такое ловить Косичкину малыми силами, эти скользкие ребята уже представляют.

Я лежала минут двадцать, но никаких звуков погони не было. Только ящерицы прыгали с камня на камень, постреливая в меня глазками. Это могло означать многое: или полную мою невменяемость, или мои противники избрали иной маршрут. Вероятнее второе. Я подтянула к себе сумку и достала пистолет. Глаза б мои его не видели... Обыкновенный вороненый кусок металла с ребристой рукояткой и укороченным стволом. Курка нет, но есть флажок в левой части, одно из положений которого для самых бестолковых отмечено

красной точкой. На ней он и стоял. По логике вещей красный цвет означает сигнал опасности, то есть то, чего желательно избегать. Удивляюсь, почему он до сих пор не бабахнул...

Я положила пистолет на камень подальше, вытянула обе руки, зажмурилась. Придерживая левой затворную раму, провернула флажок. Ничего не произошло. Тогда я вернула флажок в исходное, и опять ничего не произошло. А что, собственно, должно произойти? Для производства выстрела, насколько помню, существует другая закорючка, сомневаюсь, чтобы флажок был на нее запараллелен. Немного подумав, я опять сдвинула предохранитель, поставив его в безопасное положение. Если возникнет суровая нужда, ничто не мешает вернуть обратно. Лучше так, чем отстрелить себе ползадницы.

Затем я вдруг обнаружила, что хочу есть и пить. Кружка чая с холодным шашлыком в тесном кружке у палатки были очень кстати, но это было утром. Прошло же несколько часов, и под ложечкой засосало.

Полагаю, это действовал горный воздух, богатый аэроионами. Находясь в Жемчужном, я нередко забывала о еде. Я вообще редко испытываю голод... Я вылезла из-под камня и начала робкое продвижение на северо-восток. Благо Тамаркины стоптанные кеды оказались крепкой обувкой.

Я шла по упругому моху, который податливо поскрипывал под ногами, и незаметно для себя угодила в совершенно другой лес. Привычный сосняк сменился буковой рощей. Здесь не было кустарников, не было травы. Землю устилала прошлогодняя мертвая листва, в которой приятно вязли ноги. Возникло ощущение, будто я иду по мягкому, чуть шуршащему ковру. Стояла торжественная тишина. Ни шороха, ни звука. Птицы не чирикают. Я слышала, будто птицы никогда не вьют гнезда в буковых лесах. Вероятно, это правда. Здесь вообще ничего нет! Кроме деревьев. Серебристо-серые цилиндрические исполины вздымаются гигантскими колоннами. Деревья разбросаны друг от друга — слишком гордые, чтобы выносить соседство с себе подобными. Густые кроны смыкаются вплотную, образуя зеленый шатер, почти не пропускающий свет. От стволов ползут узловатые корни-спруты, путаются в ногах. Понятно, что долго оставаться в таком лесу невозможно. Нервы на пределе. Я обрадовалась, когда обнаружила ложбину, прорезающую рощу. Отправилась по ее впадине, а когда ложбина пошла на понижение, а края, превратились в отвесные глиняные стены с черными подтеками, остановилась, чтобы поразмыслить. Видимо, это мне удалось, я переложила пистолет в боковой карман и медленно пошла вдоль обрыва, боязливо прислушиваясь.

Рычал какой-то страшный могучий зверь. Он гудел и шумел, рычал и шелестел. И тут я с испугом обнаружила себя на дне глубокого ущелья. Перед моим носом стояла, летела и бесновалась громадная, почти отвесная стена водопада. Белоснежная масса воды вырывалась из узкого пространства между скалами и с диким ревом неслась вниз, перекатываясь с уступа на уступ. В воздухе висело дрожащее облако водяной пыли.

Очевидно, это и было то самое ущелье, о котором говорили ребята. Боковой каньон, тянувшийся перпендикулярно морю. Когда-то здесь происходили колоссальные сдвиги и обвалы глыбовых масс, что и привело к созданию этой сбросовой трещины в известняковом массиве. Серые стены спускались почти отвесно — метров на сто. На отдельно торчащих скалах росли пучки искривленных сосен, на плоских террасах виднелись дубы, неприхотливые кустики, а вот самый верх каньона украшали стройные колонны пепельно-серых столетних сосен со срезанной кроной. По ложу ущелья звонко протекала речушка.

Не помню, говорили ли мне ребята, как долго простирается эта никчемная для меня красота. Километр, два? Или тридцать? Впрочем, особого значения это уже не имело. Даже триста километров я буду идти. До кровавых мальчиков в глазах. Вперед — только не назад...

Я шла по течению. Сначала по тропе — она петляла и перекидывалась с берега на берег. Затем просто по камням, загромождающим русло. Я смогла наконец-то вдоволь напиться — опустилась на колени и упивалась студеной влагой, покуда не окоченели руки. Прозрачная река бурлила, струилась по скользким камням, перекатывалась с глыбы на глыбу. Там, где дно было свободно от обломков скал, виднелись причудливые промоины, выдолбленные в толще известняка тысячеletним потоком. Очень скоро перепрыгивать с камня на камень стало невозможным: слишком скользко. А сами камни стали исчезать, их сменили каменные ванны, напоминающие громоздкие корыта. В одну из таких ванн я чуть не грохнулась, поскользнувшись на гладком окатыше. Отделалась ушибом. Вылезла из речушки, поднялась на исполосованный корнями обрыв и двинулась по петляющей тропе.

Примерно через полчаса обнаружила, что края разреза сдвинулись. В угрюмых скалах появились пещеры...

Глава пятнадцатая

Перед глазами маячила терраса, за ней стена, испещренная множеством ходов. Словно гигантские стрижи понарыли себе нор. Я перелезала через грудь бурелома, когда услышала, как сзади покатались камни! На обрыве вырос человек с пистолетом! От испуга я запнулась о трухлявую корягу и с треском уселась на землю. Он тоже споткнулся, попытался на пятой точке съехать прямо ко мне, однако оказался у подножия заскорузлой пинии, где и запутался в корнях. Я успела его разглядеть — тип с облезлыми ушами! Ах ты, гадина... Он пытался встать, барахтался в сухих щупальцах, ловил выпавший пистолет, кое-что ему удалось — пистолет он достал, но тут я вспомнила о своем. Впервые в жизни я стреляла из пистолета. И сразу в человека! Отвернула флажок — да как бабахнула! Не знаю, куда попала, но этот упырь убрался за сосну и принялся там возиться. Ногу в корнях заело?.. Я не стала ждать, когда он освободит ее, бросилась к ближайшей пещере в скале.

Влетела под нависший свод. Подуло сырым ветром. Этот ветер словно ждал меня, метнулся в лицо — я чуть не задохнулась. Задержалась на «пороге» — куда бежать? В двух шагах от каньона что-то видно, а дальше — ни зги. Снаружи хлопнули два выстрела. Зачем стрелять просто так? От злости?.. Спокойно, пусть шарашит, двадцать секунд у меня есть. Я лихорадочно запустила руку в сумку, нащупала зажигалку. Поставила рычажок на максимум и высекла пламя.

Над головой высветилось каменное подобие занавеса, образовалась зубчатая кайма по краям неподвижных штор, складки «ткани»... Сужение пространства, проход в соседнюю пещеру... Их здесь, должно быть, немерено! Не исключено, что эти проходы сплетаются между собой, образуют лабиринты, переплетения залов и галерей... Я ступила в соседнюю «залу», погасила огонь зажигалки и стала ждать. Ждать не пришлось. У входа мелькнула зеленая штормовка с капюшоном. Я выстрелила. Правда, направила ствол вниз (а то и впрямь убью). Пуля чиркнула по камню, отрикошетила и со свистом ушла в каньон. Человек в штормовке поскользнулся и рухнул со всего маху. Завопил от боли. Будет знать. Я оторвалась от проема и, вновь включив зажигалку, двинулась по низкой сумрачной галерее, ведущей вдоль каньона.

Снаружи опять сухо гавкнули два выстрела. Проверяет, куда я делась. Не услышав ответной пальбы, войдет со своей зажигалкой и очень быстро меня достанет. Скажем, выстрелом по галерее.

Хотя, напомнила я себе, зачем им меня убивать? Только я знаю место, где спрятана контрабанда. Не стоит меня убивать.

Пламя быстро подсело. Я прикрутила фитилек. А потом и вовсе убрала. Галерея тянулась прямо. Насколько можно судить, повороты пока не намечались. Я положила руку на стылую, покрытую какой-то слизью стену и начала передвигаться короткими шажками. Двигалась медленно, заранее прощупывая пол. Далеко впереди увидела искаженный дневной свет. Расколотый огрызок скалы с кустом можжевельника в трещине. И кривобокая трапециевидная «рамочка», окружающая все это. Иначе говоря, аналогичный пролом в стене и пещера, ведущая с улицы на галерею. Это значительно упрощало дело: если галерея в горе имеет такие сообщения с «волей», то я имею шанс не заблудиться. Постояла, послушала... Тишина... Тип с облезлыми ушами куда-то запропастился.

Я брела целую вечность, дрожа от холода, пока стены и потолок галереи не

приблизилась ко мне вплотную. Ощутила их холодное дыхание. Мурашки на спине набухали и превращались в ледяные волдыри. Напротив очередного выхода я остановилась. Теперь могла включить зажигалку: за спиной остался пологий поворот; не сможет крадущийся за мной упырь разглядеть блеклый огонек у меня в руках. Слева была пещера с низким сводом, покрытым каплями воды, прямо — продолжение галереи, очень узкий проход, куда протискиваться можно только боком. Справа какой-то боковой зал с гостеприимно широким проемом. В этом зале, если не задубеть от холода, можно отсидеться. Пусть упырь пройдет мимо. А не пройдет — его проблемы, я тоже вооружена и опасна. Поколебавшись, я осветила потолок и стены. Ничем не примечательная пещера — уродливые наросты, потолок в сосульках.

Стоит ли туда заходить? И сама себя выругала: что ты нервничаешь, в конце концов? Нужно лишь отсидеться несколько минут, перебороть холод.

Я ступила вперед. Благо робко так, с пятки на носок. И тут же с грохотом провалилась в ледяную воду!..

Обычное пещерное озеро. Хорошо, что не закричала. Падая, выронила зажигалку и вцепилась руками в какой-то шершавый сталагмит. Но окунулась основательно — по самые чресла. Ноги онемели. Такое ощущение, будто их отрубили. Стала прыгать, стараясь согреться. Перебарывая судорогу, растерла ноги. Потом ползала по полу, обливалась слезами — искала зажигалку. Видно, ангел-хранитель не насовсем покинул меня — я ее нашла. Высекла пламя и поднесла к полу.

Надо выходить на поверхность. Пистолет на месте — это главное. Сжав зубы, я пересекла галерею и вошла в пещеру, имеющую сообщение с улицей. На всякий случай пригнулась. Добрела до выхода и остановилась: в пещеру лезли двое!..

Вероятно, я вскрикнула, потому что они сразу оживились. Один высокий, остроклювый — вылитый индеец Джо. Другой поменьше, лысенький, с желеобразным подбородком. Кто такие? И где тип с облезлыми ушами? Мне кажется, я их видела в толпе туристов. Или нет?.. Я попятилась и чуть не села на скользкий пол.

— Стоять! — рявкнул «индеец Джо».

Они еще не вошли в пещеру, только собирались, оттого я их и рассмотрела. Грозный рык подстегнул меня. Стоять? А морда не треснет? Я развернулась и по памяти бросилась на галерею. За спиной сразу обозначился шум — эти двое, возбужденные близостью добычи, по-удалому ворвались в пещеру. Идея пришла спонтанно: я промчалась через галерею и вбежала в зал, где имелось озеро. За проемом я нырнула вправо, распласталась на полу. Вытянула руку, пытаясь нащупать переломленный сталагмит. Надо же такому случиться — нащупала. Он оказался совсем тонким, хотя довольно тяжелым. Сиплое дыхание было рядом — двое ворвались в галерею и, видимо, растерялись, ошарашенные темнотой.

— Ч-черт, не видно ни хрена...

— Включи зажигалку, идиот...

Я очень рассчитывала на то, что у них нет фонаря. У них его и не было. Зачем фонарь человеку, идущему днем в горы? Я поднялась на корточки, сымитировала шаркающие шаги. Должны услышать...

— Сюда! Стоять, с-сука!.. — Дрожащее пламя причудливо заплесало по стенам. Я за них даже не волновалась, была уверена — слишком возбуждены, чтобы смотреть под ноги. А пламя стремится вверх, освещая потолок и стены выше поднятой руки... Первый грохнулся

тут же. Брызги окатили меня с головой! Пламя потухло. Второй, очевидно, почувал подлянку, сумел сбалансировать на краю. Я держала обломок сталагмита двумя руками. Дубина марки «Аргумент». Ударила в темноту, целясь ниже коленки. Мимо. Он насторожился. Я опять шарахнула. Видимо, попала. Он завыл бабьим голосом. Я не упустила мгновения и пихнула его сзади. Он громыхнулся, причем, судя по воплям, упал прямо на своего приятеля, который как раз норовил пристать к берегу. Кажется, оба ушли на глубину...

Я села на корточки у выхода. Купальщики суетливо шлепали по воде. Я подняла пистолет и дважды выстрелила в потолок. Заткнула при этом только одно ухо (рук-то у меня сколько?), второе моментально оглохло.

— Из воды не выходить! — с климактерическим надрывом приказала я. В воде сразу сделалось тихо. Я на цыпочках встала и выбралась в галерею.

Впрочем, через несколько секунд вернулась. Прислушалась.

— Быстро вылазь, урод, кому говорю!.. И руку подай, уйдет же!..

— Да пошел ты, куда я вылезу?.. Ухватиться не за что, бл...

Я опять выстрелила в потолок. Возня затихла. Кто-то с перепугу, видно, хлебнул воды, закашлялся.

— Из воды не выходить! — повторила я. Подождала немного и на цыпочках вышла из пещеры.

Когда выбралась из пещеры, на меня обрушился ливень. Ущелье заливали яростные потоки воды. Над головой висела свинцовая туча. Сверкали молнии, гремел гром. Дул порывистый ветер, но я не испытывала холода. Эта гроза мне на руку. Ни одно живое существо в этом кошмаре не выйдет на тропу войны. Только я. А мне уже сам черт не страшен...

Порывы ветра сносили меня с тропы, а дождь полоскал, как тряпку. Просто физически невозможно было продвигаться дальше. Насилу добралась до вывернутого с корнем дуба. Забралась под него и долго лежала в сырой земле, смешанной с камнями, наблюдая, как напротив, на скалистом уступе, ветер треплет без жалости неказистую сосенку.

Гроза стихла внезапно — ветром выдуло черную тучу и погнало дальше, на север. Снова небо заволокли кудлатые облака — угрюмистые, но уже неспособные пролиться. Я лежала, глядя перед собой, без сил пошевелиться. Природа просыпалась после дождя. С громким карканьем пролетел ворон. Запрыгали ящерицы. Изумрудно-зеленые, серебристо-серые, шныряли друг за дружкой, карабкались по отвесным камням. То запрыгивали в щели, то выныривали. На одной из скал возникла огромная темно-бурая птица, за ней другая. Они усталились в мою сторону.

Я слишком долго была объектом пристального внимания. От местной фауны я такого не ожидала. Подстегиваемая недобрыми взглядами грифов, я выбралась из-под корневища и отправилась дальше. Погони пока не было. Я продолжала карабкаться по камням, и очень скоро тропинка вновь опустилась на дно ущелья. Стены сблизилась почти вплотную, стали пропадать уступы с гнездящимися по-птичьи соснами. Исчезали кусты, зеленая растительность уступала место бурым краскам известняка. Неожиданно кончилась река — ушла под землю. Я увидела впереди узкий каменный коридор. Перед ним — расколотые глыбы камня. Отправилась туда. Никого. Тишина. Вскоре подошла к самому узкому месту — горлу каньона. Края ущелья отстояли друг от друга метра на два, не больше. Я шла дальше, не решаясь поднять голову. И достигла крохотного озера с зеленовато-голубой водой. Каньон

закончился. Картина просто сказочная. Тропы, о которой говорили ребята, не было. Я решила посмотреть наверх и увидела вертикальные стены в серых разводах, вздымающиеся на стометровую высоту. С трех сторон — стены, с четвертой — узкая прорезь, заполненная сизым небом. Края облаков разорваны и висят хлопьями, будто грязная вата. Тропы не было. Пришлось возвращаться. Прошла по горлу каньона и снова подняла голову. Здесь и не могло быть никакой тропы — ни козьей, ни туристической. Отвесные стены — ни уступа, ни вдавлины. Эту трещину в земле можно смело преодолеть прыжком (если находиться наверху). Я опять побрела в обратном направлении. Одолела гулкой коридор с шорохом ящериц и зеленой водой в «корытах». Ущелье словно издевалось надо мной — никакой тропы в его конце не было.

Я не помню, кто мне говорил о наличии здесь тропы. Но кто-то говорил. Маскирующийся под друга. А другой очень удивился его словам. Поняв, что все мои усилия напрасны, я села на камень и заплакала. Это и стало моей последней ошибкой. Кто-то спокойно подошел сзади и вынул из моей руки пистолет...

Я подняла голову. Он думал, я захлебнусь от удивления, но я уже все поняла. Вспомнила, догадалась...

— И снова здравствуйте, Лидия Сергеевна, — приветствовал меня Алик. — Уморили вы нас. Ну и как вам эта местность? Красиво, да? Кто в каньоне не бывал, тот и Крыма не видал.

Будто прежний Алик. Никакой перемены в облике. За исключением пистолета. При этом мой он спрятал в штормовку, а своим задумчиво почесал переносицу. Уселся на камень напротив, расставил ноги по-хозяйски. Улыбнулся вроде сочувственно — мол, поплачьте, Лидия Сергеевна, поплачьте, легче станет. Его штормовка и крепкие каштановые волосы оставались сухими, правда, на лбу блестели бисеринки пота — побегать пришлось.

— Тварь ты мелкая, Алик, — вздохнула я, опуская голову. — Так и чувствовала, что с тобой нельзя иметь дело.

— Каюсь, Лидия Сергеевна, обманул. Нет тропы на плато. Откуда ей тут взяться? Ну а что вы хотели? В лагере были люди из СБУ, да и вообще слишком много народу. Вы сделали нам неплохой подарок, сбежав из города. Спасибо. Вы сердитесь на меня?

Я кивнула:

— Немного.

— Вот и хорошо, что немного, Лидия Сергеевна. Вы очень нравились мне, честно говоря. Зачем вы влезли в эту историю, кто вас просил? Мы с вами так хорошо встречались, я испытывал легкую романтическую грусть... А потом началось это безумие. Вы меня расстроили. Поначалу мы думали, что вы замешаны, уж больно рьяно вас Рокот опекал, потом выяснилось, что вы — невинная жертва, а СБУ пускает пыль в глаза. Теперь же вы вновь в центре событий, и на вас, как говорится, последняя надежда.

— А потом? — Я вскинула голову. — Что потом со мной будет, Алик?

Он не нашелся, что ответить. Открыл было рот, чтобы произнести что-то неискреннее, но, видимо, вспомнил, что идиотка я не окончательная и в некоторых ситуациях могу разбираться без посторонней помощи. Потому лишь пожал плечами:

— Разберутся, Лидия Сергеевна. Зачем вам переживать раньше времени?

— А ты сухонький, — не утерпела я. — Гроза прошла стороной, Алик?

Он расплылся в улыбке — дескать, какой он находчивый.

— Пересидел, Лидия Сергеевна, в пещерке. В паре верст отсюда. Да вы знаете. Куда,

думаю, гнать коней, мы с вами в этом ущелье все равно не разминемся.

— Ты любишь приходить на готовенькое. Уважаешь непыльную работу. Одни в поте лица контролируют СБУ, другие — продажную милицию, третьи — перемещения фигурирующих в деле лиц, а тебе, Алик, досталось самое простенькое — опекать турбазу. Мало ли какое там злодейство?.. Романтика, Алик. Работа — не бей лежачего, ходи по пляжу, баб клей. Можно схалтурить, на дегустацию сбегать. Верно, Алик? Ведь ты же очень утонченная натура — природу любишь, Мицкевича цитируешь, бабу на десять лет старше округить решил. И как начальство тебя терпит?

— Начальство меня уважает. А после сегодняшнего дня должно возлюбить. Пойдемте, Лидия Сергеевна. Нам предстоит тяжелая обратная дорога. Весьма сожалею, но в нашем распоряжении пока не имеется вертолета.

— Не могу, — покачала я головой. — Устала сильно. Под дождем промокла. В пещере замерзла. Имею я право отдохнуть?

Он качнул головой:

— Сожалею. Даже в борьбе вы не обрели свое право, Лидия Сергеевна. Пойдемте прошу вас. Будем делать привалы, говорить о жизни. Поймите, нам действительно надо идти. Наши люди в ущелье контролируют чудаков из СБУ. Я уверен — мы их обыграем, но к чему дополнительный риск? Поднимайтесь...

— Подожди, — прошептала я. — Объясни-ка лучше... Помнишь, у меня из сумочки паспорт дернули? Тринадцатого августа, если не путаю. А потом вернули. Это не ты руку приложил? Признайся! Ума не приложу, как тебе удалось...

Алик засмеялся:

— Да это просто озорство, Лидия Сергеевна. Ребячество. Проверяли всех женщин — новоприбывших и одиноких. Вас ни в чем не подозревали. С какой стати? Общая гребенка. Помните цыганенка на велосипеде? Каждый день свой навьюченный велик на руках таскает, фрукты, креветки продает... У него папаша бывший фокусник, обучил мальчика, прежде чем спиться. Каюсь, Лидия Сергеевна, был способ лучше, разве проблема — посмотреть ваш паспорт? — так нет, шаловство в одном месте выиграло. Дал парнишке двадцать гривен, подсказал, где у вас сумочка, да строго наказал, чтобы деньги не вздумал спереть... Ну кто обратит внимание на паренька? Так привыкли, что уже не замечают, с антуражем сливается... — Он опять рассмеялся.

Подниматься не осталось сил. Голова клонилась к земле, в ней мелькали обрывки сновидений. Серая мышка вылезла из-под камня, поводила носиком. Метнулась по своим делам. Проскочить хотела между мной и Аликом, да не рассчитала — уперлась в мой кед, перевернулась, в страхе юркнула обратно.

— Вы уже клюете носом, Лидия Сергеевна.

Я понимаю — бессонная ночь. Давайте руку, вставайте, нужно идти.

Он и впрямь протянул мне свою руку. Неужели думал, что я ему просто так, из добрых побуждений, отдам свою? Я демонстративно разложила свои конечности по карманам, поднялась.

— Хорошо, Алик, кому-то сегодня крепко подфартило. Авантюра закончена, ни одно животное не пострадало. У тебя есть аркан, чтобы меня тащить?

Внезапно его глаза распахнулись от изумления. Я не успела проследить за событием. Тень гигантской птицы с распростертыми крыльями спикировала на Алика, обдав меня потоком воздуха...

Я невольно присела. Очевидно, не всех людей из СБУ удалось обыграть. Остались неучтенные. Тип с облезлыми ушами влез на раздолбленную скалу, какое-то время присутствовал при беседе, а когда Алик утратил бдительность, бросился сверху. Это был эффектный ход. Этот тип — любитель эффектных трюков, я уже поняла. Алик рухнул плашмя на камень, треснулся затылком. Но сознания не потерял, стал сопротивляться. Облезлый сжал его правой рукой за ворот, врезал со страшной силой локтем по челюсти. Алик вновь треснулся затылком.

— Пушку хватай, чего расселась! — рыкнул на меня тип.

Меня подбросило. Я сорвалась с места и принялась ловить выроненный Аликом ствол. Особой нужды, мне кажется, не было. Алик тупо мычал, обороняться в таком состоянии вряд ли мог. Но если профессионалы настаивают...

Я схватила пистолет с третьей попытки. Он почему-то все время выскользывал. Мне так и не удалось подержать его в руках. Произошла очередная перестановка сил. Не успела я утвердить в руке рукоятку, как хлестким ударом его выбили на землю. А я полетела в другую сторону. Двое выбежали из-за скалы. Один — мимо меня, походя применив прием, второй — с другого края. Он бросился к дерущимся. «Индеец Джо» и лысоватый! Как жаль, что я вас не утопила!.. Тип с облезлыми ушами спиной почувал перемену — даром что профессионал. Отдав Алику последние кишки, крутанулся на бок, послал «индейцу» пятку в пах. Тот закудахтал. Однако спаситель заблудших писательниц не успел пожать плоды: подлетел лысоватый и с размаху пнул его по голове. Очнулся Алик. Вспомнив, что он не какой-то там пацан с мольбертом, а инструктор по рукопашке (хотя и сомневаюсь), врезал ребром ладони облезлому под ребра... Дальше расправы я не видела — упрямо карабкалась на четвереньках к пистолету. Вот уже схватила!.. И опять он от меня улетел — грохот выстрела расколол теснину, пуля попала в пистолет, отбросила его в сторону, а я, тряся горячей рукой, рухнула на живот...

Когда подняла голову, картина выглядела достаточно печальной. Из ствола в пухленькой ручонке лысоватого курился сизый дымок, а сам он многообещающе улыбался. Единственный не пострадавший... «Индеец Джо» сидел на камне и сипло дышал, вращая глазами. Мой лучший друг с облезлыми ушами пытался привстать на колени. То же самое хотел сделать Алик. У обоих выходило одинаково криво. Мой приятель хоть выглядел поприличнее. А у Алика отовсюду лилась кровь: из разбитого затылка, изо рта, из рассеченной щеки... Глаза его блуждали, неспособные закрепиться на чем-то конкретном. Наконец он поймал в «окуляр» второго раненого. Лицо перекошилось — в нем появилось что-то зверино-осмысленное.

— Кротов, завали гадину!.. — Он слова не произносил, а выхаркивал вместе с кровью. — Собаке — собачья смерть... Бабу не тронь, бабу с собой заберем... Весник, помощи встать...

— Сам встанешь, не маленький, — сипло выдавил «индеец», а когда лысенький поднял пистолет, чтобы убить моего приятеля, сделал останавливающий жест: — Замри, Кротов, я сам эту гниду кончу, у меня к ней счет образовался...

— Давай, дело хозяйское... — Напарник пожал плечами и опустил пистолет. «Индеец Джо» с улыбкой голодного каннибала полез в карман...

Но тут загрохотали выстрелы, знаменуя новую перестановку сил на театре военных действий!

Я совсем перестала понимать — кто с кем воюет, против кого... Голова рвалась на осколки, как граната. Окружающую меня картинку заволокло туманом и отдалило, будто я начала ее рассматривать в бинокль с обратной стороны... Вдруг возник Казарновский в развевающейся ветровке. Это он стрелял. «Индеец Джо», не вынув руки из кармана, с воем рухнул на колени. Лысоватый, не открывая ответного огня, лихорадочно повертел головой, затем бросился в каменный коридор, ведущий в горловину каньона. Как будто не знал, что там тупик. Забыл со страху? Его преследовали сразу двое — крепких, быстроногих...

— С вами все в порядке? — прыгнул с камня Казарновский.

— Все отлично, Вадим Андреевич, занимайтесь своим делом, — прошептала я, отчаянно борясь с надвигающимся обмороком.

— Вы уверены? — Он озабоченно коснулся моих плеч.

— Да конечно, я не ранена. Помогите лучше человеку — его крепко избили...

Вокруг всюду сутились люди... Двое крепких, быстроногих провели брыкающегося лысенюго... Двое оттащивали «индейца»... Кто-то склонился над поверженным Аликом, обшаривал его карманы (это правильно, он украл у меня пистолет)... Вадим Казарновский с белобрысым оперативником колдовали над едва шевелящимся человеком с облезлыми ушами. Совместными усилиями они усадили его спиной к камню. Оперативник извлек из рюкзака бинт, начал заматывать рассеченную голову... К ним я и отправилась, поскольку уже не могла терпеть в одиночку пронзительную головную боль. Я встала на четвереньки и медленно поползла, тыкаясь в чьи-то ноги. Идти уже не могла...

— Женщина, с вами все нормально? — спросил кто-то.

В лучшем виде, товарищ, — откликнулась я. — Вы же видите, я сама иду.

Я ползла и видела только Вадима, лишь он мог успокоить мою боль, сказав несколько не очень грубых слов.

Тип с ушами первым обратил внимание на мое состояние. Обескровленное лицо пересекла кривая усмешка. Я могла себя поздравить — его физиономия уже не вызывала во мне рвотных спазмов.

— Рад вас видеть в добром здравии, мадам. Вы уже ходите... Мы с вами отныне, как вино «Мадера», — дважды рожденные солнцем... Обратите внимание.

Желтый сноп света пересек мою дорожку — видно, в тучах образовался разрыв — и рассыпался по камням золотистыми брызгами. Он не мог меня остановить, только ускорил продвижение к цели.

Обернулся Вадим Казарновский:

— Вам помочь, Лидия Сергеевна?

— Да уж дойду, — отказалась я. — И не такое проходила.

— А нас с вами, Лидия Сергеевна, так ни разу и не познакомили, — преодолевая боль, улыбнулся тип с облезлыми ушами. — Могу откомендоваться — майор Рачков. Оперативное управление ФСБ.

— Я и сама не дура, — бормотала я. — Давно уж догадалась. Вы сказали — СБУ?

— Я сказал — ФСБ. Вы невнимательно слушаете...

— А почему вы так сказали?

— Ну не знаю, работаю я там... А родом из Омска, Лидия Сергеевна, мы с вами почти земляки — всего ночь езды на скором поезде...

— Творческая командировка. В братскую могилу, — хохотнул белобрысы

оперативник.

— Отсюда и пугающая несогласованность в действиях, — пробурчал Вадим, поневоле вынужденный повернуться: я почти доползла до него, осталось лишь потрогать.

— А вас не удивляет, почему мы здесь, Лидия Сергеевна? — вдруг сказал Вадим. — Это легко объяснить. Направляясь в горы, руководитель похода обязан сообщить маршрут контрольно-спасательному отряду. Кто-то обрисовал приметы посторонней женщины, появившейся рано утром в палаточном городке...

Боль в голове, будто чувствуя, что жить ей осталось недолго, вспыхнула ослепительным блеском, разбросав по черепу горящие угольки.

— Не спешите, больная, — шутливо пожурил оперативник. — Вы не одна. Здесь живая очередь.

— С острой болью — без очереди, — прошептала я, упав на грудь единственному в этой стране желанному человеку...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Недалек от истины оказался уважаемый Иван Валерьянович Рокот, ныне покойный, — «москаля треклятые» вели подкоп под бизнес. Информация все же просочилась. Существуют женские хитрости, способные разговорить даже суровых чекистов. Группа работников ФСБ одного из южных городов России — назовем его Ставродар — пыталась подмять под себя кусок цветущего рая в соседнем государстве. Понять можно — зарплата маленькая, кушать хочется. Операция велась по всем правилам: внедрение в бизнес надежных людей, переподчинение (читай, перекупка) важных лиц в городской структуре, наблюдение за всеми (!) сферами жизни курортного края. Наступление велось поэтапно, тихой сапой. Первым делом собрали информацию об особенностях криминального дела в регионе, включая направление финансовых ручейков. Материалы стекались в группу оперативного управления. Аналитики в Ставродаре, засев за компьютеры, отштудировали их. Взяли под контроль партнера Рокота в Турции. Однако каналом по доставке наркотиков полностью завладеть не удалось, что и вызвало, как следствие, беготню за некой Косичкиной. И лишь после того как нужные люди с удобством расселись по ключевым позициям, был нанесен сокрушающий удар. Вывод из строя Рокота, Молича, начальника городской милиции, «начштаба» местных «бригадиров»... Затем был выведен на первый план Максим Березниченко — «официальный» преемник Рокота. Мутное дело легко могло выгореть. К тому и шло, не спохватись чуть ранее крымское СБУ, имевшее с доходов Рокота регулярный процент. У них тоже невысокая зарплата, им тоже кушать хочется. Чувствуя неравные силы, эсбэушники стукнули «старшему брату» на Лубянку: мол, что за беспредел, уймите своих бультерьеров! Мы же как-никак самостоятельные, незалежные... На незалежность и самостоятельность «младшего брата» старшему было глубоко наплевать. Возмутило другое: как? без нашего ведома! Без нашего участия? Можно подумать, у нас зарплата безразмерная! Это что за сепаратизм в отдельно взятом уголке России! Безобразие! Словом, с суками надо бороться. Томимое ревностью, лубянское ФСБ срочно установило связь с местными чекистами. Итог известен. Вернее, не совсем, поскольку в итоге все смешалось. Ночью от руки таинственного абрека-математика пал-таки Березниченко. Вышел покурить на террасу заблокированного охраной «Соколиного гнезда»... Граната прилетела из ущелья по навесной траектории. И началась «битва титанов». Обалдевшие от такого нахальства работники «циничной, наглой, беспредельной» организации той же ночью расстреляли машину с одесскими чекистами, направлявшуюся в Жемчужное на подмогу. Чекисты не остались в долгу — жажнули бомбу в крупнейшее городское казино «Колибри», где по чистому совпадению проходило совещание работников вышеупомянутого «фан-клуба». Уцелевших пинками водворили в «воронок»... Хорошо сработал лишь Павел Нестеров, сумевший вывести на чистую воду сопровождаителя важной контрабанды и временно прищучивший некую Косичкину. Но и здесь в итоге все обломилось...

О наступившем «безвластии» никто особенно не сожалел. А кого посадят на «крышевание» — разве суть важно? Кого надо, того и посадят. Нам не доложат. «Расскажите мне о Стоцкой», — попросила я Рачкова. «Вам зачем?» — насторожился тот. «Собираю сведения о незаурядных людях», — объяснила я. «Только этого не хватало, — рассердился тип с облезлыми ушами, покрываясь аллергенными пятнами. — Если где-то всплывет информация о Стоцкой, нам придется долго расхлебывать». Казарновский оказался

покладистее — секреты чужого государства не стерег. Мария Петровна Стоцкая с девяносто восьмого по двухтысячный год трудилась в областном управлении по борьбе с наркотиками. Очаровательная девушка, оперативник хоть куда — единственное украшение в доме, где всегда не прибрано... В двухтысячном году она внезапно исчезла. Не пропади вместе с девушкой наработки по всем героино-маковым делам — сочли бы за досадный криминал. Заглянули в базу — а там словно Мамай с ордой прошел... Через год девицу с подобными приметам видели в день убийства Анвера Латышева — крупного ялтинского авторитета, специализирующегося на транзите афганского сырца через Турцию. Через два — в России, в компании известного рязанского наркобарона Сурика. Через три — неконтролируемый оборот опия через северное Черноморье изрядно подрос. К сожалению, работники Ставродарского ФСБ понятия не имели, что искомая Царицына — это их давно потерянная Мария Петровна Стоцкая, иначе не случилось бы неразберихи с некой Косичкиной. Физиономию своего бывшего работника некоторые лица в органах пока еще помнили, однако Соня Зырянова так ни разу им и не встретилась — у девушки оказался потрясающий нюх на опасность.

Я показала им место, где Соня спрятала контрабанду. Целая дюжина вооруженных фонарями людей под присмотром понаехавшего начальства по камешкам разбирала грот. Провозились три часа. Я уж стала побаиваться, что меня линчуют. В итоге самого догадливого осенило — а давайте пригласим овчарку с ближайшей таможни, их там специально тренируют на вынюхивание наркотиков. Ближайшая таможня оказалась в Керчи (по крайней мере, имевшая овчарок).

В третьей по счету пещере в глубине скалы собачка снисходительно твякнула: мол, тута, только отстаньте. Этот грот поисковики уже проверяли. Причем с особой тщательностью. Слегка пристыженные, они перевернули его заново. И обнаружили под монолитной плитой у самой воды пустоту. Для этого надо было лишь поднырнуть, отодвинуть плоский камень, прикрывающий проход, и вынырнуть внутри монолита, где совсем рядом с поверхностью находилась сухая и удобная ниша.

Видимо, Соня обнаружила ее случайно, зацепив ногой камень. У поисковиков же этого не вышло ни случайно, ни намеренно.

Тридцать килограммов чистейшего наркотика в герметичных пакетах! Миллионы и миллионы долларов! Даже потеряв все остальное, но обретя этот лакомый кусок, «циничная, наглая, беспредельная» организация могла злодействовать долго и припеваючи. По словам Вадима Казарновского, когда эту партию наркоты отправляли на костер, в глазах у некоторых эсбэушников стояли слезы...

Через два дня с центрального почтамта я позвонила домой.

— Наконец-то! — взорвалась мама. — Ты что себе позволяешь?

— Извини, мама, я так долго ничего не позволяла, что самое время сейчас позволить...

— Например?!

— Ты, главное, не волнуйся. Скромный минимум, ты же меня знаешь. Тихий ужин с видом на букет магнолий, экскурсия в Ливадию, гроты Балаклавы, все, мама, очень скромно...

— Но Бронислава говорит... — слегка прикрутила громкость мама, — что если бы не ее присутствие... Да-да, если бы не было ее присутствия там, рядом с тобой...

— То не было бы ее отсутствия, — нетерпеливо перебила я. — Это все понятно. Не верь

тому, что она говорит, мама.

— А откуда ты знаешь, что она говорит? — ехидно поинтересовалась мама. — Между прочим, ее насильно депортировали с Украины, и она мне такое рассказала — волосы дыбом! Я немедленно вылетаю — у меня билет на вечер забронирован!..

— Отставить! — ужаснулась я. — Я вечером занята... И вообще, ты паспорт не поменяла, тебя не пустят, слава богу. Не верь ни одному ее слову, мамочка. Бронислава пополняла коллекцию своих любовников, промотала все деньги, из-за нее разразился международный скандал, и ее насильно депортировали. Честное слово.

Как будто можно депортировать добровольно.

— Хорошо, — смилостивилась мама. — Я готова тебе условно поверить, если ты обязуешься звонить дважды в сутки и сообщать о состоянии своего здоровья.

— Обязуюсь, — обрадовалась я. — А как дела у Варюши?

— Как ни странно, неплохо, — сухо вато призналась мама. — Коленка зажила, любовь накрылась тазиком. Этот маньяк и рецидивист из соседнего двора оказался форменной скотиной, даже Варюша это признала. Он обработал соседского кота Отморозка строительной пеной. Теперь продает его фотографии. Варюша в шоке. Она ездит со мной на дачу, помогает собирать помидоры. Вчера два собрала...

— Ну вот видишь, как все отлично складывается. Любовь прошла, а помидоры еще не завяли... Ну все, мама, чмок-чмок, пока, я вас всех зверски обожаю и люблю, люблю...

Не выходя из кабинки, я позвонила Броньке.

— Не трясина мою маму, — сурово сказала я вместо «здрассте, дорогая Бронислава Казимировна». — У нее от твоих впечатлений четвертая степень невменяемости. А пятой, учти, не бывает.

— Как! — разбушевалась Бронька. — Ты еще не уехала из этого гадюшника?! Ничего не понимаю! Ты обязана сегодня же вылететь! Я настаиваю! Я требую, Косичкина! Убью!..

— Я, пожалуй, задержусь, начинайте без меня, — краснея, пробормотала я.

Разогнавшаяся Бронька будто налетела на барьер — замолчала и принялась осмысливать мое бормотание.

— Понятненько, — зловеще процедила она. — По описи передали. Ты открыла в себе запасы неисчерпаемой страсти. Ну и кто он, этот редкий счастливчик? Я его знаю?

— Не спонсор... — Я осторожно повесила трубку и вышла из кабинки.

Вадим Казарновский блаженно шурился. Я нежно покорябала его трехдневную щетину. Ни одна невеста в Симферополе его так не покорябает. В восемь вечера, по прибытии в гостиницу «Янтарная», он обязался ее сбрить. На что имелся значительный повод. Руководство предоставило ему двухнедельный оплачиваемый отпуск.

Начиная с текущего дня...

Больше книг на сайте - Knigoed.net